

Александръ Дюма.

ТРИ МУШКЕТЕРА

Романъ въ четырехъ частяхъ.

Съ рисунками Мориса Лелуара.

Переводъ съ французскаго.

Часть вторая.

МОСКВА. — Типографія Т-ва И. Д. Сытина. — 1900 г.

Александръ Дюма.

Три мушкетера.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

Съ рисунками Мориса Лелуара.

Переводъ съ французскаго.

Часть вторая.

Типографiя Товарищества И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1900.

Дозволено цензурою. Москва, 2 августа 1900 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I,

гдѣ хранитель государственной печати, Сегье, много разъ принимался искать веревку съ колокольни, чтобы позвонить въ набатъ, какъ это дѣлалъ онъ прежде не разъ.

Невозможно передать, какое впечатлѣніе произвела на Людовика XIII эта новость. Кровь бросилась ему въ голову, онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, и кардиналъ съ радостью замѣтилъ, что побѣда снова дает я ему въ руки.

— Лордъ Букингамъ въ Парижѣ! — вскричалъ король. — Зачѣмъ?

— Разумѣется, затѣмъ, чтобы составить заговоръ съ вашими врагами, гугенотами и испанцами.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я понимаю: онъ пріѣзжалъ составить заговоръ съ г-жею де-Шеврёзъ, г-жею де-Ланговиль и съ Конде противъ моей чести!

— О, король! Какая мысль! Королева слишкомъ благоразумна, да кромѣ того, она такъ любитъ ваше величество!

— Женщина слаба, г. кардиналъ, — сказалъ король, — а относительно того, насколько она меня любитъ, у меня уже составилось объ этомъ свое мнѣніе.

— А я все-таки держусь того мнѣнія, — сказалъ кардиналъ, — что герцогъ Букингамъ пріѣзжалъ въ Парижъ съ цѣлью, исключительно политической.

— А я такъ вполнѣ увѣренъ, что онъ пріѣзжалъ совсѣмъ за другимъ, г. кардиналъ! И если только королева, дѣйствительно, виновна... О! пусть она тогда трепещетъ!

— А въ самомъ дѣлѣ! — сказалъ кардиналъ. — Какъ ни ужасна для меня даже мысль о подобной измѣнѣ, а вы, ваше величество, все-таки навели меня на размышленіе: Г-жа де-Ланнуа, которую, по приказанію же вашего величества, я уже разспрашивалъ много разъ, сказала мнѣ сегодня утромъ, что въ позапрошлую ночь ея величество что-то слишкомъ долго не ложилась спать, что утромъ она очень много плакала и цѣлый день потомъ что-то писала.

— Такъ и есть! Ему писала письмо, разумѣется! Кардиналъ! Мнѣ нужно имѣть это письмо!

— Но какъ же достать его, ваше величество? Мнѣ кажется, что ни мнѣ ни вашему величеству неловко будетъ взять на себя это дѣло!

— Какъ достать? А какъ достали письма жены маршала д'Анкра?— вскричалъ король, внѣ себя. — Обшарили всѣ ея шкапы, а потомъ обыскали и ее самое!

— Жена маршала д'Анкра и была не болѣе, какъ жена маршала д'Анкра, флорентинская авантюристка, ваше величество, и ничего больше, а августѣйшая супруга вашего величества, Анна Австрійская, королева Франціи, одна изъ высочайшихъ особъ въ мірѣ.

— Оттого вина ея еще больше, г. герцогъ! Чѣмъ больше она забыла свое высокое положеніе, тѣмъ ниже она пала! Давно уже я рѣшилъ покончить, наконецъ, со всѣми этими политическими и любовными интригами. У нея есть тутъ нѣкій де-ла-Портъ...

— Котораго, признаться, я считаю главной пружиной всѣхъ этихъ интригъ, — сказалъ кардиналъ.

— Такъ вы думаете такъ же, какъ и я, что она меня обманываетъ? — спросилъ король.

— Я думаю, какъ я уже говорилъ вашему величеству, что королева составляетъ заговоръ противъ власти короля, но я ни разу не говорилъ, что противъ чести.

— А я вамъ скажу, что противъ того и другого. Сказать откровенно; она вовсе не любитъ меня! Она любитъ этого презрѣннаго Букингама! Отчего вы не велѣли арестовать его, когда онъ былъ въ Парижѣ?

— Арестовать герцога? Арестовать въ Парижѣ перваго министра короля Карла I! Подумали ли вы, ваше величество? Столько шуму! И вдругъ, если бы подозрѣнія вашего величества подтвердились, въ чемъ я все-таки продолжаю сомнѣваться, подумайте, какой бы поднялся страшный шумъ! Скандалъ на всю Европу!

— Но если же онъ шелъ на все, какъ какой-то бродяга, воръ, такъ нужно было...

Людовикъ XIII остановился, испугавшись самъ того, что хотѣлъ сказать, между тѣмъ какъ Ришелье, вытянувъ шею, съ напряженіемъ ждалъ слова, котораго не договорилъ король.

— Нужно было?

— Ничего, — сказалъ король, — ничего! А вы не теряли его изъ виду, пока онъ жилъ въ Парижѣ?

— Нѣтъ, государь.

— Гдѣ же онъ проживалъ?

— Въ улицѣ де-ла-Гарпъ, № 75.

— Гдѣ это?

— Около Люксембурга.

— И вы увѣрены, что королева не видалась съ нимъ?

— Я думаю, ваше величество, что королева прекрасно понимаетъ свой долгъ.

— Такъ, значитъ, они переписывались. Значитъ, она писала цѣлый день къ нему. Герцогъ, мнѣ необходимы эти письма!

— Но, государь...

— Господинъ герцогъ, во что бы то ни стало, я хочу ихъ имѣть!

— Я позволю только себѣ замѣтить вашему величеству...

— Такъ и вы измѣняете мнѣ, г-нъ кардиналъ, и вы постоянно противорѣчите мнѣ? Вы тоже, значитъ, въ заговорѣ съ испанцами, съ англичанами, съ г-жею де-Шеврёзъ и съ королевой?

— Ваше величество,—сказалъ, вздохнувъ, кардиналъ,—я полагалъ, что стою выше подобнаго подозрѣнія.

— Г. кардиналъ, вы слышали меня: я хочу имѣть эти письма!

— Для этого есть только одно средство!

— Какое?

— Поручить все это дѣло г-ну Сегье, хранителю государственной печати. Это какъ разъ входитъ въ кругъ его обязанностей.

— Такъ пошлите же за нимъ сію минуту.

— Онъ, должно-быть, теперь у меня. Я позвалъ его къ себѣ, а уходя въ Лувръ, отдалъ приказаніе попросить его подождать меня, если онъ придетъ безъ меня.

— Такъ пошлите же за нимъ скорѣе!

— Приказанія вашего величества, будутъ исполнены, но...

— Но, что?

— Но, можетъ-быть, королева откажется повиноваться.

— Моимъ приказаньямъ?

— Да, если она не будетъ знать, что эти приказанія исходятъ отъ короля.

— А, вотъ какъ! Ну, такъ, чтобы она не сомнѣвалась, я пойду самъ предупредить ее.

— Ваше величество, не забудьте, что я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы предотвратить разрывъ.

— Да, герцогъ, я знаю, вы были снисходительны всегда къ королевѣ, даже слишкомъ снисходительны, и я долженъ васъ предупредить, что впослѣдствіи я буду имѣть съ вами по этому поводу разговоръ.

— Когда будетъ лишь угодно вашему величеству. Я буду всегда гордъ и счастливъ, государь, сознавая, что посвятилъ всю свою жизнь на то, чтобы миръ и согласіе постоянно царили между вами и королевой Франціи.

— Хорошо, кардиналъ, хорошо; а пока пошлите скорѣе за хранителемъ государственной печати, я же пойду къ королевѣ.

И, отворивъ двери, Людовикъ XIII прошелъ въ коридоръ, который соединялъ его половину съ комнатами Анны Австрійской.

Королева сидѣла въ кругу своихъ приближенныхъ дамъ, Гите, де-Сабле, де-Монбазонъ и де-Гемене. Въ углу сидѣла ея испанская камер-фрау, донна Стефанія, пріѣхавшая за ней изъ Мадрида. Г-жа де-Гемене читала вслухъ и всѣ внимательно слушали чтеніе, кромѣ самой королевы, которая придумала все это чтеніе только для того, чтобы имѣть возможность предаться своимъ мечтамъ, не обращая на себя вниманія.

Мечты эти, хоть и позолоченныя послѣднимъ отблескомъ любви, носили все-таки оттѣнокъ грусти. Анна Австрійская, лишившись съ нѣкоторыхъ поръ довѣрія мужа, была подъ постояннымъ страхомъ всевозможныхъ несчастій, которыхъ она ждала со стороны кардинала, безжалостно преслѣдовавшаго ее всю жизнь. Кардиналъ не могъ ей простить того упорства, съ которымъ она отвергла когда-то его нѣжныя объясненія въ любви, помня наставленія своей матери-королевы, пи-

тавшей всю свою жизнь глубочайшую ненависть къ кардиналу. Впрочемъ, если вѣрить мемуарамъ того времени, Марія Медичи начала съ того, что сдалась на пылкія чувства кардинала, въ чемъ Анна Австрійская до конца продолжала ему рѣшительно отказывать. Скоро Анна Австрійская стала замѣчать, какъ одинъ за другимъ исчезали ея самые преданные слуги, самые близкіе и дорогіе ей люди.

Есть такіе несчастные люди, которые сами въ себѣ носятъ постоянно столько горя, что приносятъ несчастье всему, къ чему ни прикасаются. Надъ королевой тоже висѣлъ какъ будто печальный рокъ. Ея дружба вызывала всевозможныя преслѣдованія и нападки на голову той или того, кого она хотѣла приблизить къ себѣ. Г-жа де-Шеврёзъ и де-Верне были сосланы. Де-ла-Портъ не скрывалъ отъ своей повелительницы, что съ минуты на минуту ждетъ, что его арестуютъ.

Въ ту минуту, когда подъ звукъ голоса г-жи де-Гемене королева предалась своимъ затаеннымъ невеселымъ думамъ, вдругъ растворились двери, и вошелъ король. Лектриса тотчасъ же прервала чтеніе, всѣ дамы встали, и наступило глубокое молчаніе. Король, забывши всякія правила вѣжливости, остановился предъ королевой и сказалъ вѣжливымъ голосомъ:

— Королева, сейчасъ къ вамъ явится канцлеръ и сообщитъ вамъ кое-что отъ моего имени.

Бѣдная королева, которой постоянно угрожали разводомъ, изгнаніемъ и даже судомъ, поблѣднѣла подъ своими румянами и не могла удержаться, чтобы не спросить:

— Но, зачѣмъ же онъ, государь? Что такое можетъ сказать мнѣ канцлеръ, чего ваше величество не можете мнѣ сказать сами?

Король не отвѣтилъ ни слова, повернулся на каблукахъ и пошелъ къ двери. Почти въ ту же самую минуту де-Гито, капитанъ гвардіи, доложилъ о приходѣ канцлера.

Канцлеръ вошелъ въ дверь, когда король уже вышелъ изъ комнаты.

Канцлеръ вошелъ съ нѣсколько смущенной улыбкой. Такъ какъ въ теченіе этой исторіи намъ, вѣроятно, не разъ придется встрѣтиться съ нимъ, то мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ нимъ сейчасъ же нашихъ читателей.

Этотъ канцлеръ былъ очень веселый человѣкъ. Звали его Дэрошъ де Масль Сегье. Онъ былъ теперь каноникъ собора Парижской Богоматери. Нѣкогда онъ былъ камердинеромъ покойнаго кардинала, который его рекомендовалъ своему преемнику какъ человѣка вполнѣ преданнаго. Кардиналъ положился на эту рекомендацію и не раскаялся.

Много ходило о немъ разныхъ сплетенъ и, между прочимъ, такъ разсказывали про его исторію.

Послѣ бурно проведенной молодости онъ удалился въ монастырь, чтобы тамъ искупить и замолить хоть немного свои многочисленные грѣхи.

Но, очевидно, вступивъ въ это святое мѣсто, бѣдный кающійся не сумѣлъ закрыть за собой двери такъ плотно, чтобы соблазны, отъ которыхъ онъ бѣжалъ, не могли проникнуть за нимъ въ его мирную келлію. Страсти попрежнему продолжали обуревать бѣднаго Сегье, и настоятель монастыря, которому онъ покаялся въ этомъ на исповѣди, желая, по силѣ возможности, помочь ему въ этой напасти, посовѣто-

валъ ему, въ ту минуту, когда демонъ-искуситель станетъ очень уже одолѣвать его, бѣжать тогда къ колокольнѣ, ухватиться за веревку и звонить въ колоколъ изо всей мочи. Услыхавъ этотъ трезвонъ, монахи будутъ знать, что одного изъ ихъ братій одолѣваетъ искушеніе и будутъ молиться за него соборнѣ.

Этотъ совѣтъ понравился будущему канцлеру. Онъ сталъ отгонять отъ себя злого духа съ помощью молитвъ

— Королева, сейчасъ къ вамъ явится канцлеръ и сообщитъ вамъ кое-что отъ моего имени.

всей братіи, но извѣстно, что дьяволъ вовсе неохотно и не скоро разстается съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ водворился. По мѣрѣ того, какъ усиливались молитвы монаховъ, дьяволъ усиливалъ и свои нападенія, такъ что черезъ нѣсколько времени въ монастырѣ колоколъ сталъ звонить день и ночь не переставая, что служило краснорѣчивымъ

доказательствомъ, какъ сильно кающійся Сегье хотѣлъ умертвить свою плоть.

Монахи прямо не имѣли ни минуты отдыха. Въ теченіе цѣлаго дня имъ то и дѣло приходилось подниматься и спускаться съ лѣстницы, ведущей въ часовню, а ночью, кромѣ вечерни и заутрени, они разъ двадцать еще должны были вставать съ постелей и молиться въ своихъ кельяхъ колѣнопреклоненно.

Исторія умалчиваетъ о томъ, дьяволъ ли оставилъ свою добычу, или просто-на-просто монахи плохо молились за своего брата, но только не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ Сегье со своей тихой пристани снова бросился въ волны житейскаго моря и опустился въ водоворотъ страстей еще глубже, чѣмъ прежде.

Выйдя изъ монастыря, онъ поступилъ въ магистратуру, сдѣлался парламентскимъ президентомъ, на мѣсто своего дяди, и присталъ къ партіи кардинала, что одно уже обличало въ немъ дальновидный умъ и нѣкоторую смѣкалку. Потомъ онъ сдѣлался канцлеромъ, старательно помогалъ его высокопреосвященству во всѣхъ его интригахъ противъ королевы-матери, а затѣмъ и Анны Австрійской. И вотъ, наконецъ, облеченный полнымъ довѣріемъ кардинала, довѣріемъ, котораго онъ добился очень легко, онъ получилъ отъ своего патрона то щекотливое порученіе, для исполненія котораго и вошелъ теперь въ комнату королевы.

Королева еще стояла, когда онъ вошелъ, но, замѣтивъ его, сѣла снова въ кресло и сдѣлала своимъ дамамъ знакъ занять свои мѣста.

— Что вамъ угодно, милостивый государь, — обратилась она къ Сегье надменно, — съ какой цѣлью вы явились сюда?

— Для того, чтобы именемъ короля и питая самыя вѣрноподданническія чувства къ вашему величеству, произвести самый тщательный обыскъ въ вашихъ бумагахъ.

— Какъ? Обыскъ въ моихъ бумагахъ... у меня? Но это низко!

— Прошу великодушно извинить меня, ваше величество! Но въ данномъ случаѣ я не больше, какъ слѣпое орудіе, которымъ дѣйствуетъ король. Развѣ вы не изволили слышать, что сказалъ вамъ его величество только что сейчасъ?

— Обыскивайте! Меня, кажется, считаютъ преступницей. Донна Стефанія, подайте ключи отъ моихъ столовъ и бюро.

Канцлеръ для формы осмотрѣлъ всю мебель, столы, но, разумѣется, онъ отлично понималъ, что королева не станетъ прятать такое важное письмо гдѣ-нибудь въ ящикѣ... Порывшись въ бюро и столахъ, перебравъ разъ двадцать всѣ бумаги королевы, Сегье долженъ былъ, наконецъ, какъ ни былъ онъ нерѣшителенъ, приступить къ самому главному!.. Онъ долженъ былъ теперь обыскать самое королеву!

И вотъ канцлеръ нерѣшительно подошелъ къ Аннѣ Австрійской и, немного смутившись, сказалъ:

— Теперь, ваше величество, мнѣ остается приступить къ самому важному обыску...

— Къ какому? — спросила королева, не понимая, или, скорѣе, не желая понять.

— Его величество знаетъ навѣрное, что сегодня вы писали какое-то письмо. Письмо это еще не послано по адресу. Это также извѣстно

ролю. Однако, его нѣтъ ни въ вашихъ столахъ ни между тѣмъ, гдѣ-нибудь да оно должно быть?

— И вы осмѣлились поднять руку на вашу королеву! — вскричала Анна Австрійская, выпрямившись во весь ростъ и грозно смѣривъ глазами канцлера.

— Я вѣрноподданный короля, ваше величество, и долженъ исполнить все, что ему благоугодно будетъ мнѣ приказать.

— Да, это правда! — сказала Анна Австрійская. — Шпіоны кардинала донесли королю правду! Я писала сегодня вечеромъ письмо, и письмо это еще не отослано! Письмо тутъ!

И королева положила свою прекрасную руку на корсажъ.

— Въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ это письмо, королева!

— Я отдамъ его только королю!

— Если бы король хотѣлъ, чтобы это письмо отдано было ему, то, вѣроятно, онъ самъ бы попросилъ его у васъ. Но, повторяю вамъ, онъ поручилъ мнѣ взять его у васъ, и если вы мнѣ его не отдадите...

— Тогда что же?

— Тогда онъ поручилъ мнѣ всё-таки взять его у васъ...

— Какъ! Что вы хотите сказать?

— Что мои полномочія распространяются очень далеко, и что мнѣ разрѣшено искать всюду это письмо, хотя бы даже для того пришлось обыскать особу вашего величества...

— Вотъ это письмо! — проговорила королева дрожащимъ, прерывающимся тономъ. — Берите его и избавьте меня скорѣе отъ вашего гнуснаго присутствія!

— Какой ужасъ! — вскричала королева.

— Соблаговолите же, королева, повиноваться.

— Ваше поведеніе — низкое насиліе! Понимаете вы это?

— Король мнѣ приказалъ это, королева, извините меня...

…ю этого, нѣтъ, нѣтъ! Лучше умереть! — вскри… …ой закипѣла кровь императоровъ Испаніи и Авст…

Канцлеръ сдѣлалъ глубокій поклонъ и сдѣлалъ шагъ по направ…нію къ королевѣ, у которой отъ гнѣва и негодованія выступил… сл… на глазахъ. Очевидно, Сегье твердо рѣшилъ исполнить во всей точ…сти возложенное на него порученіе и безъ всякаго стыда сыграть р… палача въ инквизиціонной комнатѣ.

Королева, какъ мы уже сказали, была красоты замѣчательной.

Обыскъ королевы могъ выйти далеко за предѣлы приличія, но … роль, ослѣпленный ревностью къ лорду Букингаму, не ревновалъ больше ни къ кому.

Безъ сомнѣнія канцлеръ Сегье въ эту минуту съ радостью у… тился бы за спасительную веревку монастырской колокольни, но, … сожалѣнію, веревки не было, и онъ съ замираніемъ сердца протя… руку къ тому мѣсту корсажа, гдѣ, какъ призналась королева, б… спрятано письмо.

Анна Австрійская, блѣдная какъ смерть, отступила на шаг… опираясь, чтобы не упасть, лѣвой рукой о столъ, который былъ … зади нея, правой вытащила изъ-за корсажа письмо и бросила е… лицо канцлеру.

— Вотъ это письмо! — проговорила королева дрожащимъ, прер… вающимся голосомъ. — Берите его и избавьте меня скорѣе отъ ваш… гнуснаго присутствія!

Канцлеръ, также дрожавшій отъ волненія, которое легко мож… себѣ объяснить, поднялъ его, поклонился и вышелъ. Только что зат… рилась за нимъ дверь, какъ королева почти безъ чувствъ упала … руки своихъ дамъ.

Сегье отнесъ письмо королю, не читая. Король дрожащей рук… взялъ это письмо и первымъ дѣломъ сталъ искать адресъ. Но адре… на письмѣ не было, и король, блѣдный отъ волненія, развернулъ е… дрожавшими руками, но видя по первымъ же словамъ, что оно нап… сано къ испанскому королю, онъ, видимо, успокоился и быстро пр… челъ его до конца.

Это былъ цѣлый планъ, составленный противъ кардинала. Корол… совѣтовала своему брату и императору Австріи объявить ми… войну Франціи и поставить условіемъ мира удаленіе кардинала с… его званія министра. Оба они были непримиримыми врагами Ришел… который постоянно стремился въ своей политикѣ къ униженію ч… новъ Австрійскаго дома. О любви же во всемъ письмѣ не было … слова.

Король былъ очень обрадованъ и сейчасъ же послалъ узнать, … Луврѣ ли еще кардиналъ. Слуга доложилъ, что его высокопреосвя… ство находится въ рабочемъ кабинетѣ и ждетъ приказаній его вел… чества.

Король сейчасъ же пошелъ къ нему.

— Слушайте, герцогъ, — сказалъ онъ ему, — вы правы, я ошибся… Вся эта интрига касается одной политики, о любви тутъ нѣтъ и … мину. Вотъ письмо! Но зато тутъ много говорится о васъ!

Кардиналъ взялъ письмо и внимательно прочелъ его. Дойдя … конца, онъ снова перечиталъ его.

— Вотъ какъ, ваше величество!—сказалъ онъ.—Вы видите теперь до чего дошли мои враги. Вамъ грозятъ двумя войнами, если только вы не удалите меня! На вашемъ мѣстѣ, ваше величество, право же бы, я уступилъ такимъ настойчивымъ требованіямъ, а самъ я почелъ бы за величайшее счастье отстраниться отъ всѣхъ дѣлъ.

— Что вы такое говорите, герцогъ?

— Я говорю, ваше величество, что въ этой непрерывной борьбѣ и въ постоянной работѣ я теряю окончательно свое здоровье. Я говорю, что, по всей вѣроятности, не перенесу всѣхъ утомленій при осадѣ

— Слушайте, герцогъ, — сказалъ онъ ему, — вы правы, я ошибался. Вся эта интрига касается одной политики, о любви тутъ нѣтъ и помину. Вотъ письмо! Но зато тутъ много говорится о васъ!

Ларошелля, и гораздо бы было лучше, если бы вы послали туда де-Конде, или де-Бассомпьера, или, наконецъ, какого-нибудь другого храбраго человѣка, для котораго война была бы дѣломъ привычнымъ, а не меня, человѣка, принадлежащаго церкви, котораго и безъ того уже постоянно отрываютъ отъ призванія и заставляютъ заниматься такими дѣлами, къ которымъ я не имѣю ни малѣйшей способности. Вы будете тогда гораздо счастливѣе, государь, въ вашей семейной жизни и, я увѣренъ, вы стяжаете себѣ громкую славу въ дѣлахъ политики.

— Г. Герцогъ, — сказалъ король, — я понимаю, будьте спокойны! Всѣ лица, поименованныя въ этомъ письмѣ, понесутъ должную кару, а королева въ особенности.

— Что вы говорите, ваше величество! Сохрани Богъ, чтобы изъ-за меня королева бы могла получить малѣйшую непріятность! Она всегда считала меня своимъ врагомъ, но вы, ваше величество, можете засвидѣтельствовать, что я всегда горячо заступался за нее, часто даже въ ущербъ вамъ! О, если бы она измѣнила чести вашего величества, это было бы совсѣмъ другое дѣло, и я первый бы сказалъ: „Нѣтъ прощенія, государь, нѣтъ прощенія для виновной!“ Къ счастью, ничего подобнаго нѣтъ, и ваше величество сейчасъ получили новое доказательство того.

— Это правда, кардиналъ, — сказалъ король, — и вы опять, какъ и всегда, были правы, но королева все-таки заслуживаетъ моего полнаго гнѣва.

— Это вы, государь, навлекли на себя ея гнѣвъ! И если она будетъ серіозно гнѣваться на ваше величество, то я вполнѣ пойму ее: ваше величество поступили съ ней такъ строго...

— Я всегда такъ поступаю съ своими врагами, да и съ вашими, герцогъ, какъ бы высоко они ни стояли, и какой бы я опасности не подвергался, поступая съ ними такъ строго.

— Королева — мой врагъ, а не вашъ, государь. Она преданная, покорная и безупречная супруга; позвольте мнѣ, государь, заступиться за нее передъ вами въ этомъ случаѣ.

— Пусть же вотъ она докажетъ теперь свою покорность и пусть первая сдѣлаетъ шагъ къ примиренію.

— Государь, лучше вы подайте примѣръ. Вы первый поступили несправедливо по отношенію ея: вы заподозрили ее въ измѣнѣ.

— Мнѣ первому сдѣлать шагъ? — сказалъ король. — Никогда!

— Государь, я умоляю васъ объ этомъ.

— Да и кромѣ того, что же мнѣ надо сдѣлать для этого?

— Сдѣлать что-нибудь такое, что, вы знаете, можетъ доставить удовольствіе королевѣ.

— Что же именно?

— Дайте балъ. Вы знаете, какъ королева любитъ танцы. Ручаюсь вамъ, что весь ея гнѣвъ не устоитъ передъ такимъ любезнымъ вниманіемъ съ вашей стороны.

— Кардиналъ, вы же знаете, какъ не люблю я всѣ эти свѣтскія забавы.

— Тѣмъ болѣе королева будетъ благодарна вамъ, что она знаетъ, какъ вы не любите подобныя удовольствія. При томъ же это будетъ для нея удобный случай надѣть чудные брильянтовые эксельбанты, которые вы подарили ей въ день ея ангела, и которыхъ ей еще не пришлось надѣть ни разу.

— Мы посмотримъ еще, кардиналъ, посмотримъ, — сказалъ король, который, радуясь, что королева оказалась виновной въ преступленіи, мало его безпокоившемъ, и невиновна въ томъ, чего онъ такъ боялся, былъ уже вполнѣ готовъ помириться съ ней, — посмотримъ еще, но, клянусь честью, кардиналъ, вы черезчуръ снисходительны къ ней.

— Ваше величество, — отвѣчалъ кардиналъ, — предоставьте строгость своимъ министрамъ. Снисходительность — добродѣтель королей. Будьте снисходительны, и вы увидите, что не сдѣлаете дурно.

Услыхавъ тутъ, что часы пробили уже одиннадцать, кардиналъ сдѣлалъ глубокій поклонъ, прося позволенія у короля удалиться, и на прощаніе еще разъ посовѣтовалъ ему помириться съ королевой.

Анна Австрійская, которая, послѣ того какъ отняли у нея ея письмо, ждала, по крайней мѣрѣ, упрековъ отъ короля, была очень удивлена, замѣтивъ, что на слѣдующій день король дѣлаетъ даже нѣкоторыя попытки къ примиренію. Первое ея движеніе и первая мысль были отвергнуть эти попытки; гордость женщины и королевы были такъ глубоко оскорблены въ ней, что она не могла забыть все это такъ скоро и легко. Однако, уступая совѣтамъ своихъ приближенныхъ дамъ, она сдѣлала видъ, что забываетъ нанесенное ей оскорбленіе. Какъ только король замѣтилъ, что королева перестаетъ гнѣваться на него, онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы сообщить ей, что въ скоромъ времени онъ намѣренъ устроить для нея праздникъ.

Какіе-либо праздники были такой рѣдкостью для бѣдной Анны Австрійской, что при этомъ извѣстіи, какъ и предполагалъ кардиналъ, послѣдніе слѣды гнѣва исчезли, если и не на сердцѣ, то на ея лицѣ. Она поинтересовалась узнать, когда предполагается устроить этотъ праздникъ, но король отвѣтилъ, что вопросъ этотъ еще не рѣшенъ у него съ кардиналомъ.

И дѣйствительно! Король каждый день спрашивалъ кардинала, когда можно будетъ устроить праздникъ, и каждый разъ кардиналъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ уклонялся отъ отвѣта.

Такъ прошло десять дней.

На восьмой день послѣ описанной нами сцены съ письмомъ, кардиналъ получилъ письмо съ лондонскимъ штемпелемъ, состоявшее изъ нѣсколькихъ строкъ слѣдующаго содержанія:

„Они у меня въ рукахъ, но я не могу выѣхать изъ Лондона, такъ какъ у меня нѣтъ денегъ. Пришлите мнѣ пятьсотъ пистолей, и черезъ четыре или пять дней, по полученіи ихъ, я буду въ Парижѣ".

Въ тотъ самый день, когда кардиналъ получилъ это письмо, король обратился къ нему съ обычнымъ своимъ вопросомъ относительно дня праздника. Король сосчиталъ по пальцамъ и сказалъ про себя:

— Она пріѣдетъ, по ея словамъ, черезъ четыре или пять дней послѣ того, какъ получитъ деньги. Четыре или пять дней потребуется, чтобы дошли деньги, четыре или пять дней, чтобы ей пріѣхать сюда,— итого, десять дней. Теперь надо принять въ соображеніе противные вѣтры, непредвидѣнныя несчастныя случайности, женскую слабость, и, ради всего этого, положимъ на все двѣнадцать дней.

— Ну, что же, г. кардиналъ, — сказалъ король, — сосчитали?

— Да, ваше величество, сегодня у насъ двадцатое сентября. Третьяго октября городскіе старшины даютъ балъ. Все устроится какъ нельзя лучше, такъ какъ вы въ то же время не покажете вида, что ищете примиренія съ королевой.

Затѣмъ кардиналъ прибавилъ:

— Кстати, государь, не забудьте же сказать ея величеству, что вы желаете, по случаю этого праздника, посмотрѣть, хорошо ли идутъ къ ней ея брильянтовые эксельбанты.

Глава II.

Супруги Бонасье.

Кардиналъ уже во второй разъ напоминалъ королю о брильянтовыхъ эксельбантахъ королевы. Людовикъ XIII замѣтилъ эту настойчивость и рѣшилъ, что совѣтъ этотъ скрывалъ въ себѣ непремѣнно какую-нибудь тайну.

Много уже разъ королю приходилось чувствовать себя нѣсколько униженнымъ, когда кардиналъ,—полиція котораго, хоть и не достигла еще совершенства полиціи позднѣйшаго времени, но все-таки была уже организована прекрасно,— былъ освѣдомленъ лучше его самого о томъ, что творилось въ его частной жизни. Теперь онъ надѣялся вывѣдать что-нибудь изъ разговора съ Анной Австрійской и затѣмъ похвалиться передъ его высокопреосвященствомъ какимъ-нибудь секретомъ. Знаетъ ли ужъ кардиналъ этотъ секретъ, или нѣтъ,— все равно; онъ хотѣлъ во что бы то ни стало поднять и свой престижъ въ глазахъ своего министра.

— Вы будете на этомъ балу въ парадномъ костюмѣ и надѣнете на себя въ этотъ вечеръ тѣ брильянтовые эксельбанты, которые я подарилъ вамъ на день ангела.

Онъ отправился къ королевѣ и, по своему обыкновенію, сталъ грозиться, что прогонитъ вонъ всѣхъ ея приближенныхъ. Анна Австрійская, опустивъ голову на грудь, молча слушала потокъ этихъ угрозъ, надѣясь, что король, наконецъ, остановится самъ. Но Людовикъ XIII, повидимому, и не собирался останавливаться. Онъ хотѣлъ вызвать королеву на бурный споръ, изъ котораго бы онъ могъ, наконецъ, вывѣдать то, на что намекалъ ему кардиналъ, и пролить хоть немного свѣта на тотъ сюрпризъ, который искусно подготавливаетъ ему кардиналъ. Въ концѣ-концовъ, королю удалось это.

— Государь,—вскричала Анна Австрійская, выведенная, наконецъ, изъ себя,—вы никакъ не хотите мнѣ высказать все, что у васъ есть на сердцѣ! Что же такое я въ сущности сдѣлала? Скажите, въ чемъ я

вы обвиняете меня? Не можетъ быть, чтобы вы такъ горячо приняли къ сердцу письмо, написанное мною къ брату.

Король, прижатый, такъ сказать, къ стѣнѣ, не зналъ, что отвѣтить. Онъ рѣшилъ, что теперь какъ разъ наступила удобная минута, чтобы исполнить совѣтъ кардинала и сказать то, что надо бы было сказать наканунѣ бала.

— Королева, — сказалъ онъ торжественнымъ тономъ, — въ скоромъ времени будетъ балъ въ ратушѣ. Я надѣюсь, что вы, чтобы оказать честь нашимъ почтеннымъ старшинамъ, будете на этомъ балу въ парадномъ костюмѣ и, разумѣется, надѣнете на себя въ этотъ вечеръ тѣ брильянтовые эксельбанты, которые я подарилъ вамъ въ день ангела! Вотъ мой отвѣтъ.

Отвѣтъ былъ поистинѣ ужасенъ для Анны Австрійской. Она подумала, что Людовику XIII уже извѣстно все, и что кардиналъ посовѣтовалъ ему лишь помучить ее эти семь или восемь дней, которые оставались до бала. Этотъ совѣтъ былъ такъ въ характерѣ кардинала.

Королева страшно поблѣднѣла, оперлась въ изнеможеніи своей дивной, точно восковой, рукой на столъ и, не въ силахъ промолвить слова, устремила на короля взоръ, полный ужаса.

— Вы слышите, королева,—сказалъ король, съ наслажденіемъ видя ея смущеніе, но не зная и не понимая его настоящей причины,—вы слышите?

— Да, государь, слышу... — прошептала королева.

— Вы явитесь на этотъ балъ?

— Да.

— Съ брильянтовыми эксельбантами?

Королева поблѣднѣла еще сильнѣе, а король, замѣтивъ это, наслаждался ея смущеніемъ съ той холодной жестокостью, которая была одной изъ самыхъ дурныхъ сторонъ его характера.

— Такъ, значитъ, рѣшено, — сказалъ король. — Вотъ и все, что я хотѣлъ вамъ сказать.

— Но на какой день назначенъ этотъ балъ? — спросила Анна Австрійская.

Людовикъ XIII инстинктивно понялъ, что онъ не долженъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Королева произнесла это, точно умирающая.

— Да очень скоро, королева, — отвѣчалъ онъ, — не помню только точно, какого именно числа. Я спрошу у кардинала.

— Такъ это кардиналъ посовѣтовалъ вамъ устроить этотъ праздникъ?

— Да, королева. Но почему этотъ вопросъ?

— И это онъ посовѣтовалъ вамъ просить меня явиться туда съ брильянтовыми эксельбантами?

— То-есть, королева...

— Это, онъ, государь, онъ!

— Ну такъ что же изъ того? Онъ ли, я ли, не все ли это равно? Надѣюсь, тутъ нѣтъ никакого преступленія, что васъ просятъ надѣть мой подарокъ?

— О нѣтъ, конечно, государь!

— Въ такомъ случаѣ, значитъ, вы надѣнете ихъ?

— Да, ваше величество.

— Хорошо,—сказалъ король,—хорошо. Я надѣюсь на васъ.

Королева сдѣлала реверансъ, но реверансъ этотъ имѣлъ такой видъ, какъ будто бы у нея подкосились ноги.

Король ушелъ почти въ восторгѣ.

— Я погибла,— прошептала королева,— погибла, такъ какъ кардиналъ знаетъ все, и онъ-то и подговариваетъ короля, который пока хоть и не знаетъ ничего, но скоро, конечно, узнаетъ и онъ. Я погибла! О Боже! Боже! Боже!

Она опустилась на подушку и стала горячо молиться Богу, закрывъ лицо своими дрожавшими руками.

Положеніе ея, дѣйствительно, было ужасно. Букингамъ уже уѣхалъ въ Лондонъ, а г-жа де-Шеврёзъ теперь находится въ Турѣ. Находясь теперь подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ, королева смутно чуяла, что одна изъ ея приближенныхъ дамъ ей измѣняетъ, но не могла узнать, которая именно. Ла-Портъ не могъ оставить Лувра. У нея теперь не было ни одной души, кому бы она могла довѣриться.

И вотъ, съ отчаяніемъ, чувствуя свою безпомощность и видя грозящую ей неминучую бѣду, королева разразилась нервными, горькими рыданіями.

— Не могу ли я быть въ чемъ-нибудь полезной вашему величеству?—вдругъ послышался надъ ней мягкій, участливый голосъ.

Королева быстро подняла голову; невозможно было сомнѣваться въ искренности этихъ словъ: такъ могъ говорить только настоящій добрый другъ.

Въ дверяхъ, выходившихъ въ спальню королевы, стояла хорошенькая г-жа Бонасье. Она убирала бѣлье и платье въ спальнѣ королевы, когда къ ней вошелъ король. Ей нельзя было выйти и она осталась.

Королева вскрикнула, увидѣвъ, что ее застали врасплохъ. Она была такъ разстроена и взволнована, что не узнала сразу молодой женщины, приставленной къ ней де-ла-Портомъ.

— О, не бойтесь меня, государыня,— сказала та, сложивъ на груди руки, и, при видѣ горькихъ слезъ королевы, заплакала сама.— Я душой и тѣломъ предана вашему величеству, и, какъ ни далека я для васъ, какъ ни ничтожна я сравнительно съ вами, но мнѣ кажется, ваше величество, что я нашла одно средство выручить васъ изъ бѣды.

— Вы! О, Боже! Вы?—вскричала королева,—но погодите, посмотрите сначала мнѣ въ глаза! Всѣ тутъ измѣняютъ мнѣ! Могу ли я вамъ вѣрить?

— О, государыня,— вскричала молодая женщина, упавъ предъ ней на колѣни,—клянусь вамъ, я готова умереть за ваше величество!

Это восклицаніе было такъ искренно, что нельзя было сомнѣваться въ правдивости ея словъ.

— Да,—продолжала г-жа Бонасье,— это правда, здѣсь есть предатели. Но именемъ Пресвятой Богородицы клянусь вамъ, что у вашего величества нѣтъ слуги преданнѣе меня! Эти наконечники съ эксельбантовъ, о которыхъ спрашивалъ сейчасъ король, вѣдь вы отдали ихъ герцогу Букингаму? Не правда ли? Вѣдь эти наконечники и были спрятаны въ маленькой шкатулкѣ розоваго дерева, которую онъ унесъ съ собою? Вѣдь правда? Я не ошибаюсь? Развѣ не такъ?

— О, Боже мой, Боже мой,—шептала королева, у которой дрожали губы отъ ужаса.

— Эти наконечники надо достать, очевидно, — продолжала г-жа Бонасье.

— Да, безъ сомнѣнія, надо! — вскричала королева. — Но какъ это сдѣлать, какъ ихъ достать?

— Надо кого-нибудь послать къ герцогу.

— Но кого же? Кому я могу довѣриться?

— Довѣрьтесь мнѣ, государыня. Сдѣлайте мнѣ такую честь, ваше величество, я найду вамъ гонца!

— Но вѣдь нужно будетъ писать?

— О, да! Это необходимо. Всего только какихъ-нибудь два слова. да ваша печать.

— Но эти два слова могутъ повлечь за собой мое изгнаніе, разводъ. осужденіе...

— Да, если они попадутъ въ руки вашихъ враговъ! Но я ручаюсь, что эти два слова будутъ доставлены по адресу.

— О, Боже мой! Такъ, значитъ, я должна вамъ вручить мою жизнь, честь, репутацію?

— Да, да, государыня, это необходимо, и я спасу васъ!

— Но какъ? Скажите же мнѣ, по крайней мѣрѣ.

— Мой мужъ два-три дня тому назадъ выпущенъ на волю, хотя у меня и не было еще времени повидаться съ нимъ. Это недалекій, но честный человѣкъ. Онъ не питаетъ ни къ кому ни особенной любви и ненависти. Онъ сдѣлаетъ все, что я ни захочу. Онъ поѣдетъ, если я прикажу ему, и повезетъ письмо вашего величества, не полюбопытствовавъ даже отъ кого оно. Онъ въ точности передастъ его по адресу.

Королева, въ порывѣ благодарности, съ жаромъ схватила обѣ руки молодой женщины, взглянула на нее пристально, точно желая прочесть ея сокровенныя мысли, и, видя только любовь и искренность въ ея прекрасныхъ глазахъ, нѣжно поцѣловала ее.

— Сдѣлай это, — сказала она, — и ты спасешь мнѣ жизнь, спасешь мою честь!

— О, не преувеличивайте, государыня, той услуги, которую я считаю за честь оказать вамъ. Вы жертва заговоровъ и измѣны, государыня, и мнѣ нечего спасать васъ.

— Правда, правда, дитя мое, — сказала королева, — ты права!

— Пишите же письмо, государыня, надо въ такомъ случаѣ спѣшить.

Королева подбѣжала къ столу, на которомъ были разставлены у нея письменныя принадлежности, написала два слова, запечатала письмо собственною печатью и вручила его г-жѣ Бонасье.

— А теперь,—сказала королева,—мы забыли, кажется, о самой необходимой вещи.

— О какой?

— О деньгахъ.

Г-жа Бонасье покраснѣла.

— Да, это правда,—сказала она,—и я признаюсь вашему величеству, что мужъ мой...

— Ты хочешь сказать, что у твоего мужа нѣтъ денегъ?

— Напротивъ, у него много денегъ, но онъ ужасно скупъ, такой ужъ у него недостатокъ. Впрочемъ, не безпокойтесь, ваше величество, мы найдемъ средства...

— Дѣло въ томъ, что и у меня ихъ нѣтъ,—сказала королева (тѣ, которые читали мемуары г-жи де-Моттевиль, вѣроятно, не удивятся этому отвѣту королевы),—подожди, впрочемъ!

Анна Австрійская подошла къ своей шкатулкѣ съ драгоцѣнностями.

— Вотъ возьми, — сказала она,—это перстень очень дорогой, говорятъ. Онъ достался мнѣ отъ брата, испанскаго короля; онъ теперь принадлежитъ мнѣ, и я могу располагать имъ какъ угодно. Возьми же это кольцо, обрати его въ деньги, и пусть твой мужъ поѣдетъ на эти деньги.

— Черезъ часъ же ваше приказаніе будетъ исполнено.

— Ты видишь адресъ, — прибавила королева такъ тихо, что едва можно было разслышать ея слова:—милорду, герцогу Букингаму, Лондонъ.

— Письмо будетъ передано ему въ руки.

— О! какая ты добрая!—вскричала Анна Австрійская.

Г-жа Бонасье поцѣловала руки королевы, спрятала письмо за корсажъ и выбѣжала изъ комнаты съ легкостью птички.

— Вотъ, возьми, — сказала она, — это перстень очень дорогой, говорятъ. Возьми же это кольцо, обрати его въ деньги, и пусть твой мужъ поѣдетъ на эти деньги.

Черезъ десять минутъ она уже была у себя дома. Какъ уже она сказала королевѣ, она еще не видѣлась съ мужемъ послѣ того, какъ его освободили. Она и не подозрѣвала, какая перемѣна произошла въ немъ за это время. Послѣ своего визита къ кардиналу, Бонасье сталъ теперь ревностнымъ слугою его высокопреосвященства, и самъ даже графъ Рошфоръ сдѣлалъ ему нѣсколько визитовъ. Графъ Рошфоръ сталъ теперь лучшимъ другомъ г-на Бонасье. Онъ безъ большого труда увѣрилъ торговца, что похищеніе его жены было дѣломъ чисто

политическимъ и не имѣло никакой другой болѣе или менѣе преступной, безнравственной цѣли.

Жена застала своего мужа въ одиночествѣ. Бѣдняга съ большими усиліями приводилъ въ порядокъ внутренность своего дома, гдѣ вся почти мебель была переломана, шкапы пусты, изъ чего можно было заключить, что правосудіе не было изъ числа тѣхъ трехъ вещей, которыя, по мудрому изреченію царя Соломона, не оставляли послѣ себя слѣда. Служанка ихъ скрылась тотчасъ же послѣ ареста своего хозяина. Бѣдная дѣвушка такъ перепугалась, что изъ Парижа пѣшкомъ убѣжала на родину, въ Бургундію.

Почтенный торговецъ, какъ только былъ выпущенъ изъ тюрьмы, увѣдомилъ сейчасъ же жену о своемъ благополучномъ возвращеніи къ своимъ пенатамъ. Жена приказала поздравить его съ этимъ и передать ему, что въ первую же свободную минуту отъ своихъ обязанностей она придетъ повидаться съ нимъ.

Этой свободной минуты ему пришлось дожидаться цѣлыхъ пять дней, что при другихъ обстоятельствахъ показалось бы, можетъ-быть, г-ну Бонасье цѣлою вѣчностью. Но свиданіе съ кардиналомъ и визиты графа Рошфора дали ему обильную пищу для размышленій, а извѣстно, что ничто такъ не сокращаетъ время, какъ размышленія. Къ тому же размышленія г-на Бонасье были довольно розоваго оттѣнка. Рошфоръ называлъ его своимъ другомъ, своимъ дорогимъ Бонасье, и не переставалъ повторять ему, что кардиналъ очень дорожитъ имъ, такъ что торговецъ уже видѣлъ себя на пути къ славѣ и почестямъ.

Нельзя сказать, чтобы жена г-на Бонасье, въ свою очередь, тоже бы не мечтала. Но только мечты ея были вовсе не честолюбивы. Они преимущественно вертѣлись на томъ прекрасномъ, храбромъ молодомъ человѣкѣ, который, повидимому, былъ такъ влюбленъ въ нее. Восемнадцати лѣтъ выйдя замужъ и постоянно вращаясь въ кругу знакомыхъ мужа, людей, вовсе неспособныхъ внушить молодой женщинѣ какое-нибудь глубокое, серіозное чувство, г-жа Бонасье, обладавшая чуткимъ и нѣжнымъ сердцемъ, оставалась всегда нечувствительною къ пошлымъ, тривіальнымъ любезностямъ. Въ тѣ времена званіе дворянина имѣло очень большой вѣсъ среди буржуазіи, а д'Артаньянъ былъ дворяниномъ, даже больше, онъ носилъ красивый гвардейскій мундиръ, который послѣ мундира мушкетера больше всего нравился дамамъ. Онъ былъ, повторяемъ, красивъ, молодъ и смѣлъ. Онъ говорилъ о любви, какъ человѣкъ, который, дѣйствительно, жаждетъ и умѣетъ любить. Этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы вскружить голову женщинѣ двадцати трехъ лѣтъ, а г-жа Бонасье была именно въ этомъ счастливомъ возрастѣ.

Супруги не видались цѣлыхъ восемь дней, и за это время съ каждымъ изъ нихъ случились довольно важныя событія. Встрѣтились они все-таки довольно холодно. Бонасье встрѣтилъ жену радостно, но вмѣсто нѣжныхъ и долгихъ объятій получилъ только одинъ холодный поцѣлуй въ лобъ.

— Ну-ка, поговоримъ немножко,—сказала мужу г-жа Бонасье.

— О чемъ? — спросилъ удивленный мужъ.

— Мнѣ нужно переговорить съ тобой объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

— Ахъ, кстати, и мнѣ бы не мѣшало предложить вамъ нѣсколько очень серіозныхъ вопросовъ. Объясните мнѣ, пожалуйста, хоть немного причину вашего исчезновенія!

— Дѣло идетъ теперь вовсе не о томъ,—сказала г-жа Бонасье.

— А о чемъ же? О моемъ заключеніи?

— Нѣтъ! Я въ тотъ же день узнала о вашемъ арестѣ. Но вѣдь вы не участвовали ни въ какой интригѣ, никакого преступленія не совершали, однимъ словомъ, вы не знали ничего такого, что могло бы васъ или кого-нибудь другого скомпрометировать, а потому я и не очень боялась за васъ.

— Легко вамъ такъ говорить, сударыня,—сказалъ Бонасье, обиженный слегка недостаткомъ участія со стороны своей жены. — А знаете ли вы, что я въ Бастиліи высидѣлъ цѣлые сутки.

— Одни сутки! Это пустяки! Ну, оставимъ этотъ неинтересный разговоръ и поговоримъ лучше о томъ, зачѣмъ я къ вамъ пришла.

— Какъ зачѣмъ? Развѣ вы не хотѣли просто повидаться съ вашимъ мужемъ, съ которымъ вы не видались цѣлыхъ восемь дней?—спросилъ мужъ, задѣтый за живое.

— Это, разумѣется, прежде всего, но есть и другая причина моего прихода.

— Говорите.

— Дѣло это величайшей важности и отъ него зависитъ все наше будущее счастье.

— Наше счастье, повидимому, очень перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ, г-жа Бонасье, и я нисколько не удивлюсь, если черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы съ вами будемъ предметомъ зависти очень многихъ.

— Да, въ особенности, если вы захотите послѣдовать моимъ совѣтамъ, которые я дамъ вамъ.

— Вы—мнѣ?

— Да, я—вамъ! Нужно исполнить одно доброе и святое дѣло, и въ то же время можно нажить большія деньги.

Г-жа Бонасье знала, что деньгами легко было заставить его сдѣлать многое. Но человѣкъ, поговорившій хотя бы десять минутъ съ кардиналомъ Ришелье, мѣнялся до неузнаваемости.

— Нажить большія деньги?—спросилъ Бонасье, вытягивая губы.

— Да, большія.

— А сколько, приблизительно?

— Тысячу пистолей, можетъ-быть.

— Значитъ дѣло ваше важное?

— Да.

— Что же надо дѣлать?

— Вамъ тотчасъ же придется ѣхать. Я дамъ вамъ бумагу, которую вы ни подъ какимъ видомъ не выпустите изъ рукъ, и вы передадите ее по адресу.

— А куда же ѣхать?

— Въ Лондонъ.

— Въ Лондонъ? Полноте, вы смѣетесь надо мной. Что мнѣ тамъ дѣлать, въ Лондонѣ?

— Да не вамъ, а другимъ надо, чтобы вы ѣхали въ Лондонъ.

— А кому же это такому? Предупреждаю, что я ничего не буду дѣлать впотьмахъ, а желаю знать не только, чѣмъ я рискую, а и для кого я рискую.

— Одна знатная особа посылаетъ васъ, а другая знатная особа будетъ ждать васъ. Вознагражденіе превзойдетъ даже всѣ ваши ожиданія. Вотъ и все, что я могу сообщить вамъ!

— Опять интриги! Всюду интриги! Благодарю васъ, я больше имъ не довѣряю. Кардиналъ меня просвѣтилъ относительно всего этого.

— Кардиналъ!—вскричала г-жа Бонасье.—Вы видѣлись съ кардиналомъ?

— Онъ самъ приглашалъ меня,—гордо отвѣчалъ мужъ.

— И вы были такъ неосторожны, что пошли по этому приглашенію?

— Я долженъ признаться вамъ, что у меня и не могло быть выбора, итти къ нему или не итти. Меня привели къ нему подъ стражей. Надо сказать теперь правду, я тогда не очень-то желалъ этого свиданія, но это было тогда, когда я не зналъ еще его высокопреосвященства.

— Что же онъ? Какъ обошелся съ вами?

— Онъ протянулъ мнѣ руку и назвалъ своимъ другомъ, своимъ другомъ! Понимаете ли вы это! Я—другъ великаго кардинала!

— Великаго кардинала!

— Что же, вы, сударыня, будете утверждать, что онъ не великъ?

— О, нѣтъ! Но вѣдь милости министровъ очень непрочны и надо очень мало соображенія, чтобы имъ вѣрить. Есть люди повыше министровъ, и имъ-то и нужно служить.

— Вы можете говорить, что вамъ угодно, сударыня, а я не признаю ничьей другой власти, кромѣ власти великаго человѣка, которому и желаю служить.

— Такъ вы служите кардиналу?

— Да, сударыня, и, какъ его слуга, я не позволю вамъ интриговать противъ безопасности государства въ интересахъ женщины иностраннаго происхожденія и съ испанскимъ сердцемъ. Къ счастью, кардиналъ бодрствуетъ. Онъ наблюдаетъ за всѣмъ и читаетъ во всѣхъ сердцахъ, какъ въ открытой книгѣ.

Бонасье повторилъ сейчасъ слово въ слово фразу, сказанную ему графомъ Рошфоромъ.

Велико было отчаяніе бѣдной женщины, поручившейся передъ королевой за своего мужа, при видѣ опасности, въ которую чуть-чуть было не попала.

— Ага, вы, значитъ, кардиналистъ, сударь!—вскричала она.—Вы служите, значитъ, тѣмъ, кто дурно обращается съ вашей женой и оскорбляетъ королеву!

— Личные интересы не имѣютъ никакого значенія передъ интересами общественными. Я стою лишь за тѣхъ, которые спасаютъ государство,—торжественно произнесъ Бонасье.

Это было второе выраженіе графа Рошфора, которое онъ заучилъ и воспользовался удобнымъ случаемъ блеснутъ имъ.

— Да понимаете ли вы еще, что такое государство, о которомъ вы толкуете?—спросила его г-жа Бонасье, пожимая плечами.—Мой

вамъ совѣтъ, помните лучше, кто вы такой, и дѣлайте лучше то, что вамъ выгоднѣе!

— Эхма! — похлопалъ Бонасье по туго набитому мѣшку съ деньгами. — Что вы на это, сударыня, скажете?

— Откуда у васъ эти деньги?

— Догадайтесь!

— Отъ кардинала?

— Отъ него самаго, да еще отъ моего друга, графа Рошфора.

— Графа Рошфора? Но вѣдь это онъ самый похитилъ тогда меня!

— Очень можетъ быть!

— И вы берете деньги съ такого человѣка?

— А не вы ли сами говорили мнѣ, что ваше похищеніе было дѣло чисто политическое?

— Да, но оно имѣло и другую цѣль: заставить меня измѣнить моей повелительницѣ, вынудить у меня признанія, которыя могли бы скомпрометировать честь и даже угрожали бы жизни моей августѣйшей покровительницы.

— Сударыня, — сказалъ Бонасье, — ваша августѣйшая повелительница и покровительница не больше, какъ вѣроломная, испанская интриганка, а поступокъ кардинала вполнѣ справедливъ.

— Эхма! — похлопалъ Бонасье по туго набитому мѣшку съ деньгами. — Что вы на это, сударыня, скажете?

— Я васъ всегда, сударь, считала трусомъ, скупымъ и глупымъ, но я не знала еще, что вы и подлецъ!

— Сударыня, — сказалъ Бонасье, никогда еще ни видавшій жену разсерженной до такой степени и отступая на шагъ, — что вы говорите!

— Я говорю, что вы низкій человѣкъ, — продолжала г-жа Бонасье, видя, что вліяніе ея на мужа растетъ. — Такъ вотъ какъ! Вы пустились въ политику и записались въ кардиналисты? Продали и тѣло и душу дьяволу?

— Нѣтъ, не дьяволу, а кардиналу.

— Это одно и то же! — вскричала молодая женщина, забывшись. — Ришелье — тотъ же дьяволъ.

— Замолчите, сударыня, замолчите, васъ могутъ услышать!
— Да, вы правы, мнѣ было бы такъ стыдно за васъ.
— Да что же, послушайте, вамъ отъ меня нужно?
— Я вамъ ужъ сказала: чтобы вы сію же минуту отправлялись въ путь и честно исполнили бы мое порученіе. Съ этимъ лишь условіемъ я забуду все и прощу васъ, и даже больше,—сказала она, протягивая ему руку, — возвращу вамъ свою дружбу.

Бонасье, хоть былъ и скупъ и труслив̆ъ, но въ душѣ любилъ жену, и это тронуло его. Пятидесятилѣтній мужчина не можетъ долго сердиться на двадцатитрехлѣтнюю женщину. Г-жа Бонасье замѣтила его колебаніе.

— Ну, что же, вы рѣшились? — спросила она.
— Но, милый другъ, подумайте только, что вы отъ меня требуете. Лондонъ такъ далеко отъ Парижа, такъ далеко! Да еще, можетъ-быть, и порученіе-то это далеко не безопасное.
— Ничего, вы всѣхъ опасностей избѣжите.
— Послушайте, г-жа Бонасье,—сказалъ, наконецъ, торговецъ рѣшительно,—я рѣшительно отказываюсь. Я боюсь всякихъ вашихъ интригъ! Я уже посидѣлъ въ Бастиліи! Брр... Это что-то ужасное! Бастилія! Только отъ одной мысли этой у меня морозъ пробѣгаетъ по кожѣ! Мнѣ уже грозили пытки! А извѣстно ли вамъ, что такое пытка? Какъ начнутъ вамъ вбивать деревянные клинья между ногъ, такъ что кости захрустятъ! Нѣтъ, положительно, я отказываюсь ѣхать. Э! чортъ возьми! Да почему же вы сами не ѣдете? Право, мнѣ начинаетъ казаться, что я ошибался до сихъ поръ относительно васъ, и что вы мужчина, да еще самый отчаянный мужчина!
— А вы... вы баба! Низкая, глупая, общипанная баба! Всего вы боитесь! Если вы вотъ теперь не поѣдете, такъ я сію же минуту именемъ королевы прикажу арестовать васъ и посадить въ ту самую Бастилію, которой вы такъ боитесь.

Бонасье призадумался. Онъ мысленно обсуждалъ и взвѣшивалъ послѣдствія гнѣва кардинала и королевы. Гнѣвъ кардинала сильно перевѣсилъ.

— Велите арестовать меня, — сказалъ онъ, — а я объявлю во всеуслышаніе, что я сторонникъ его высокопреосвященства!

Тутъ г-жа Бонасье замѣтила, что она зашла уже черезчуръ далеко. Съ минуту она разглядывала этого глупца, такъ твердо стоявшаго на своемъ.

— Ну, что же, пусть будетъ по-вашему, — сказала она, — можетъ-быть, вы даже и правы! Мужчина всегда въ политикѣ смыслитъ больше женщины, а ужъ въ особенности вы, г. Бонасье, разъ вы имѣли честь бесѣдовать съ самимъ кардиналомъ. А все-таки это очень нехорошо и даже жестоко съ вашей стороны, что вы, мой мужъ, на любовь котораго я такъ полагалась, поступили со мной такъ нелюбезно и отказались исполнить мою прихоть.
— Ваши прихоти могутъ завести слишкомъ далеко, сударыня, — отвѣчалъ Бонасье, — я боюсь довѣряться вамъ.
— Я теперь отказываюсь отъ этой своей прихоти,— сказала, вздыхая, молодая женщина. — Не стоитъ больше объ этомъ говорить!

— По крайней мѣрѣ, разскажите же мнѣ, что же именно мнѣ пришлось бы дѣлать въ Лондонѣ? — спросилъ Бонасье, вспомнившій, хотя уже и немного поздно, что Рошфоръ совѣтовалъ ему стараться вывѣдать у жены всѣ ея секреты.

— Зачѣмъ вамъ теперь это знать! — сказала молодая женщина, инстинктивно не довѣряя теперь своему мужу, — дѣло шло о пустякахъ, надо было просто купить кое-что и можно было нажить на этомъ порядочную сумму.

Но чѣмъ больше отнѣкивалась теперь молодая женщина, тѣмъ больше Бонасье убѣждался, что порученіе это было очень и очень важное.

Вслѣдствіе этого онъ задумалъ сію же минуту сбѣгать къ своему другу, графу Рошфору, и сообщить ему, что королева ищетъ зачѣмъ-то надежнаго гонца въ Лондонъ.

— Извините меня, моя милая жена, если я васъ оставлю на минуту, — сказалъ онъ. — Я, не зная, что вы осчастливите меня сегодня своимъ визитомъ, назначилъ именно въ это время свиданіе одному моему другу. Я вернусь сію же минуту, и если вы захотите подождать меня немного, то я буду скоро къ вашимъ услугамъ и провожу васъ въ Луврь, такъ какъ становится уже поздно.

— Покорно благодарю васъ, сударь, — отвѣтила г-жа Бонасье. — Вы не настолько храбры, чтобы оказать мнѣ какую-нибудь помощь, и я отлично вернусь въ Луврь и одна.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сударыня. А скоро ли я опять увижу васъ?

— Думаю, что скоро. Я надѣюсь, что на будущей недѣлѣ у меня будетъ свободное время, и я воспользуюсь этимъ, чтобы привести у насъ все въ домѣ въ порядокъ, такъ какъ теперь тутъ полный разгромъ.

— Прекрасно. Я буду ждать. Вы не сердитесь на меня?

— Я? Нисколько!

— Итакъ, до скораго свиданья?

— До скораго.

Бонасье поцѣловалъ у жены руку и вышелъ изъ комнаты.

„Нечего сказать, — подумала г-жа Бонасье, когда она осталась одна, — только и недоставало еще этому дураку сдѣлаться кардиналистомъ. А я-то ручалась за него королевѣ! Обѣщала... Ахъ, Боже мой, Боже! Она подумаетъ теперь, что я такая же измѣнница, какъ и всѣ вокругъ нея во дворцѣ, которыхъ приставили шпіонить за ней! Ну, г. Бонасье! Я васъ никогда не любила очень! Теперь же я васъ ненавижу и даю вамъ слово, что вы еще поплатитесь мнѣ за это!“

Въ ту минуту, какъ она подумала это, ударъ въ потолокъ заставилъ ее поднять голову, и чей-то голосъ за потолкомъ закричалъ ей:

— Прелестная г-жа Бонасье, отоприте мнѣ маленькую дверку изъ вашего коридора, и я спущусь сейчасъ къ вамъ.

Глава III.

Любовникъ и мужъ.

— Ахъ, сударыня! — сказалъ д'Артаньянъ, входя въ дверь, отворенную ему молодой женщиной. — Позвольте мнѣ вамъ сказать, что у васъ прежалкій мужъ!

— Такъ вы слышали нашъ разговоръ? — съ безпокойствомъ глядя на д'Артаньяна, спросила г-жа Бонасье.

— Весь до конца.

— Но какъ же это, Боже мой?

— Благодаря одному извѣстному мнѣ только способу, благодаря ему же я слышалъ и другой, болѣе оживленный разговоръ, происходившій между вами и сыщиками кардинала.

— И что же вы поняли изъ того, о чемъ мы говорили?

— Очень многое. Прежде всего, что вашъ мужъ, къ счастью, простъ и глупъ; затѣмъ, что вы находитесь въ настоящее время въ затруднительномъ положеніи (кстати, меня это несказанно радуетъ, такъ какъ даетъ возможность быть вамъ полезнымъ), и, наконецъ, я узналъ, что королевѣ нужно, чтобы храбрый, умный и преданный ей человѣкъ поѣхалъ бы по ея порученію въ Лондонъ. Я обладаю, по крайней мѣрѣ, двумя изъ этихъ качествъ и вотъ я къ вашимъ услугамъ.

Г-жа Бонасье молчала, но сердце ея забилось отъ радости, и въ глазахъ блеснулъ огонекъ тайной надежды.

— А что будетъ мнѣ за васъ порукой, — спросила она, — если я соглашусь довѣрить вамъ это порученіе?

— Моя любовь къ вамъ. Посмотримъ, говорите, приказывайте, что надо дѣлать?

— Боже мой! Боже мой! — прошептала молодая женщина. — Неужели я должна довѣрить вамъ такую тайну? Вы почти дитя.

— Хорошо, я вижу, что вамъ нуженъ кто-нибудь, кто бы могъ поручиться за меня.

— Признаюсь, меня бы это очень успокоило.

— Знаете вы Атоса?

— Нѣтъ.

— Портоса?

— Нѣтъ.

— Арамиса?

— Нѣтъ. Кто эти господа?

— Королевскіе мушкетеры. Знаете вы де-Тревилля, ихъ капитана?

— О, да! Этого я знаю, не лично, конечно, но мнѣ не разъ приходилось слышать, какъ въ присутствіи королевы о немъ отзывались какъ о замѣчательно честномъ и благородномъ дворянинѣ.

— Вы не боитесь, что онъ выдастъ васъ кардиналу, не правда ли?

— О, разумѣется, нѣтъ!

— Прекрасно! Въ такомъ случаѣ, откройте ему вашу тайну и спросите его, можете ли вы довѣрить ее мнѣ?

— Но эта тайна принадлежитъ не мнѣ, и я не могу открыть ея.

— Но вы же хотѣли довѣрить ее г-ну Бонасье,— сказалъ д'Артаньянъ съ худо скрываемой ненавистью въ голосѣ.

— Такъ же, какъ довѣряютъ письмо дуплу дерева, крылу голубя или ошейнику собаки.

— А между тѣмъ, вы видите, какъ я васъ люблю.

— Вы это говорите.

— Я человѣкъ порядочный.

— Я думаю.

— Я храбръ.

— О, въ этомъ я увѣрена.

— Въ такомъ случаѣ, испытайте меня.

Г-жа Бонасье взглянула на молодого человѣка. Она все еще колебалась, но въ глазахъ д'Артаньяна было столько огня, въ голосѣ столько увѣренности, что она сразу почувствовала, что не въ силахъ долѣе противостоять его просьбѣ. Къ тому же, хорошенькая кастелянша находилась въ одномъ изъ тѣхъ положеній, когда приходится всѣмъ рисковать. Королева одинаково могла погибнуть, какъ отъ излишней осторожности, такъ и отъ излишняго довѣрія. Наконецъ, невольное влеченіе, испытываемое ею къ молодому человѣку, одержало верхъ, и она рѣшилась высказаться.

— Слушайте,—начала она,—я сдаюсь на ваши увѣренія и вполнѣ довѣряюсь вамъ. Но клянусь вамъ передъ Богомъ (Онъ слышитъ насъ), что если вы обманете меня, если даже враги мои и простятъ мнѣ, я убью себя, обвинивъ васъ въ своей смерти.

— А я клянусь вамъ передъ Богомъ, сударыня, — сказалъ д'Артаньянъ, — что если меня схватятъ при исполненіи данныхъ мнѣ вами порученій, то я лишу себя жизни прежде, чѣмъ сдѣлаю или скажу что-нибудь, что можетъ кого-нибудь скомпрометировать.

Тогда молодая женщина открыла ему эту ужасную тайну, часть которой онъ случайно узналъ передъ статуей Самаритянки.

Это было ихъ взаимное объясненіе въ любви. Д'Артаньянъ сіялъ отъ радости и гордости. Эта тайна, которой онъ обладалъ, эта женщина, которую онъ любилъ, довѣренность и любовь дѣлали изъ него героя.

— Я уѣзжаю, — сказалъ онъ, — я уѣзжаю немедленно.

— Какъ, вы уѣзжаете! — вскричала г-жа Бонасье. — А вашъ полкъ, вашъ капитанъ?

— Ахъ, клянусь честью, дорогая Констанція, вы заставили меня позабыть объ этомъ; да, вы правы, мнѣ нуженъ отпускъ.

— Опять препятствіе, — съ грустью прошептала г-жа Бонасье.

— О, не безпокойтесь! — вскричалъ д'Артаньянъ, — я преодолѣю его.

— Какимъ образомъ?

— Сегодня же вечеромъ я поѣду къ де-Тревиллю и попрошу его, чтобы онъ выхлопоталъ мнѣ отпускъ у своего родственника, г-на Дезессара.

— А теперь другое препятствіе...

— Что еще? — спросилъ д'Артаньянъ, видя, что г-жа Бонасье не рѣшается продолжать.

— Можетъ-быть, у васъ нѣтъ денегъ?

— Слово „можетъ-быть“ совсѣмъ лишнее, — сказалъ д'Артаньянъ, улыбаясь.

— Въ такомъ случаѣ, — сказала г-жа Бонасье, открывая шкапъ и вынимая мѣшокъ съ золотомъ, тотъ самый, что полчаса тому назадъ съ такой любовью ласкалъ ея мужъ, — возьмите эти деньги.

— Кардинальскій подарокъ! — съ неудержимымъ смѣхомъ вскричалъ д'Артаньянъ, не пропустившій, благодаря разобранному у себя въ комнатѣ паркету, ни единаго слова изъ разговора торговца и его жены.

— Да, кардинальскій, — отвѣчала г-жа Бонасье, — вы видите, онъ имѣетъ довольно внушительный видъ.

— Въ такомъ случаѣ, — сказала г-жа Бонасье, открывая шкапъ и вынимая мѣшокъ съ золотомъ, тотъ самый, что полчаса тому назадъ съ такой любовью ласкалъ ея мужъ, — возьмите эти деньги.

— Ей Богу, — вскричалъ д'Артаньянъ, — это будетъ вдвойнѣ забавная штука: спасти королеву съ помощью денегъ его высокопреосвященства.

— Вы любезный и милый молодой человѣкъ, — сказала г-жа Бонасье. — Повѣрьте, ея величество не останется въ долгу у васъ.

— О, я уже и такъ щедро награжденъ! — вскричалъ д'Артаньянъ. — Я васъ люблю, вы позволяете мнѣ говорить объ этомъ, — это уже такое счастье, о которомъ я и мечтать не смѣлъ!

— Тише! — остановила его г-жа Бонасье.

— Что такое?

— Кто-то говоритъ.

— Это голосъ...

— Моего мужа. О, я его сейчасъ узнала!

Д'Артаньянъ быстро подбѣжалъ къ двери и заперъ ее на задвижку.

— Онъ не войдетъ сюда, пока я не выйду, — сказалъ онъ, — тогда вы ему отворите.

— Но и я также должна уйти,— прошептала г-жа Бонасье,—иначе какъ же я объясню ему исчезновеніе денегъ?

— Да, вы правы, намъ надо обоимъ уйти.

— Уйти, но какъ? Если мы выйдемъ, онъ насъ увидитъ.

— Тогда надо подняться ко мнѣ.

— Ахъ! — вскричала г-жа Бонасье и на прекрасныхъ глазкахъ ея блеснули слезы.— Вы говорите это такимъ тономъ, что мнѣ становится страшно!

При видѣ этихъ слезъ, д'Артаньянъ смутился. Взволнованный и растроганный онъ бросился къ ея ногамъ.

— У меня,— вскричалъ онъ,— вы будете въ такой же безопасности, какъ въ храмѣ! Даю вамъ въ томъ слово дворянина!

— Идемъ,— сказала она,— я вѣрю вамъ, другъ мой.

Д'Артаньянъ осторожно отперъ дверь, и оба, легкіе какъ тѣни проскользнули черезъ внутренюю дверь въ коридоръ, безъ шума поднялись по лѣстницѣ и вошли въ комнату д'Артаньяна.

Очутившись у себя, молодой человѣкъ для большей безопасности устроилъ баррикаду у своей двери; затѣмъ оба подошли къ окну и сквозь щелку закрытой ставни увидѣли г-на Бонасье, разговаривающаго съ какимъ-то человѣкомъ въ плащѣ.

При видѣ этого человѣка въ плащѣ, д'Артаньянъ вскочилъ и, выхвативъ изъ ноженъ шпагу, бросился къ выходу.

Это былъ тотъ самый незнакомецъ, съ которымъ у него произошло столкновеніе въ Менгѣ.

— Что вы хотите сдѣлать! — вскричала г-жа Бонасье. — Вы погубите насъ!

— Но я клялся убить этого человѣка! — сказалъ д'Артаньянъ.

— Ваша жизнь въ настоящую минуту уже не принадлежитъ вамъ Именемъ королевы я запрещаю вамъ подвергать себя какой-либо опасности до вашего отъѣзда въ Лондонъ.

— А своимъ именемъ вы мнѣ ничего не прикажете?

— Своимъ именемъ,—сказала глубоко растроганная г-жа Бонасье, своимъ именемъ я васъ прошу не рисковать. Но давайте слушать; мнѣ кажется, что они говорятъ обо мнѣ.

Д'Артаньянъ подошелъ къ окну и сталъ прислушиваться.

Г-нъ Бонасье отворилъ дверь къ себѣ въ квартиру, и увидя, что въ комнатѣ никого нѣтъ, вернулся къ человѣку въ плащѣ.

— Она уѣхала,— сказалъ онъ,— она вернулась въ Лувръ.

— Вы увѣрены, что вашъ выходъ изъ дому не возбудилъ въ ней подозрѣнія?

— Увѣренъ,— съ самодовольствомъ отвѣчалъ Бонасье.— Это слишкомъ легкомысленная женщина.

— А молодой гвардеецъ у себя?

— Не думаю. Какъ видите, ставни заперты, и огня сквозь щели не видно.

— Все равно, надо удостовѣриться.

— Какимъ образомъ?

— Пойти и постучаться къ нему въ дверь.

— Я спрошу у его лакея.

— Спрашивайте.

Бонасье вошелъ въ свою квартиру, прошелъ черезъ ту самую дверь, черезъ которую прошли наши бѣглецы, поднялся на площадку квартиры д'Артаньяна и постучался. Никто не отвѣчалъ. Планше не было дома, его для большаго шику выпросилъ себѣ Портосъ на этотъ вечеръ.

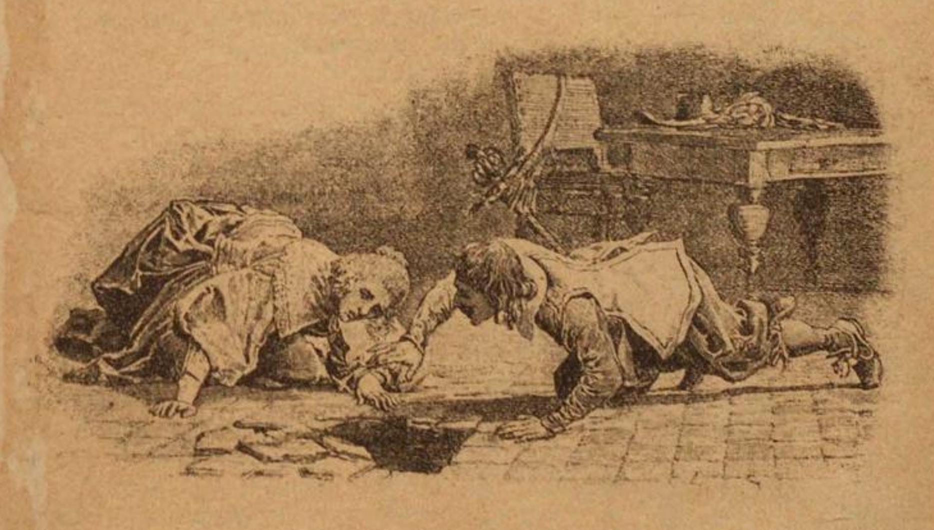
Когда Бонасье постучался въ дверь, молодые люди почувствовали, какъ сильно забились ихъ сердца.

— У него никого нѣтъ дома, — сказалъ Бонасье.

— Все равно, войдемте тогда къ вамъ: у васъ мы будемъ въ большей безопасности, чѣмъ на порогѣ двери.

— Ахъ, Боже мой! — прошептала г-жа Бонасье. — Мы теперь ничего не услышимъ.

— Напротивъ, — сказалъ д'Артаньянъ, — мы будемъ слышать еще лучше. — И, вынувъ нѣсколько квадратовъ изъ паркета, онъ разостлалъ

Вынувъ нѣсколько квадратовъ изъ паркета, онъ опустился на колѣни и сдѣлалъ знакъ г-жѣ Бонасье слѣдовать его примѣру.

на полу коверъ, опустился на колѣни и сдѣлалъ знакъ г-жѣ Бонасье слѣдовать его примѣру.

— Вы увѣрены, что никого нѣтъ? — сказалъ незнакомецъ.

— Я ручаюсь, — сказалъ Бонасье.

— И вы думаете, что ваша жена?..

— Вернулась въ Лувръ.

— Не говоря ни съ кѣмъ, кромѣ васъ?

— Я увѣренъ.

— Это очень важный пунктъ, вы понимаете?

— Значитъ, моя новость имѣетъ важное значенiе?

— Очень важное, мой милый Бонасье, я отъ васъ этого не ждалъ.

— Значитъ, кардиналъ будетъ доволенъ мной?

— Не сомнѣваюсь.

— Великій кардиналъ!

— Вы твердо помните, что въ разговорѣ съ вами ваша жена не упоминала никакихъ собственныхъ именъ?

— Мнѣ кажется, нѣтъ.

— Она не называла ни г-жи де-Шеврёзъ, ни милорда Букингама, ни г-жи де-Верне?

— Нѣтъ, она мнѣ только сказала, что она хотѣла отправить меня въ Лондонъ въ интересахъ какой-то высокопоставленной особы.

— Измѣнникъ! — прошептала г-жа Бонасье.

— Тише! — сказалъ д'Артаньянъ, беря ее за руку, на что она, будучи въ волненіи, не обратила даже вниманія.

— Какъ бы то ни было, — продолжалъ человѣкъ въ плащѣ — вы глупы, что не согласились принять ея порученіе: вы имѣли бы теперь въ рукахъ письмо, и государство, которому угрожаютъ, было бы спасено, а вы...

— А я?

Вдругъ страшный вопль прервалъ ихъ размышленія. То кричалъ мужъ г-жи Бонасье, только что теперь замѣтившій исчезновеніе своего мѣшка съ деньгами.

— Кардиналъ пожаловалъ бы вамъ грамоту о дворянствѣ...

— Онъ вамъ это сказалъ?

— О, я ужъ знаю, что онъ собирался сдѣлать вамъ этотъ сюрпризъ.

— Будьте покойны, — возразилъ Бонасье, — моя жена меня обожаетъ, время еще не ушло.

— Дуракъ! — проговорила г-жа Бонасье.

— Тише! — сказалъ д'Артаньянъ, еще крѣпче сжимая ея руку.

— Какъ время еще не ушло? — спросилъ человѣкъ въ плащѣ.

— Я поѣду въ Лувръ, спрошу г-жу Бонасье, скажу ей, что я передумалъ, что я исполню ея порученіе, получу отъ нея письмо и сейчасъ же побѣгу къ кардиналу.

— Ну, такъ хорошо, идите же скорѣй, я тоже скоро вернусь, чтобы узнать о результатѣ вашей поѣздки.

— Подлецъ! — сказала г-жа Бонасье, награждая въ третій разъ своего мужа такимъ нелестнымъ эпитетомъ.

— Тише! — повторилъ д'Артаньянъ, еще крѣпче сжим руку.

Вдругъ страшный вопль прервалъ ихъ размышл . То кр мужъ г-жи Бонасье, только что теперь замѣтившій исчезновеніе сво мѣшка съ деньгами.

— Ахъ, Боже мой! — прошептала г-жа Бонасье. — Онъ подыметъ весь кварталъ на ноги.

Бонасье долго кричалъ, но такъ какъ подобные крики повторялись очень часто въ улицѣ Могильщиковъ, то они и не привлекали ничьего вниманія; къ тому же домъ торговца не пользовался хорошей репутаціей.

Видя, что никто не идетъ къ нему на помощь, онъ вышелъ изъ дому и, продолжая кричать, направился къ улицѣ Бакъ.

— Теперь, когда онъ ушелъ, ваша очередь собираться, — сказала г-жа Бонасье. — Больше храбрости, но еще больше осторожности. Помните, что вы обязаны пожертвовать собой королевѣ.

— Ей и вамъ! — вскричалъ д'Артаньянъ. — Будьте покойны, прелестная Констанція, я вернусь достойнымъ ея награды, но вернусь ли я достойнымъ вашей любви?

Молодая женщина, вмѣсто всякаго отвѣта, только вспыхнула яркимъ, горячимъ румянцемъ.

Нѣсколько минутъ спустя, д'Артаньянъ, закутанный въ большой плащъ, съ длинной шпагой на боку, вышелъ изъ дому. Г-жа Бонасье провожала его долгимъ взглядомъ любящей и любимой женщины; но когда онъ скрылся за уголъ улицы, она бросилась на колѣни и, скрестивъ руки на груди, воскликнула:

— О, Боже милостивый, спаси королеву, спаси меня!

Глава IV.

Планъ поѣздки.

Д'Артаньянъ отправился прямо къ де-Тревиллю. Онъ былъ увѣренъ, что черезъ нѣсколько минутъ кардиналъ уже будетъ предупрежденъ о его поѣздкѣ проклятымъ незнакомцемъ, бывшимъ, по всей вѣроятности, его агентомъ, и что поэтому нельзя было терять ни минуты. Сердце молодого человѣка трепетало отъ радости. Ему представлялся случай въ одно и то же время пріобрѣсти и славу, и деньги, а главное приблизиться къ женщинѣ, которую онъ обожалъ. Этотъ случай почти съ перваго раза давалъ ему больше, чѣмъ онъ осмѣливался просить у Провидѣнія.

Г-нъ де-Тревилль былъ у себя въ гостиной въ обычномъ кругу своихъ друзей.

Д'Артаньянъ, на правахъ близкаго человѣка въ этомъ домѣ, прошелъ прямо къ нему въ кабинетъ, велѣлъ слугѣ доложить своему барину, что онъ ожидаетъ его по очень важному дѣлу.

Всю дорогу д'Артаньянъ раздумывалъ, какъ лучше ему поступить: довѣриться ли во всемъ г-ну де-Тревиллю или только попросить его достать ему отпускъ для поѣздки въ Лондонъ.

Но г-нъ де-Тревилль всегда относился къ нему такъ хорошо, былъ предан̆ъ королю и королевѣ, такъ искренно ненавидѣлъ кардинала, что молодой человѣкъ предпочелъ лучше открыться ему.

Не прошло и пяти минутъ, какъ вошелъ де-Тревилль. Съ перваго взгляда, видя радостное выраженіе лица д'Артаньяна, почтенный капитанъ понялъ, что, дѣйствительно, произошло что-нибудь новое.

— Вы хотѣли меня видѣть, мой юный другъ? — спросилъ де-Тревилль.

— Да, капитанъ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, — и, надѣюсь, вы меня извините, что я осмѣлился безпокоить васъ; я пришелъ по очень важному дѣлу.

— Говорите, я слушаю.

— Дѣло касается ни больше ни меньше, — сказалъ д'Артаньянъ, понижая голосъ, — какъ чести, а быть-можетъ, и жизни королевы.

— Что вы говорите? — спросилъ де-Тревилль, невольно оглядываясь по сторонамъ, чтобы удостовѣриться, совершенно ли одни они въ комнатѣ, и снова затѣмъ останавливая на собесѣдникѣ вопросительный, полный недоумѣнія взглядъ.

— Я говорю, капитанъ, что случай меня сдѣлалъ обладателемъ одной тайны...

— Которую вы сохраните, надѣюсь, до конца своей жизни, молодой человѣкъ?

— Капитанъ, такъ какъ вы одни можете помочь мнѣ исполнить порученіе, возложенное на меня ея величествомъ...

— Это ваша тайна? — перебилъ его де-Тревилль.

— Нѣтъ, капитанъ, она принадлежитъ королевѣ.

— А ея величество поручила вамъ открыть ее мнѣ?

— Нѣтъ, капитанъ, напротивъ, мнѣ велѣно какъ можно строже хранить эту тайну.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы выдаете ее мнѣ?

— Затѣмъ, что, говорю вамъ, безъ васъ я ничего не могу сдѣлать, и я боюсь, что если вы не будете знать, съ какой цѣлью я прошу у васъ помощи, то вы откажете мнѣ въ ней.

— Храните въ себѣ вашу тайну, молодой человѣкъ, и скажите, чего вы желаете?

— Я хочу, чтобы вы достали мнѣ у г-на Дезессара отпускъ на 15 дней.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Вы уѣзжаете изъ Парижа?

— Я ѣду по порученію.

— Можете вы сказать куда?

— Въ Лондонъ.

— Кто-нибудь заинтересованъ въ томъ, чт[illegible] не достигл своей цѣли?

— Кардиналъ, мнѣ кажется, отдалъ бы все на [illegible]бы помѣшать моему успѣху.

— И вы уѣзжаете одни?

— Одинъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы не проѣдете черезъ Бонди. Я говорю вамъ это, повѣрьте слову де-Тревилля.

— Почему же?

— Васъ убьютъ.

— Что жъ, я умру, исполняя свой долгъ.

— Но не выполнивъ возложеннаго на васъ порученія.

— Это правда, — сказалъ д'Артаньянъ.

— Вѣрьте мнѣ, — продолжалъ де-Тревилль, — въ подобнаго рода предпріятіяхъ нужно быть, по крайней мѣрѣ, вчетверомъ, чтобы хоть одному удалось достигнуть своей цѣли.

— Да, вы правы, капитанъ,—сказалъ д'Артаньянъ,—но вы знаете Атоса, Портоса и Арамиса. Какъ вы думаете, могу ли я разсчитывать на нихъ?

— Не довѣряя имъ тайны, которую я не захотѣлъ узнать?

— Мы разъ навсегда поклялись въ слѣпой довѣренности и безпредѣльной преданности другъ другу, какое бы испытаніе насъ ни постигло; къ тому же, вы можете сказать имъ, что вполнѣ довѣряете мнѣ, и они удовольствуются этимъ.

— Я дамъ каждому изъ нихъ отпускъ на 15 дней, вотъ и все. Атосъ еще не совсѣмъ поправился отъ своей раны, онъ можетъ поѣхать полѣчиться на Форжскія воды, а Портосъ и Арамисъ пусть сопровождаютъ своего друга подъ предлогомъ, что не желаютъ бросать его одного въ такомъ печальномъ положеніи; я пошлю имъ отпуска, и это будетъ значить, что я уполномочиваю ихъ ѣхать съ вами.

— Благодарю васъ, капитанъ, вы добры безконечно.

— Сію же минуту отправляйтесь къ нимъ, и чтобы въ эту ночь все было окончено. Ахъ, да, сперва напишите рапортъ къ Дезессару. Быть-можетъ, за вами слѣдитъ какой-нибудь шпіонъ, готовый донести кардиналу о вашемъ визитѣ ко мнѣ, такъ пусть, по крайней мѣрѣ, этотъ визитъ будетъ имѣть законную причину.

Д'Артаньянъ написалъ рапортъ, и де-Тревилль увѣрилъ его, что къ двумъ часамъ ночи всѣ четыре отпуска будутъ въ ихъ полномъ распоряженіи.

— Будьте такъ любезны, прикажите доставить мой отпускъ къ Атосу, — попросилъ д'Артаньянъ, — я боюсь, вернувшись домой, натолкнуться на какую-нибудь непріятность.

— Хорошо. Прощайте! Счастливаго пути. Ахъ, да, кстати,—окликнулъ его де-Тревилль.

Д'Артаньянъ вернулся.

— Есть у васъ деньги?

Д'Артаньянъ молча звякнулъ кошелькомъ въ карманѣ.

— Достаточно? — спросилъ де-Тревилль.

— Триста пистолей.

— Хорошо, съ этимъ можно уѣхать на край свѣта. Отправляйтесь же.

Д'Артаньянъ поклонился де-Тревиллю, тотъ протянулъ ему руку; д'Артаньянъ пожалъ ее съ чувствомъ уваженія и признательности. Съ самаго своего пріѣзда въ Парижъ онъ не могъ нахвалиться на этого человѣка, такъ былъ онъ всегда честенъ, благороденъ и великъ.

Первый его визитъ былъ къ Арамису; онъ еще не былъ у своего друга съ того самаго памятнаго вечера, какъ преслѣдовалъ г-жу Бонасье.

Каждый разъ, какъ онъ встрѣчался съ молодымъ мушкетеромъ, онъ замѣчалъ на лицѣ его какую-то глубокую печаль.

Въ этотъ вечеръ опять Арамисъ сидѣлъ мрачный и задумчивый; д'Артаньянъ сталъ разспрашивать его, почему онъ такъ задумчивъ;

Арамисъ отвѣчалъ, что онъ страшно занятъ, что ему необходимо написать къ слѣдующей недѣлѣ на латинскомъ языкѣ комментарій на 18 главу св. Августина, и что эта работа его сильно озабочиваетъ.

Во время бесѣды двухъ друзей пришелъ слуга отъ де-Тревилля и принесъ запечатанный пакетъ.

— Что это? — спросилъ Арамисъ.

— Отпускъ, о которомъ вы просили.

— Я не просилъ никакого отпуска.

— Молчите и берите,—сказалъ д'Артаньянъ,—а вы, мой милый,—обратился онъ къ слугѣ, — вотъ вамъ за труды нѣсколько пистолей, передайте г-ну де-Тревиллю, что г. Арамисъ сердечно благодаритъ его. Можете итти.

Слуга поклонился до земли и вышелъ.

— Что это значитъ? — спросилъ Арамисъ.

— Возьмите все, что вамъ нужно для двухнедѣльнаго путешествія и слѣдуйте за мной.

— Но я не могу уѣхать теперь изъ Парижа, не зная...

Арамисъ остановился.

— Что съ ней сталось, не правда ли?—продолжалъ за него д'Артаньянъ.

— Съ кѣмъ? — спросилъ Арамисъ.

— Съ женщиной, которая была здѣсь, съ женщиной съ вышитымъ платкомъ.

— Кто вамъ сказалъ, что здѣсь была женщина?—воскликнулъ Арамисъ, поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ.

— Я ее видѣлъ.

— И вы знаете, кто она?

— Я могу ошибиться, конечно.

— Послушайте,—сказалъ Арамисъ,—разъ вы знаете такія подробности, то вы, навѣрно, знаете, что сдѣлалось съ этой женщиной?

— Я полагаю, что она вернулась въ Туръ.

— Въ Туръ? Да, это такъ; вы ее знаете. Но почему она вернулась въ Туръ, не сказавъ мнѣ ничего?

— Потому что она боялась быть задержанной.

— Почему же она мнѣ не написала?

— Потому что боялась васъ скомпрометировать.

— Д'Артаньянъ, вы возвращаете мнѣ жизнь! — вскричалъ Арамисъ.—Я думалъ, что меня презираютъ и обманываютъ. Я былъ такъ счастливъ увидѣть ее вновь! Я не могъ повѣрить, чтобы она ради меня рисковала своей свободой, а между тѣмъ, что заставило ее пріѣхать въ Парижъ?

— То, что сегодня заставляетъ насъ ѣхать въ Англію.

— Что же это? — спросилъ Арамисъ.

— Когда-нибудь вы узнаете, Арамисъ, но въ настоящую минуту я послѣдую примѣру автора „Племянницы доктора".

Арамисъ улыбнулся, онъ вспомнилъ сказку, разсказанную имъ какъ-то вечеромъ своимъ друзьямъ.

— Прекрасно, такъ какъ вы увѣрены, д'Артаньянъ, что она уѣхала изъ Парижа, то меня и здѣсь ничего не удерживаетъ, и я готовъ слѣдовать за вами. Вы говорите, что мы ѣдемъ?..

— Въ настоящую минуту къ Атосу, и если вы желаете итти со мной, то предлагаю вамъ поторопиться, мы и такъ потеряли много времени. Кстати, предупредите Базена.

— Базенъ ѣдетъ съ нами? — спросилъ Арамисъ.

— Можетъ-быть; во всякомъ случаѣ, хорошо было бы, если бы онъ проводилъ насъ теперь къ Атосу.

Арамисъ позвалъ Базена и приказалъ ему итти за ними.

— Пойдемте же, — сказалъ онъ, беря плащъ, шпагу и три пистолета и открывая, впрочемъ, совершенно напрасно, три или четыре ящика, чтобы посмотрѣть, не найдется ли тамъ завалившейся пистоли. Но, окончательно убѣдившись, что всякіе поиски напрасны, онъ пошелъ за д'Артаньяномъ, невольно спрашивая себя, какъ это случилось, что молодой гвардеецъ зналъ, кто была та женщина, которую онъ принималъ у себя, и даже зналъ лучше его, что потомъ съ этой женщиной сталось. Выходя изъ дому, Арамисъ на минуту остановился, положилъ свою руку на плечо д'Артаньяну и, пристально глядя ему въ глаза, спросилъ:

— Чортъ возьми, — сказалъ Портосъ, — вотъ такъ странная вещь! Съ какихъ это поръ мушкетерамъ даютъ пуска, не спрашивая на то ихъ согласія?

— Вы никому не говорили объ этой женщинѣ?

— Никому на свѣтѣ.

— Даже Атосу и Портосу?

— Даже и имъ я не заикнулся.

— Слава Богу.

И, успокоившись на этотъ счетъ, Арамисъ продолжалъ свой путь вмѣстѣ съ д'Артаньяномъ, и вскорѣ оба пришли къ Атосу.

— Они застали его съ отпускомъ въ одной рукѣ и съ письмомъ отъ де-Тревилля въ другой.

— Не можете ли вы объяснить мнѣ, что значатъ этотъ отпускъ и это письмо? — спросилъ удивленный Атосъ.

„Мой дорогой Атосъ! Я хочу, такъ какъ ваше здоровье этого непремѣнно требуетъ, чтобы вы отдохнули недѣльки двѣ. Поѣзжайте себѣ

на воды де-Форжъ или куда вамъ больше нравится и поправляйте скорѣй.

Уважающій васъ де-Тревилль".

— Ну, такъ что же?—этотъ отпускъ и это письмо означаютъ, что вы должны слѣдовать за мной, Атосъ.

— На воды де-Форжъ?

— Туда или куда-нибудь въ другое мѣсто.

— Этого требуетъ король?

— Король или королева, не все ли вамъ равно? Развѣ мы не слуги ихъ величествъ?

Въ эту минуту вошелъ Портосъ.

— Чортъ возьми, — сказалъ онъ, — вотъ такъ странная вещь! Съ какихъ это поръ мушкетерамъ даютъ отпуска, не спрашивая на то ихъ согласія?

— Съ тѣхъ поръ,—сказалъ д'Артаньянъ,—какъ у нихъ есть друзья, которые объ этомъ заботятся.

— А, а!—сказалъ Портосъ.—Кажется, у васъ есть что-то новенькое?

— Да, мы уѣзжаемъ,—сказалъ Арамисъ.

— Въ какія это страны?—спросилъ Портосъ.

— Я, собственно, самъ не много знаю, — сказалъ Атосъ, — спроси лучше у д'Артаньяна.

— Въ Лондонъ, господа, — объявилъ д'Артаньянъ.

— Въ Лондонъ!—вскричалъ Портосъ.—А что мы будемъ дѣлать въ Лондонѣ?

— Этого я не могу вамъ сообщить, господа, вы должны во всемъ довѣриться мнѣ.

— Но, чтобы ѣхать въ Лондонъ, — прибавилъ Портосъ, — нужны деньги, а у меня ихъ нѣтъ.

— У меня также, — сказалъ Арамисъ.

— И у меня, — сказалъ Атосъ.

— У меня зато есть, — возразилъ д'Артаньянъ, вынимая изъ кармана свое сокровище и кладя его на столъ.—Въ этомъ кошелькѣ триста пистолей, возьмемъ каждый себѣ по 75; этого достаточно, чтобы доѣхать до Лондона и вернуться обратно, къ тому же, будьте покойны, мы не всѣ доберемся до Лондона.

— А почему же?

— Потому что, по всей вѣроятности, нѣкоторые изъ насъ останутся по дорогѣ.

— Такъ развѣ мы отправляемся въ походъ?

— И даже очень опасный, предупреждаю васъ.

— А, вотъ что! Но разъ мы рискуемъ своею жизнью, — сказалъ Портосъ, — я бы хотѣлъ знать, ради чего мы рискуемъ?

— Много это тебѣ поможетъ! — сказалъ Атосъ.

— Между тѣмъ, — сказалъ Арамисъ, — я раздѣляю мнѣніе Портоса.

— Развѣ король имѣетъ обыкновеніе отдавать вамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Нѣтъ, онъ просто-на-просто говоритъ вамъ: „господа, въ Гасконіи или Фландріи — война, идите сражаться", и вы идете. За что? Вы даже объ этомъ не безпокоитесь.

— Д'Артаньянъ правъ, — сказалъ Атосъ, — вотъ три отпуска присланные намъ де-Тревиллемъ, а вотъ 300 пистолей, явившихся неизвѣстно откуда. Идемъ туда, куда намъ велятъ итти, и будемъ сражаться, а если нужно, такъ и умремъ. Стоитъ ли жизнь, чтобы о ней такъ заботиться. Д'Артаньянъ, я готовъ итти за тобой.

— И я также,—сказалъ Портосъ.

— И я, — сказалъ Арамисъ. — Я даже очень не прочь уѣхать изъ Парижа. Мнѣ нужно поразвлечься.

— О, что касается до развлеченій, господа, будьте покойны, въ нихъ недостатка не будетъ! — замѣтилъ д'Артаньянъ.

— А теперь вопросъ: когда же мы уѣзжаемъ?—спросилъ Атосъ.

— Сейчасъ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ: — нельзя терять ни минуты.

— Эй, Гримо, Планше, Мускетонъ, Базенъ! — закричали молодые люди своимъ слугамъ. — Вычистите намъ сапоги и приведите изъ гостинницы лошадей.

— Мушкетеры держали своихъ лошадей вмѣстѣ съ лошадьми своихъ слугъ въ одной и той же гостинницѣ.

Гримо, Планше, Мускетонъ и Базенъ бросились со всѣхъ ногъ исполнять приказаніе.

— А теперь начертимъ планъ похода, — сказалъ Портосъ. — Куда мы прежде всего отправимся?

— Въ Кале, — отвѣчалъ д'Артаньянъ. — Это самая прямая дорога въ Лондонъ.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ Портосъ, — вотъ мое мнѣніе.

— Говори.

— Четыре офицера, путешествующіе вмѣстѣ, могутъ очень легко возбудить подозрѣніе: пусть д'Артаньянъ дастъ каждому изъ насъ особыя инструкціи. Я поѣду впередъ по дорогѣ въ Булонь и буду очищать вамъ путь; Атосъ выѣдетъ двумя часами позднѣе по дорогѣ въ Амьенъ; Арамисъ пусть ѣдетъ въ Нойонъ; что же касается д'Артаньяна, то онъ можетъ самъ себѣ выбрать дорогу, только ему не мѣшало бы переодѣться въ платье Планше, а Планше въ его гвардейскій мундиръ.

— Господа,—сказалъ Атосъ,—мое мнѣніе таково, что въ подобныя дѣла нельзя вмѣшивать лакеевъ. Тайна можетъ быть выдана случайно двориниюмъ, но почти всегда продана лакеемъ.

— Планъ Портоса мнѣ кажется не совсѣмъ подходящимъ, — сказалъ д'Артаньянъ,—потому что я и самъ еще не знаю, какія инструкціи могу вамъ дать. Я долженъ отвезти письмо, вотъ и все. Я не могу сдѣлать три копіи этого письма, такъ какъ оно запечатано; по моему мнѣнію, намъ надо ѣхать всѣмъ вмѣстѣ. Это письмо у меня въ карманѣ,— и онъ показалъ имъ карманъ, гдѣ лежало письмо.—Если меня убьютъ, одинъ изъ васъ возьметъ его, и вы поѣдете дальше; если того убьютъ, письмо возьметъ третій и такъ по очереди, только бы одинъ добрался. Вотъ все, что нужно.

— Браво д'Артаньянъ! Я вполнѣ согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ,— сказалъ Атосъ.—Къ тому же надо быть послѣдовательнымъ; я ѣду на воды, вы провожаете меня; вмѣсто водъ де-Форжъ, я ѣду на морскія

воды. Я свободенъ въ выборѣ. Если насъ захотятъ арестовать, я покажу письмо де-Тревилля, а вы ваши отпуска. Если на насъ нападутъ, мы будемъ защищаться; если насъ вздумаютъ судить, мы будемъ упорно настаивать на томъ, что не имѣли другого намѣренія, какъ только выкупаться извѣстное число разъ въ морѣ. Было бы очень легко управиться съ каждымъ изъ четырехъ людей въ отдѣльности, между тѣмъ какъ всѣ четверо вмѣстѣ мы представляемъ цѣлое войско. Мы вооружимъ нашихъ слугъ пистолетами и мушкетами; если противъ насъ вышлютъ войско, мы дадимъ сраженіе, и тотъ, кто останется въ живыхъ, доставитъ письмо въ Лондонъ.

— Хорошо сказано, — вскричалъ Арамисъ, — ты рѣдко говоришь, Атосъ, но зато, когда говоришь, то напоминаешь св. Іоанна Златоуста. Я принимаю планъ Атоса. А ты, Портосъ?

— Если д'Артаньянъ одобряетъ этотъ планъ, то и я одобряю его. Д'Артаньянъ податель письма, а потому, естественно, онъ долженъ стоять во главѣ этого предпріятія. Пусть онъ рѣшаетъ, а мы будемъ исполнять.

— Хорошо, — сказалъ д'Артаньянъ, — я рѣшилъ, что мы принимаемъ проектъ Атоса и что чрезъ полчаса мы уѣзжаемъ отсюда!

Каждый взялъ себѣ изъ мѣшка 75 пистолей и сталъ готовиться къ отъѣзду въ назначенный часъ.

— Рѣшено! — хоромъ подхватили всѣ три мушкетера.

Каждый взялъ себѣ изъ мѣшка 75 пистолей и сталъ готовиться къ отъѣзду въ назначенный часъ.

Глава V.

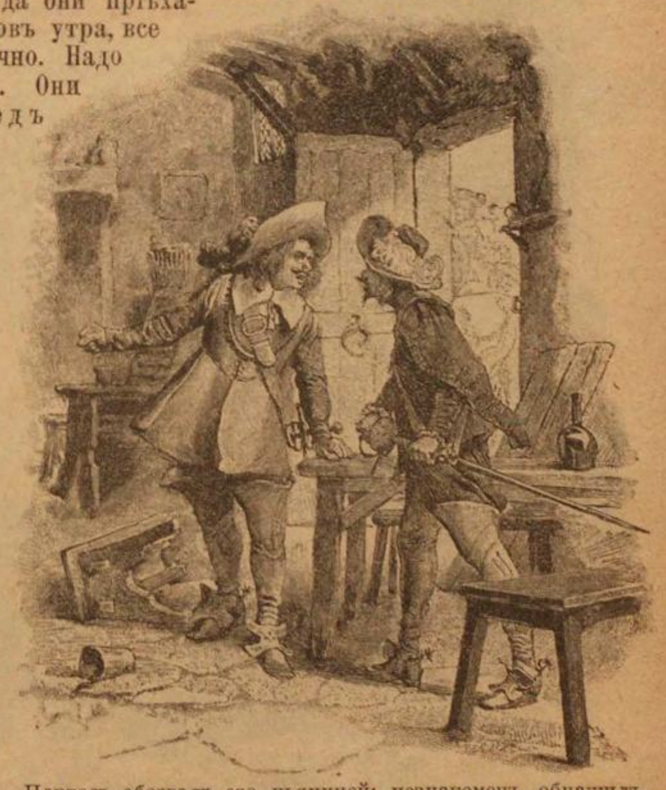
Путешествіе.

Во второмъ часу утра наши путешественники выѣхали изъ Парижа черезъ Сенъ-Денискую заставу. Въ продолженіе всей ночи, пока не разсвѣло, они ѣхали молча; темнота невольно оказывала на нихъ свое дѣйствіе, и имъ повсюду видѣлись засады.

Но съ первыми лучами восходящаго солнца языки ихъ развязались, и веселое настроеніе снова вернулось: какъ будто наканунѣ сраженія, сердце билось, глаза горѣли, чувствовалось, что жизнь, съ которой, можетъ-быть, придется разстаться, въ концѣ-концовъ, прекрасная вещь. Караванъ имѣлъ очень внушительный видъ: вороныя лошади мушкетеровъ, ихъ воинственная осанка и вообще военная выправка, заставляющая ихъ ѣхать правильнымъ шагомъ, выдали бы самое строгое инкогнито.

За господами ѣхали вооруженные съ ногъ до головы слуги.

До Шантильи, куда они пріѣхали около восьми часовъ утра, все обошлось благополучно. Надо было позавтракать.. Они остановились передъ маленькой гостиницей, съ вывѣской, изображавшей св. Мартина, дающаго половину своего плаща нищему. Слугамъ было приказано не разсѣдлывать лошадей и быть наготовѣ.

Портосъ обозвалъ его пьяницей; незнакомецъ обнажилъ шпагу.

Молодые люди вошли въ общую залу и сѣли за столъ. Какой-то дворянинъ, только что пріѣхавшій по Дамартенской дорогѣ, сидѣлъ за тѣмъ же столомъ и завтракалъ. Онъ завелъ съ вновь прибывшими разговоръ о дождѣ и вообще о погодѣ, путешественники разговорились съ нимъ; онъ выпилъ за ихъ здоровье; путешественники отвѣчали ему тою же любезностью.

Но, въ ту минуту, какъ Мускетонъ пришелъ доложить имъ, что лошади поданы, и молодые люди стали вставать изъ-за стола, незнакомецъ предложилъ Портосу выпить за здоровье кардинала; Портосъ отвѣчалъ, что онъ съ удовольствіемъ принимаетъ этотъ тостъ, если незнакомецъ, въ свою очередь, выпьетъ за здоровье короля. Незнакомецъ вскричалъ, что онъ не знаетъ другого короля, кромѣ его высокопреосвященства, Портосъ обозвалъ его пьяницей; незнакомецъ обнажилъ шпагу.

— Ты сдѣлалъ большую глупость,—сказалъ Атосъ,—но все равно, отступать теперь уже поздно, убей этого человѣка и постарайся до-

гнать насъ какъ можно скорѣе! — И всѣ трое вскочили на лошадей и помчались во весь духъ по дорогѣ.

Портосъ остался одинъ. Онъ продолжалъ спорить съ незнакомцемъ и, выхвативъ, въ свою очередь, шпагу изъ ноженъ, кричалъ, что пробуравитъ противника по всѣмъ правиламъ фехтовальнаго искусства.

Рабочіе бросились къ канавѣ, гдѣ у нихъ заранѣе было спрятано оружіе, и, схвативъ по мушкету, стали стрѣлять.

— Къ чему медлить, проколи получше однимъ ударомъ,—закричалъ Атосъ, до слуха котораго еще успѣла долетѣть эта угроза его товарища.

— Но почему этотъ человѣкъ привязался къ Портосу, а не къ кому другому изъ насъ? — спросилъ Арамисъ.

— Потому что Портосъ говорилъ громче всѣхъ насъ, и его приняли за нашего начальника, — отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Я всегда говорилъ, что этотъ юноша гасконецъ — настоящій кладезь мудрости, — пробормоталъ Атосъ.

Разговаривая такимъ образомъ, путешественники продолжали свой путь.

Въ Бовэ они остановились часа на два, чтобы дать передохнуть лошадямъ и подождать Портоса. Но, по прошествіи двухъ часовъ, такъ какъ Портосъ не пріѣзжалъ и никакихъ извѣстій о немъ не было, поѣхали дальше.

Отъѣхавъ одну милю отъ Бовэ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога, направляясь между двухъ откосовъ, дѣлалась уже, они встрѣтили человѣкъ восемь-десять рабочихъ съ лопатами и заступами, поправляющихъ, повидимому, дорогу, но въ сущности только еще больше портившихъ ее. Арамисъ, боясь запачкать свои сапоги въ невылазной грязи, стоявшей на дорогѣ, грубо обругалъ ихъ. Атосъ хотѣлъ удержать его, но было уже слишкомъ поздно.

Несмотря на то, что лошади были сильно уставши, они скакали еще два часа.

Рабочіе принялись подсмѣиваться надъ путешественниками и своимъ нахальствомъ вывели изъ терпѣнія всѣхъ; даже всегда хладнокровный Атосъ и тотъ не выдержалъ и, взбѣшенный ихъ неумѣстными шутками, въ гнѣвѣ направилъ свою лошадь на одного изъ нихъ. Рабочіе, казалось, только и ждали этого. Они бросились къ канавѣ, гдѣ у нихъ заранѣе было спрятано оружіе и, схвативъ по мушкету, стали стрѣлять. Нашимъ всадникамъ пришлось скакать буквально сквозь огонь перекрестныхъ выстрѣловъ. Арамису пуля пробила плечо, а Мускетону попала въ мясистыя части, ниже поясницы. Впрочемъ, одинъ только

Мускетонъ упалъ съ лошади, и не потому, что онъ былъ сильно раненъ, а пототу что не могъ видѣть своей раны; безъ сомнѣнія, ему показалось, что рана его гораздо опаснѣе, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ.

— Это опять засада, — сказалъ д'Артаньянъ. — Не стоитъ тратить пороху понапрасну, ѣдемъ дальше.

Арамисъ, несмотря на страшную боль въ плечѣ, ухватился за гриву своей лошади и помчался вслѣдъ за другими.

Лошадь Мускетона также догнала ихъ, и одна, безъ сѣдока, поскакала рядомъ со всѣми.

— Это будетъ наша запасная лошадь, — замѣтилъ Атосъ.

— Я предпочелъ бы вмѣсто нея имѣть шляпу, — сказалъ д'Артаньянъ, — мою сбило пулею. Счастье, право, что еще письмо было не тамъ.

— Ахъ, Боже мой, — сказалъ Арамисъ, они, навѣрное, убьютъ бѣднаго Портоса, когда онъ будетъ проѣзжать мимо нихъ.

— Если бы Портосъ былъ на ногахъ, то онъ, навѣрное, уже догналъ бы насъ, — сказалъ Атосъ. — Хотя, — прибавилъ онъ, — мнѣ кажется, дуэль должна была живо протрезвить нашего пьяницу.

И, несмотря на то, что лошади были сильно уставши, они скакали еще два часа. Только теперь они ѣхали уже не большой, а проселочной дорогой, надѣясь такимъ образомъ встрѣтить меньше препятствій; но въ Кревекерѣ Арамисъ объявилъ, что дальше ѣхать не въ состояніи. Дѣйствительно, надо было имѣть много мужества, чтобы съ его раной доѣхать и до этого мѣста. Съ каждой минутой онъ блѣднѣлъ все больше и больше и еле держался на сѣдлѣ, товарищамъ приходилось все время поддерживать его. Наконецъ, у дверей одной таверны нашъ маленькій отрядъ остановился. Раненаго Арамиса сняли съ лошади и оставили въ номерѣ на попеченіи Базена.

Остальные затѣмъ отправились дальше, разсчитывая переночевать въ Амьенѣ.

Ихъ было теперь только четверо: Атосъ, д'Артаньянъ, Гримо и Планше.

— Чортъ возьми, — сказалъ Атосъ, — ужъ они меня больше не одурачатъ! Я вамъ ручаюсь, что они не заставятъ меня ни открыть рта ни обнажить шпаги до самаго Кале, клянусь...

— Не будемъ клясться, — сказалъ д'Артаньянъ, — ѣдемъ дальше, пока лошади еще не совсѣмъ выбились изъ силъ.

И, говоря это, онъ сильно пришпорилъ свою лошадь и помчался впередъ.

Въ полночь они пріѣхали въ Амьенъ и остановились въ гостиницѣ „Золотой Лиліи".

Хозяинъ этой гостиницы имѣлъ видъ честнѣйшаго человѣка въ мірѣ, онъ встрѣтилъ пріѣхавшихъ на лѣстницѣ: со свѣчой въ одной рукѣ и съ бумажнымъ колпакомъ въ другой.

Онъ хотѣлъ помѣстить молодыхъ офицеровъ, каждаго отдѣльно, въ двухъ прелестныхъ комнаткахъ; къ несчастью только, эти комнатки находились въ двухъ совершенно противоположныхъ концахъ гостиницы. Д'Артаньянъ и Атосъ отказались, хозяинъ замѣтилъ имъ, что, къ несчастью, у него нѣтъ другихъ комнатъ, достойныхъ для принятія ихъ превосходительствъ, но путешественники объявили ему, что они предпочитаютъ спать на простомъ матрацѣ, прямо на полу, лишь бы

только провести ночь вмѣстѣ, въ одной комнатѣ. Хозяинъ продолжалъ настаивать на своемъ, путешественники на своемъ, и хозяину, въ концѣ-концовъ, пришлось уступить.

Только что размѣстили они свои кровати и устроили баррикаду у двери внутри, какъ въ окно со двора послышался стукъ.

Они окликнули кто тамъ, узнали голоса своихъ лакеевъ и отворили ставню.

Дѣйствительно, подъ окномъ стояли Планше и Гримо.

— Гримо можетъ и одинъ присмотрѣть за лошадьми,—сказалъ Планше,—а я, если господа пожелаютъ, лягу на полъ у дверей. Такимъ образомъ, господа могутъ быть спокойны, что къ нимъ никто не войдетъ!

— На чемъ же ты ляжешь?—спросилъ д'Артаньянъ.

— А вотъ моя постель,—отвѣчалъ Планше, указывая на лежавшій вблизи нихъ снопъ соломы.

— Ну, такъ иди сюда,—сказалъ д'Артаньянъ.—Пожалуй, ты и правъ: физіономія нашего хозяина мнѣ совсѣмъ не нравится, она слишкомъ слащава.

— Я тоже не нахожу ее симпатичной,—согласился съ нимъ Атосъ.

Планше влѣзъ въ окно и улегся поперекъ двери, а Гримо отправился въ конюшню, обѣщая, что въ пять часовъ утра лошади будутъ готовы къ отъѣзду.

Раненаго Арамиса сняли съ лошади и оставили въ номерѣ на попеченіи Базена.

Ночь прошла довольно спокойно. Правда, около двухъ часовъ утра кто-то пробовалъ отворить ихъ дверь, но когда Планше, проснувшись, вскочилъ и спросилъ: „Кто тамъ?"—ему отвѣчали, что ошиблись дверью, и затѣмъ снова все смолкло.

Въ четыре часа въ конюшнѣ послышался страшный шумъ: Гримо хотѣлъ разбудить конюховъ, а тѣ стали бить его. Когда отворили окно, то увидѣли, что бѣдный малый лежитъ на землѣ безъ чувствъ, съ пробитой палкой головой.

Планше спустился во дворъ, чтобы поскорѣе осѣдлать лошадей, но всѣ лошади оказались разбитыми на ноги.

Одинъ только конь Мускетона, проскакавшій наканунѣ безъ своего сѣдока пять или шесть часовъ, могъ бы продолжать путешествіе; но, по непонятной ошибкѣ, ветеринаръ, за которымъ послали, кажется, для того, чтобы пустить кровь лошади хозяина, пустилъ кровь лошади Мускетона.

Это становилось подозрительнымъ: всѣ эти послѣдовательныя приключенія могли, конечно, быть слѣдствіемъ простой случайности, но они также свободно могли быть и плодомъ заговора.

Планше пошелъ справиться, нѣтъ ли гдѣ въ окрестности трехъ продажныхъ лошадей. Какъ разъ у дверей стояли двѣ совершенно осѣдланныя лошади, сильныя и свѣжія на видъ. Онъ спросилъ, гдѣ хозяева этихъ лошадей, ему отвѣчали, что они ночевали въ гостинницѣ и въ настоящую минуту кончаютъ свои счеты съ хозяиномъ.

Атосъ спустился внизъ, чтобъ также заплатить за постой, а д'Артаньянъ и Планше, въ ожиданіи его, остановились у дверей, выходившихъ на улицу.

Атоса провели въ отдаленную маленькую комнатку, съ низкимъ потолкомъ; онъ вошелъ туда довѣрчиво, далекій отъ всякой мысли объ опасности, и, увидѣвъ хозяина, одиноко сидящаго передъ своимъ бюро, вынулъ двѣ пистоли и подалъ ему ихъ. Хозяинъ взялъ деньги, внимательно осмотрѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ, повертѣлъ въ рукахъ и вдругъ закричалъ, что онѣ фальшивыя.

— Я велю арестовать и васъ и вашего товарища, какъ двухъ фальшивомонетчиковъ, — сталъ кричать онъ.

— Негодяй, — сказалъ Атосъ, наступая на него. — Я обрѣжу тебѣ уши!

Въ эту самую минуту четыре вооруженныхъ человѣка выскочили изъ боковыхъ дверей.

— Меня схватили! — закричалъ Атосъ изо всей мочи. — Бѣги, д'Артаньянъ, спасайся!

И съ этими словами онъ выстрѣлилъ два раза. Д'Артаньянъ и Планше не заставили повторять себѣ нѣсколько разъ одно и то же, они отвязали лошадей, привязанныхъ у крыльца, вскочили на нихъ, пришпорили и помчались во весь духъ.

— Ты не знаешь, что приключилось съ Атосомъ? — спросилъ по дорогѣ д'Артаньянъ у Планше.

— Ахъ, сударь, — отвѣчалъ Планше, — я видѣлъ, какъ двое упали отъ его выстрѣловъ, и мнѣ показалось черезъ стеклянную дверь, что г. Атосъ продолжалъ бороться съ другими.

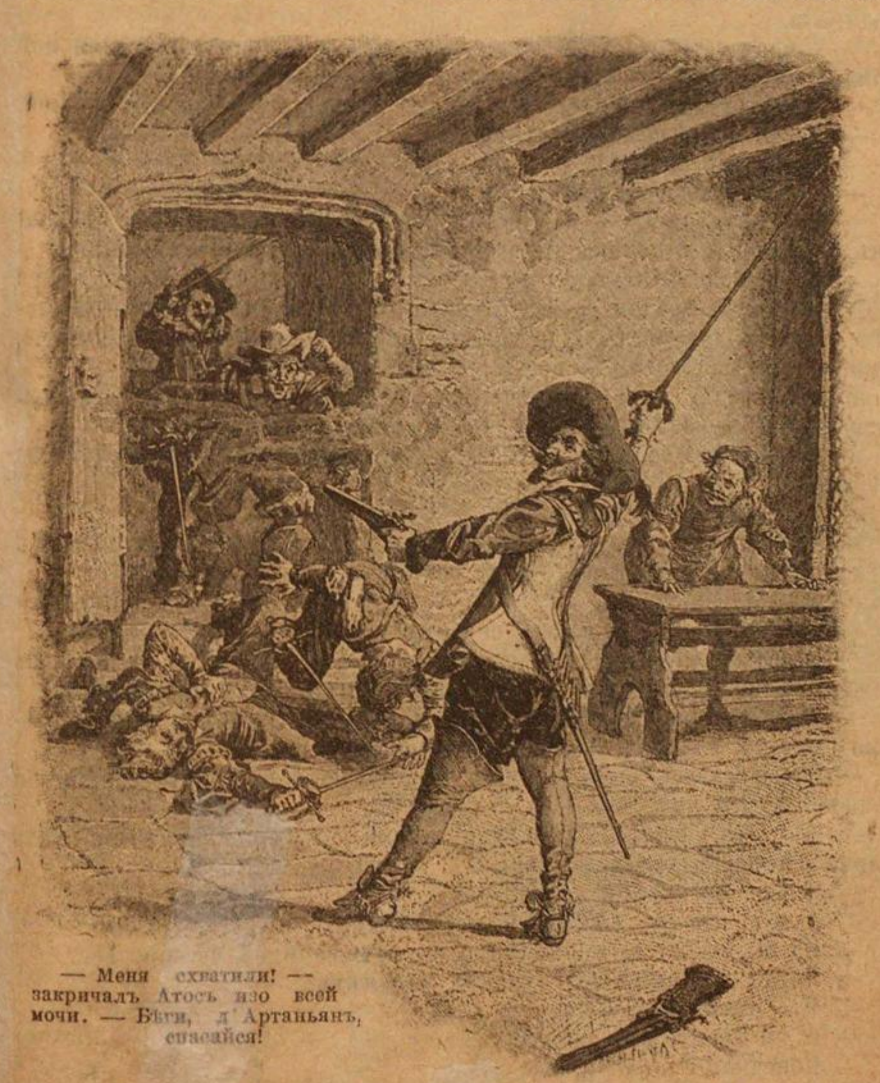
— Храбрый Атосъ, — прошепталъ д'Артаньянъ, — какъ жаль, что намъ приходится покинуть его! Впрочемъ, можетъ-быть, въ двухъ шагахъ отсюда и насъ ожидаетъ то же самое... Впередъ, Планше, впередъ! Ты тоже храбрый малый!

— Я говорилъ вамъ, сударь, — отвѣчалъ Планше, — что пикардійцевъ узнаютъ на дѣлѣ, къ тому же я здѣсь на родинѣ, и это меня возбуждаетъ.

И оба, сильно пришпоривая лошадей, почти безъ передышки пріѣхали въ Сентъ-Омеръ.

Въ Сентъ-Омерѣ они дали передохнуть лошадямъ, не выпуская поводьевъ изъ рукъ, боясь какого-нибудь новаго приключенія; тутъ же

на улицѣ второпяхъ позавтракали и отправились дальше. Въ ста шагахъ отъ порта Кале лошадь д'Артаньяна упала, совершенно обезсиленная, и не было никакой возможности заставить ее подняться: кровь шла у ней изъ носа и глазъ. Оставалась только лошадь Планше, но и та остановилась и ни за что не хотѣла итти дальше. Къ счастью,

— Меня схватили! — закричалъ Атосъ изо всей мочи. — Бѣги, д'Артаньянъ, спасайся!

какъ мы уже сказали, городъ находился всего въ ста шагахъ; они бросили лошадей на дорогѣ, а сами пѣшкомъ побѣжали къ пристани. Впереди, шагахъ въ пятидесяти отъ нихъ, шли какихъ-то два человѣка, спѣшившихъ, какъ и они, повидимому, на пристань. Одинъ изъ нихъ былъ, очевидно, господинъ, другой его слуга. Оба имѣли видъ крайне утомленный и озабоченный. Одежда и въ особенности сапоги ихъ были покрыты слоемъ пыли. Подходя къ пристани, д'Артаньянъ слышалъ,

какъ незнакомецъ спрашивалъ, нельзя ли ему сію же минуту отправиться въ Англію.

— Ничего не можетъ быть легче, — отвѣчалъ хозяинъ одного судна, готоваго натянуть паруса,— но только сегодня утромъ вышелъ указъ: не пропускать черезъ каналъ никого безъ особаго на то разрѣшенія кардинала.

— У меня есть это разрѣшеніе,—сказалъ дворянинъ, вынимая изъ кармана сложенную вчетверо бумагу, вотъ оно.

— Засвидѣтельствуйте его у губернатора порта и поѣдемте со мной.

— А гдѣ я найду губернатора?

— У него на дачѣ.

— А гдѣ находится эта дача?

— Въ четверти мили отъ города; посмотрите, она видна даже отсюда, вонъ, у подножія этой маленькой горы, красная черепичная крыша.

— Прекрасно. Благодарю васъ.

И, въ сопровожденіи своего слуги, незнакомецъ отправился по дорогѣ къ дачѣ губернатора. Д'Артаньянъ и Планше послѣдовали за ними, держась, однако, на почтительномъ разстояніи.

Но какъ только они очутились за городомъ, д'Артаньянъ ускорилъ шаги и догналъ незнакомца на опушкѣ маленькаго лѣса.

— Милостивый государь,—сказалъ д'Артаньянъ,—вы, кажется, очень спѣшите?

— Какъ нельзя больше.

— Я очень сожалѣю объ этомъ, потому что я тоже очень спѣшу и хотѣлъ просить васъ оказать мнѣ услугу.

— Какую?

— Позволить мнѣ проѣхать первому.

— Невозможно, — сказалъ незнакомецъ, — я сдѣлалъ 60 миль въ 44 часа и мнѣ необходимо завтра въ 12 часовъ быть въ Лондонѣ.

— Я сдѣлалъ то же самое разстояніе въ 40 часовъ и мнѣ необходимо быть въ Лондонѣ завтра въ 10 часовъ утра.

— Очень жалко, милостивый государь, но я пріѣхалъ первымъ и не переѣду вторымъ.

— Мнѣ тоже очень жалко, милостивый государь, но я пріѣхалъ вторымъ и переѣду каналъ первымъ.

— Я ѣду по службѣ короля.

— А я по своимъ собственнымъ дѣламъ.

— Но вы, кажется, непремѣнно желаете со мной поссориться?

— Чортъ возьми! А вы думаете, что нѣтъ?

— Что вамъ надо?

— А вы хотите это знать?

— Конечно.

— Ну, что же! Мнѣ нужно позволеніе на проѣздъ, которое вы имѣете; у меня его нѣтъ, а оно мнѣ необходимо.

— Вы шутите, я полагаю?

— Я никогда не шучу.

— Позвольте мнѣ пройти!

— Вы не пройдете.

— Послушайте, храбрый молодой человѣкъ, я [illegible] вамъ голову. Эй, Любенъ! Мои пистолеты!

— Планше, — сказалъ д'Артаньянъ, — займись слугой, а я расправлюсь съ господиномъ.

Планше, ободренный первой удачей, бросился на Любена и, будучи отъ природы здоровымъ и сильнымъ малымъ, живо повалилъ своего противника на землю и придавилъ ему колѣномъ грудь.

— Справляйтесь со своимъ дѣломъ, сударь, а я ужъ покончилъ со своимъ!

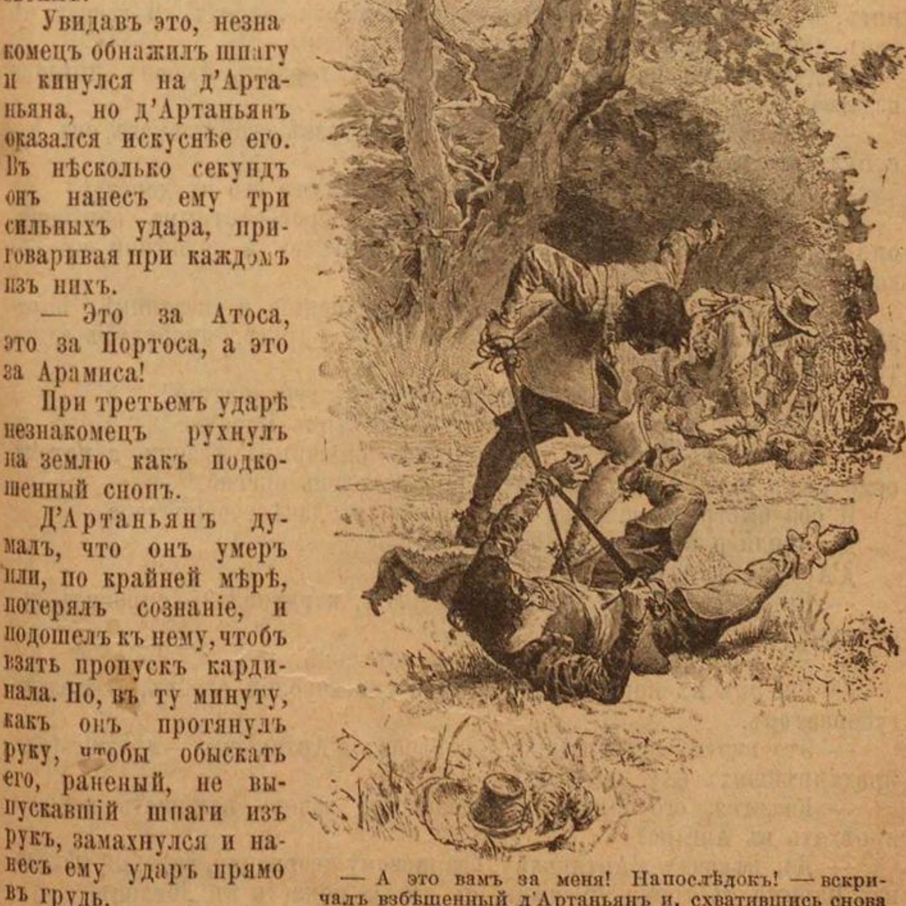
Увидавъ это, незнакомецъ обнажилъ шпагу и кинулся на д'Артаньяна, но д'Артаньянъ оказался искуснѣе его. Въ нѣсколько секундъ онъ нанесъ ему три сильныхъ удара, приговаривая при каждомъ изъ нихъ.

— Это за Атоса, это за Портоса, а это за Арамиса!

При третьемъ ударѣ незнакомецъ рухнулъ на землю какъ подкошенный снопъ.

Д'Артаньянъ думалъ, что онъ умеръ или, по крайней мѣрѣ, потерялъ сознаніе, и подошелъ къ нему, чтобъ взять пропускъ кардинала. Но, въ ту минуту, какъ онъ протянулъ руку, чтобы обыскать его, раненый, не выпускавшій шпаги изъ рукъ, замахнулся и нанесъ ему ударъ прямо въ грудь.

— Вотъ вамъ, — проговорилъ онъ.

— А это вамъ за меня! Напослѣдокъ! — вскричалъ взбѣшенный д'Артаньянъ и, схватившись снова за шпагу, онъ всадилъ ее противнику прямо въ животъ.

— А это вамъ за меня! Напослѣдокъ! — вскричалъ взбѣшенный д'Артаньянъ и, схватившись снова за шпагу, онъ всадилъ ее противнику прямо въ животъ.

На этотъ разъ незнакомецъ закрылъ глаза и лишился чувствъ.

Д'Артаньянъ обшарилъ его карманъ, куда, какъ онъ видѣлъ, была положена бумага съ пропускомъ, и, найдя ее, взялъ себѣ.

Бумага была написана на имя графа Варда. Затѣмъ, взглянувъ въ послѣдній разъ на красиваго молодого человѣка, распростертаго на землѣ безъ чувствъ, а быть-можетъ, уже и мертваго, онъ горько вздохнулъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ странна была судьба, заставлявшая людей уничтожать другъ друга изъ-за какихъ-то выгодъ порою совсѣмъ даже чуждыхъ имъ людей.

Но дикіе вопли Любена, звавшаго къ себѣ на помощь, скоро вывели его изъ задумчивости. Планше изо всѣхъ силъ душилъ свою жертву.

— Сударь, — сказалъ онъ, — пока я держу его, онъ кричать не станетъ, но какъ только я выпущу его, онъ снова заоретъ. Я узналъ въ немъ нормандца, а нормандцы страшно упрямы.

И дѣйствительно, даже со стиснутымъ горломъ Любенъ пытался издавать звуки.

— Подожди, — сказалъ д'Артаньянъ, и, взявъ свой платокъ, онъ засунулъ его ему въ ротъ.

— А теперь, — сказалъ Планше, — привяжемте его къ дереву!

Покончивъ и съ этимъ дѣломъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, они перетащили графа Варда также къ дереву и положили его рядомъ съ слугой.

Наступала ночь. Было очевидно, что раненый и связанный, находившіеся въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга, пробудутъ здѣсь такъ до утра.

— А теперь, — сказалъ д'Артаньянъ, — къ губернатору!

— Но, мнѣ кажется, вы ранены? — замѣтилъ Планше.

— Пустяки! Займемся теперь болѣе спѣшнымъ дѣломъ, а потомъ осмотримъ и рану. Мнѣ кажется, она не очень опасна.

И оба быстрымъ шагомъ направились къ дачѣ губернатора.

Доложили о приходѣ графа Варда.

Д'Артаньяна ввели.

— Вы имѣете пропускъ за подписью г. кардинала? — спросилъ губернаторъ.

— Да — отвѣтилъ д'Артаньянъ, — вотъ онъ.

— Гм! онъ въ порядкѣ и о васъ очень хорошій отзывъ, — сказалъ губернаторъ.

— Это вполнѣ естественно, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, — я одинъ изъ преданнѣйшихъ ему людей.

— Кажется, его высокопреосвященство хочетъ помѣшать кому-то проѣхать въ Англію?

— Да, нѣкоему д'Артаньяну, беарнскому дворянину, который уѣхалъ изъ Парижа съ тремя друзьями, съ цѣлью попасть въ Лондонъ.

— А вы его знаете лично? — спросилъ губернаторъ.

— Кого это?

— Да этого д'Артаньяна?

— Даже очень близко.

— Опишите мнѣ его наружность.

— Извольте.

И д'Артаньянъ, какъ нельзя болѣе точно, описалъ ему наружность графа Варда.

— Его кто-нибудь сопровождаетъ? — спросилъ губернаторъ.

— Да, слуга, по имени Любенъ.

— За ними будутъ слѣдить, и если удастся схватить ихъ, его высокопреосвященство можетъ быть спокоенъ; они будутъ отправлены въ Парижъ подъ надежнымъ конвоемъ.

— И сдѣлавши это, г. губернаторъ, вы окажете кардиналу большую услугу. О, онъ сумѣетъ оцѣнить ее!

— Вернувшись въ Парижъ, вы его увидите, г. графъ?

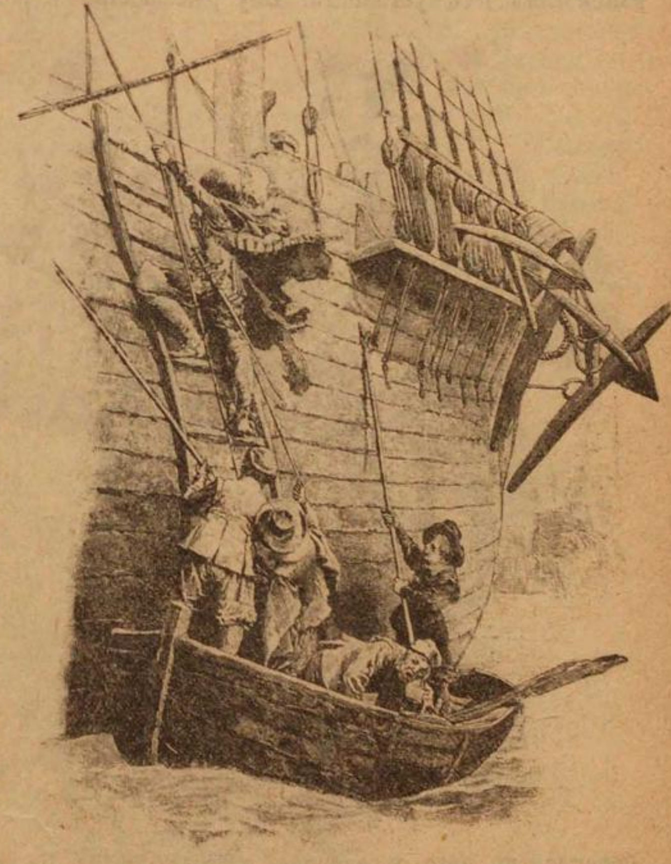
— Разумѣется.

— Пожалуйста, скажите ему, что я его вѣрный слуга.

— Непремѣнно.

И обрадованный этимъ обѣщаніемъ губернаторъ визировалъ паспортъ и передалъ его д'Артаньяну.

Д'Артаньянъ не сталъ терять времени на безполезные комплименты; онъ раскланялся съ губернаторомъ, поблагодарилъ его и отправился въ городъ.

Пять минутъ спустя они были уже на палубѣ судна.

Чтобы миновать маленькій лѣсокъ, они сдѣлали большой крюкъ и вышли въ портъ другой дорогой. Судно все еще стояло, готовое къ отплытію, и капитанъ поджидалъ ихъ на пристани.

— Ну, что же? — спросилъ онъ, увидя д'Артаньяна.

— Вотъ мой визированный пропускъ, — отвѣчалъ тотъ.

— А гдѣ же другой господинъ?

— Онъ не поѣдетъ сегодня, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, — но будьте покойны, я все-таки заплачу за проѣздъ насъ двухъ.

— Въ такомъ случаѣ, ѣдемте, — сказалъ капитанъ.

— Ѣдемте, — повторилъ д'Артаньянъ.

Пять минутъ спустя, они были уже на палубѣ судна. Не успѣли они отъѣхать и полмили отъ берега, какъ послышался оглушительный трескъ. То былъ пушечный выстрѣлъ, возвѣщающій о закрытіи порта. Пора было, наконецъ, заняться и раною. Къ счастью, она не была опасна. Остріе шпаги уперлось въ ребро и скользнуло вдоль кости. Къ тому же, рубашка сразу прилипла къ ранѣ, благодаря чему, д'Артаньянъ потерялъ только нѣсколько капель крови. Но зато онъ изнемогалъ отъ усталости. Ему разложили на палубѣ матрацъ, онъ

— Праведное небо, что я прочелъ!— вскричалъ герцогъ.

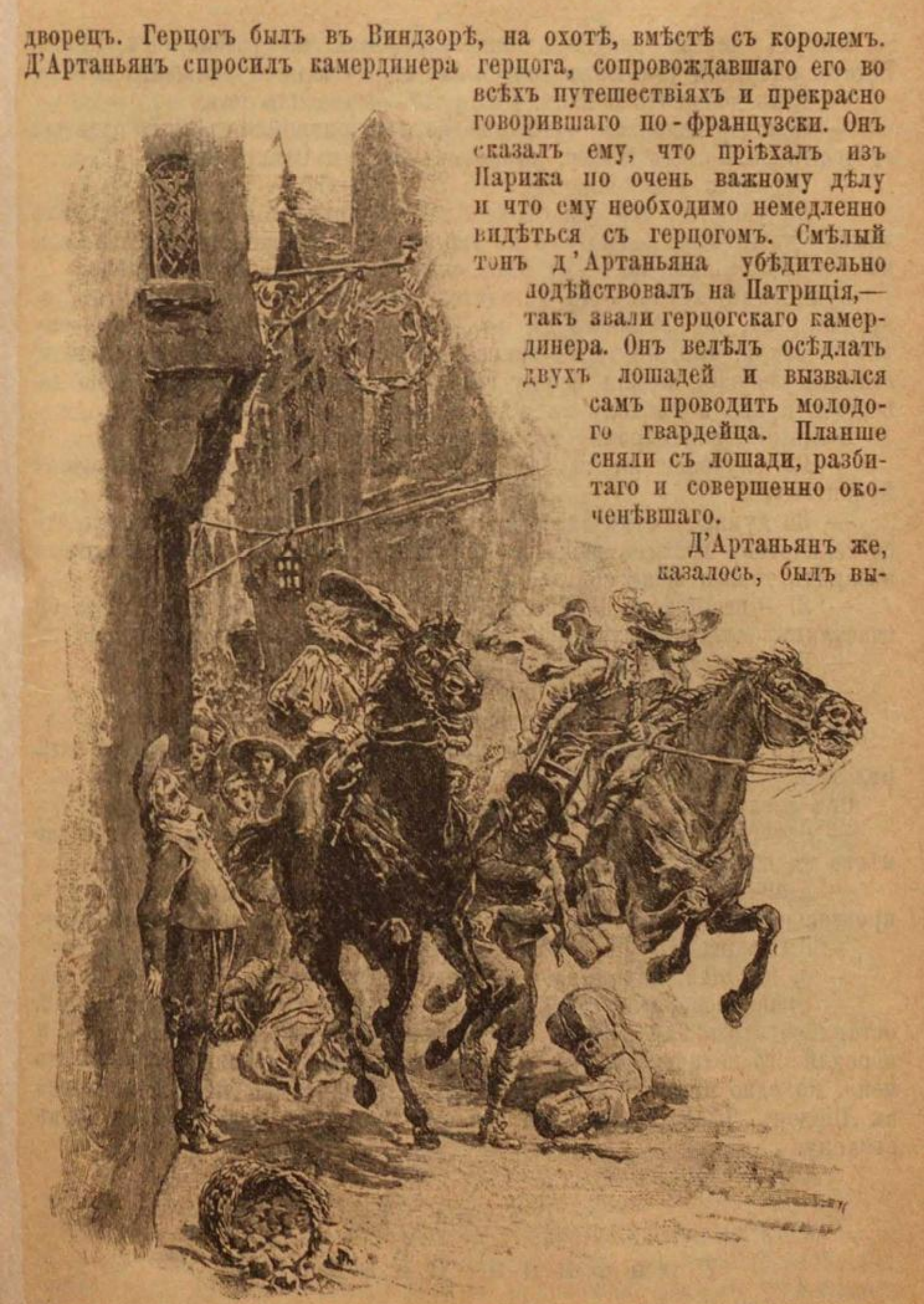
бросился на него и заснулъ какъ убитый. На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, хотя всю ночь дулъ слабый вѣтеръ и судно медленно подвигалось впередъ, онъ былъ уже въ какихъ-нибудь трехъ или четырехъ миляхъ отъ береговъ Англіи.

Въ 10 часовъ судно бросило якорь въ Дуврскомъ портѣ, а въ 10 съ половиной д'Артаньянъ уже выходилъ на берегъ. Но это было еще не все.

Надо было добраться до Лондона. Въ Англіи почтовыя дороги были устроены довольно хорошо. Д'Артаньянъ и Планше взяли каждый лошадкѣ, и почтальонъ поскакалъ впереди нихъ. Въ 4 часа они пріѣхали къ заставѣ столицы. Д'Артаньянъ никогда не бывалъ въ Лондонѣ; мало того, онъ не зналъ ни слова по-англійски, но онъ написалъ на клочкѣ бумаги имя Букингама, и каждый могъ указать ему герцогскій

дворецъ. Герцогъ былъ въ Виндзорѣ, на охотѣ, вмѣстѣ съ королемъ. Д'Артаньянъ спросилъ камердинера герцога, сопровождавшаго его во всѣхъ путешествіяхъ и прекрасно говорившаго по-французски. Онъ сказалъ ему, что пріѣхалъ изъ Парижа по очень важному дѣлу и что ему необходимо немедленно видѣться съ герцогомъ. Смѣлый тонъ д'Артаньяна убѣдительно подѣйствовалъ на Патриція,— такъ звали герцогскаго камердинера. Онъ велѣлъ осѣдлать двухъ лошадей и вызвался самъ проводить молодого гвардейца. Планше сняли съ лошади, разбитаго и совершенно окоченѣвшаго.

Д'Артаньянъ же, казалось, былъ вы-

Букингамъ продолжалъ мчаться попрежнему, нисколько не заботясь о томъ, что лошадь его могла сбить съ ногъ пѣшеходовъ.

литъ изъ желѣза. Пріѣхали въ замокъ. Тамъ имъ сообщили, что король и Букингамъ охотятся на птицъ на болотахъ, въ двухъ или трехъ миляхъ отъ замка.

Минутъ черезъ двадцать они уже были на указанномъ мѣстѣ. Вскорѣ Патрицій услышалъ голосъ своего господина, звавшаго сокола.

— Какъ доложить о васъ, милордъ? — спросилъ онъ.

— Молодой человѣкъ, чуть было не поссорившійся съ нимъ однажды вечеромъ на Новомъ Мосту, напротивъ статуи Самаритянки.

— Странная рекомендація!

— Вы увидите, что она стоитъ всякой другой. Патрицій пустилъ лошадь въ галопъ, подъѣхалъ къ герцогу и передалъ ему въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какъ ему было сказано, что его ждетъ гонецъ.

Букингамъ тотчасъ же догадался, что это былъ д'Артаньянъ, и, предполагая, не случилось ли во Франціи чего новаго, о чемъ ему даютъ знать, онъ, не теряя времени, спросилъ только, гдѣ пріѣхавшій гонецъ; узнавши издали форму гвардейца, онъ пришпорилъ свою лошадь и прямо подъѣхалъ къ д'Артаньяну.

Патрицій, изъ скромности, отъѣхалъ въ сторону.

— Не случилось ли какого несчастія съ королевой? — вскричалъ Букингамъ.

— Не думаю, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, — впрочемъ, мнѣ кажется, что ея величеству грозитъ большая опасность, отъ которой ее можетъ избавить только ваша свѣтлость.

— Я! — вскричалъ Букингамъ. — Но какимъ образомъ? Я былъ бы счастливъ оказать услугу королевѣ. Въ чемъ дѣло? Говорите!

— Потрудитесь взять это письмо.

— Это письмо, отъ кого оно?

— Я полагаю, отъ ея величества.

— Отъ ея величества? — переспросилъ Букингамъ, поблѣднѣвъ какъ полотно.

Онъ взялъ письмо и дрожащими пальцами сломалъ печать.

— Отчего эта дыра? — спросилъ онъ, указывая д'Артаньяну на одно мѣсто въ конвертѣ, насквозь проколотое чѣмъ-то острымъ.

— А-а! — сказалъ д'Артаньянъ, — я этого и не видѣлъ. Это, значитъ, произошло тогда, когда графъ де-Вардъ прокололъ своей шпагой мнѣ грудь.

— Вы ранены? — спросилъ Букингамъ, развертывая письмо.

— О, пустяки, царапина! — сказалъ д'Артаньянъ.

— Праведное небо, что я прочелъ! — вскричалъ герцогъ. — Патрицій, оставайся здѣсь или скорѣе отыщи короля, гдѣ бы онъ ни былъ, и передай его величеству, что я почтительнѣйше умоляю его простить меня, но одно чрезвычайно важное дѣло призываетъ меня немедленно въ Лондонъ. Ѣдемъ, ѣдемъ! — И оба они пустились вскачь по дорогѣ въ столицу.

Глава VI

Графиня Винтеръ.

Всю дорогу герцогъ разспрашивалъ д'Артаньяна не о томъ, что вообще произошло за это время при французскомъ дворѣ, а о томъ, что только ему, т.-е. д'Артаньяну, было извѣстно.

И сопоставляя то, что онъ слышалъ отъ молодого человѣка со своими собственными воспоминаніями, Букингамъ могъ составить себѣ

довольно вѣрное представленіе объ опасности, угрожавшей королевѣ, на что, впрочемъ, указывало и самое письмо Анны Австрійской, какъ не было оно коротко и неясно. Но что его больше всего удивляло, такъ это то̀, что кардиналу, въ высшей степени заинтересованному тѣмъ, чтобъ не допустить этого молодого человѣка пріѣхать въ Англію, не удалось остановить его на дорогѣ. Тогда д'Артаньянъ разсказалъ герцогу о принятыхъ имъ предосторожностяхъ, о преданности своихъ трехъ друзей, о несчастіяхъ, постигшихъ ихъ на пути, и, наконецъ, о томъ, какъ онъ отомстилъ графу Варду за то, что тотъ осмѣлился проколоть своей шпагой письмо королевы. Слушая этотъ разсказъ, переданный съ такой замѣчательной простотой, Букингамъ не могъ удержаться, чтобъ нѣсколько разъ съ удивленіемъ не взглянуть на молодого героя.

Онъ не понималъ, какъ столько предусмотрительности, ловкости, храбрости и, наконецъ, самоотверженія могло заключаться въ лицѣ одного и къ тому же столь юнаго на видъ человѣка.

— Что такое? — съ безпокойствомъ спросилъ д'Артаньянъ. — Что случилось съ вами, милордъ?

Лошади мчались какъ вихрь. Черезъ нѣсколько минутъ они подъѣзжали уже къ воротамъ Лондона. Д'Артаньянъ думалъ, что при въѣздѣ въ городъ герцогъ прекратитъ свою бѣшеную скачку, но на дѣлѣ вышло не такъ: Букингамъ продолжалъ мчаться попрежнему, нисколько не заботясь о томъ, что лошадь его могла сбить съ ногъ пѣшеходовъ. И дѣйствительно, проѣзжая Сити, съ нимъ произошло два или три такихъ случая, но Букингамъ не повернулъ даже головы, чтобы посмотрѣть живы ли тѣ, кого онъ опрокинулъ.

Д'Артаньянъ слѣдовалъ за нимъ среди криковъ, похожихъ на проклятія.

Въѣхавъ во дворъ своего отеля, Букингамъ соскочилъ съ лошади, бросилъ ей поводья на шею и поспѣшилъ на крыльцо. Д'Артаньянъ

сдѣлалъ то же самое, хотя участь благородныхъ животныхъ, достоинства которыхъ онъ уже успѣлъ оцѣнить, и безпокоила его немножко. Но ему пришлось скоро утѣшиться. Изъ кухонь и конюшенъ выскочили нѣсколько лакеевъ и тотчасъ же приняли лошадей на свое попеченіе.

Герцогъ шелъ такъ скоро, что д'Артаньянъ едва поспѣвалъ за нимъ. Они миновали цѣлую анфиладу залъ, убранныхъ съ тѣмъ изяществомъ, о которомъ въ то время даже самые знатные вельможи Франціи не имѣли никакого понятія. Наконецъ, герцогъ привелъ его въ свою спальню. Это было чудо красоты и богатства. Въ глубинѣ этой комнаты, въ альковѣ, находилась дверь, задрапированная ковромъ. Герцогъ отперъ ее маленькимъ золотымъ ключомъ, висѣвшимъ у него на груди, на золотой же цѣпочкѣ. Д'Артаньянъ, изъ скромности, остался позади.

Но какъ разъ въ эту минуту Букингамъ, уже переступившій порогъ завѣтной комнаты, обернулся и, замѣтивъ нерѣшительность молодого человѣка, сказалъ:

— Войдите же, и если на вашу долю выпадетъ счастье быть представленнымъ королевѣ, то разскажите ей о томъ, что вы увидѣли здѣсь.

Ободренный этимъ приглашеніемъ, д'Артаньянъ послѣдовалъ за герцогомъ, который заперъ за нимъ дверь. Тогда оба очутились въ маленькой часовнѣ, сверху до низу затянутой шелковой затканной золотомъ персидской матеріей и ярко освѣщенной множествомъ свѣчей. Надъ возвышеніемъ, въ родѣ алтаря, подъ голубымъ бархатнымъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ бѣлыми и красными перьями, былъ помѣщенъ во весь ростъ портретъ Анны Австрійской, такъ поразительно похожій на нее, что д'Артаньянъ отъ неожиданности вскрикнулъ. Казалось, что королева сейчасъ заговоритъ.

На престолѣ, подъ портретомъ, стояла шкатулка, гдѣ хранились брильянтовыя украшенія. Герцогъ приблизился къ престолу, съ благоговѣніемъ, какъ священникъ передъ Распятіемъ, преклонилъ колѣни и затѣмъ отперъ шкатулку.

— Вотъ, — сказалъ онъ, вынимая оттуда пышный голубой бантъ, весь сверкающій брильянтами, — вотъ эти чудные камни, съ ними я клялся быть похороненнымъ. Королева мнѣ ихъ дала, королева же и беретъ назадъ: да будетъ во всемъ ея воля!

И онъ сталъ цѣловать одно за другимъ эти украшенія, съ которыми ему приходилось теперь разставаться, какъ вдругъ страшный крикъ, крикъ ужаса, вырвался изъ его груди.

— Что такое? — съ безпокойствомъ спросилъ д'Артаньянъ. — Что случилось съ вами, милордъ?

— Все потеряно! — воскликнулъ Букингамъ, блѣдный какъ мертвецъ. — Нехватаетъ двухъ наконечниковъ, ихъ теперь только десять...

— Милордъ потерялъ ихъ, или милордъ думаетъ, что они у него украдены?

— Ихъ украли у меня, — возразилъ герцогъ, — и это дѣло кардинала. Смотрите, видите—ленты, къ которымъ они были прикрѣплены, отрѣзаны ножницами.

— Если бы милордъ могъ догадаться, кто совершилъ это воровство... Можетъ-быть, они еще въ рукахъ у того лица...

— Подождите, подождите! — воскликнулъ герцогъ. — Единственный разъ, когда я надѣвалъ эти брильянты, это—на балъ короля, восемь дней тому назадъ, въ Виндзорѣ. На этомъ балу ко мнѣ подошла графиня Винтеръ. До сихъ поръ я былъ съ ней въ ссорѣ. Это примиреніе было мщеніемъ ревнивой женщины; съ этого дня я ея больше не видѣлъ. Эта женщина—агентъ кардинала.

— Но, Боже мой, онъ значитъ имѣетъ агентовъ по всему свѣту! — вскричалъ д'Артаньянъ.

— О, да, да! — отвѣчалъ Букингамъ, съ бѣшенствомъ стискивая зубы. — Да, это ужасный врагъ. Но, впрочемъ, когда же долженъ состояться этотъ балъ?

— Въ слѣдующій понедѣльникъ.

— Въ слѣдующій понедѣльникъ! Еще пять дней впереди, этого времени для насъ болѣе чѣмъ достаточно. Патрицій! — закричалъ герцогъ, отворяя дверь часовни.—Патрицій!

Вошелъ камердинеръ герцога.

— Позвать моего ювелира и моего секретаря!

Камердинеръ удалился съ быстротой и безмолвіемъ, обличавшими въ немъ привычку слѣпо и безпрекословно повиноваться своему господину.

Секретарь явился раньше ювелира. Это было совершенно понятно: онъ жилъ въ томъ же отелѣ. При его входѣ, Букингамъ сидѣлъ у себя въ спальнѣ за столомъ и писалъ.

— Г. Джаксонъ, — сказалъ онъ, вставая и обращаясь къ секретарю, — вы отправитесь сію же минуту къ лорду канцлеру и передадите ему эту бумагу: я поручаю ему исполнить мои приказанія и, кромѣ того, желаю, чтобъ они были обнародованы сейчасъ же.

— Но, монсеньоръ, если лордъ канцлеръ спроситъ меня о причинахъ, заставившихъ вашу свѣтлость прибѣгнуть къ той необыкновенной мѣрѣ, что же долженъ я отвѣчать?

— Что таковъ мой произволъ, и что я никому не обязанъ отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Можетъ ли онъ передать этотъ отвѣтъ его величеству, — спросилъ, улыбаясь, секретарь, — если вдругъ его величество полюбопытствуетъ узнать, почему ни одинъ корабль не можетъ выйти изъ гавани Великобританіи?

— Вы правы, — отвѣчалъ Букингамъ, — онъ отвѣтитъ въ такомъ случаѣ его величеству, что я рѣшился на войну, и что это одна изъ первыхъ непріязненныхъ мѣръ относительно Франціи.

Секретарь поклонился и вышелъ.

— Итакъ, съ этой стороны все улажено, — сказалъ Букингамъ. — Если брильянты еще не уплыли во Францію, то они явятся туда только послѣ васъ.

— Какимъ же это образомъ?

— Я сейчасъ наложилъ запрещеніе на выходъ изъ гавани всѣхъ судовъ, стоящихъ въ эту минуту въ портахъ его величества, и ни одно изъ нихъ безъ особаго разрѣшенія не можетъ сняться съ якоря.

Д'Артаньянъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на этого человѣка, такъ безцеремонно пользующагося для своихъ любовныхъ дѣлъ возложенной на него королемъ неограниченной властью.

Букингамъ по выраженію лица молодого человѣка угадалъ его мысли и улыбнулся.

— Да,—сказалъ онъ,—да, это потому, что Анна Австрійская моя настоящая королева. По одному ея слову я готовъ измѣнить своему отечеству, своему королю, даже самому Богу! Она просила меня не посылать помощи протестантамъ Ларошелля, и я не послалъ, хотя и обѣщалъ имъ эту помощь. Я не сдержалъ своего слова, но зато исполнилъ ея желаніе. И что же, развѣ я не былъ щедро вознагражденъ за свое послушаніе?! Вѣдь ему я обязанъ этимъ портретомъ!

Д'Артаньянъ только удивлялся на какихъ тонкихъ, невидимыхъ нитяхъ виситъ иногда судьба народа и жизнь столькихъ людей.

Онъ былъ глубоко погруженъ въ свои размышленія, когду въ комнату вошелъ ювелиръ.

Это былъ ирландецъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ мастеровъ своего дѣла, самъ сознававшійся, что, при содѣйствіи герцога Букингама, онъ имѣлъ въ годъ около ста тысячъ ливровъ дохода.

— Г. Орельи,—сказалъ герцогъ, уводя его въ свою часовню,— взгляните на эти брильянтовые наконечники и скажите мнѣ, что стоитъ каждый изъ нихъ?

Ювелиръ бѣглымъ взглядомъ окинулъ изящную отдѣлку дорогихъ украшеній, разсчиталъ въ умѣ цѣну каждаго брильянта и не колеблясь отвѣчалъ:

— Полторы тысячи пистолей каждый, милордъ.

— Сколько дней потребуется, чтобъ приготовить два точно такихъ же наконечника? Вы видите, тутъ недостаетъ двухъ.

— Восемь дней, милордъ.

— Я заплачу по три тысячи пистолей за каждый, но необходимо, чтобы они были готовы къ послѣ-завтрому.

— Хорошо, черезъ два дня милордъ получитъ ихъ.

— Вы драгоцѣнный человѣкъ, г. Орельи! Но это еще не все: я не могу довѣрить никому эти брильянты; необходимо, чтобы они были сдѣланы здѣсь же, во дворцѣ.

— Невозможно, милордъ, я одинъ только могу сдѣлать ихъ такъ, чтобы не было разницы между новыми и старыми.

— Въ такомъ случаѣ, мой дорогой г. Орельи, вы мой плѣнникъ, и если бъ даже вы и захотѣли въ эту минуту выйти изъ моего дворца, то я бы васъ не пустилъ. Покоритесь же своей участи. Скажите мнѣ, кого изъ вашихъ подмастерьевъ прислать вамъ, а также назовите, какіе инструменты они должны вамъ принести.

Ювелиръ зналъ герцога, онъ зналъ, что всякое возраженіе безполезно и потому тотчасъ же покорился.

— Я могу предупредить свою жену?—спросилъ онъ.

— О, вамъ будетъ разрѣшено даже съ ней видѣться, мой дорогой г. Орельи; ваша неволя не будетъ тяжела для васъ, не безпокойтесь; а такъ какъ всякое безпокойство требуетъ вознагражденія, то сверхъ платы, назначенной вамъ за работу, вотъ вамъ еще чекъ на тысячу пистолей. Надѣюсь, что онъ заставитъ васъ позабыть причиняемую вамъ мною скуку.

Д'Артаньянъ не могъ притти въ себя отъ изумленія, видя, какъ Букингамъ свободно распоряжается и деньгами и людьми.

Ювелиръ тѣмъ временемъ написалъ письмо своей женѣ, прося ее прислать во дворецъ лучшаго изъ его подмастерьевъ, ящикъ съ брильянтами, вѣсъ и названіе которыхъ онъ ей подробно означилъ въ письмѣ, и, наконецъ, цѣлый списокъ необходимыхъ ему инструментовъ. Вмѣстѣ съ письмомъ онъ вложилъ въ конвертъ и чекъ на тысячу пистолей.

Букингамъ проводилъ ювелира въ предназначенную ему комнату, превращенную въ какихъ-нибудь полчаса въ настоящую мастерскую. Затѣмъ, у каждой двери этой комнаты онъ поставилъ по часовому, запретивъ имъ впускать туда кого бы то ни было, за исключеніемъ его камердинера Патриція. Безполезно прибавлять, что ювелиру Орельи и его помощнику точно также было воспрещено выходить изъ комнаты подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Покончивъ и съ этимъ дѣломъ, герцогъ вернулся къ д'Артаньяну.

— Теперь, мой юный другъ, — сказалъ онъ, — Англія въ нашихъ съ вами рукахъ. Чего вы хотите, чего желаете?

— Вотъ, — обратился онъ къ нему, — возьмите эти брильянты, передайте ихъ королевѣ.

— Постель, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, — признаюсь, въ настоящую минуту это именно то, что мнѣ всего нужнѣе.

Букингамъ помѣстилъ д'Артаньяна въ сосѣдней съ собой комнатѣ. Онъ хотѣлъ оставить молодого человѣка у себя подъ рукой не потому, что онъ не довѣрялъ ему, а для того, чтобы имѣть возможность постоянно говорить съ нимъ о королевѣ.

Часъ спустя, въ Лондонѣ былъ обнародованъ указъ о воспрещеніи выпускать изъ гаваней во Францію суда, не исключая даже и

почтовыхъ пакетботовъ. Въ глазахъ всѣхъ это было объявленіем войны.

На третій день, въ одиннадцать часовъ, брильянтовые наконечники были окончены. Сходство ихъ съ остальными было такъ велико, что Букингамъ не смогъ отличить старыхъ отъ новыхъ, да и не только онъ, самый опытный знатокъ въ этомъ дѣлѣ и тотъ не нашелъ бы между ними никакой разницы.

Онъ приказалъ сейчасъ же позвать д'Артаньяна.

— Вотъ, — обратился онъ къ нему, — возьмите эти брильянты, передайте ихъ королевѣ и будьте моимъ свидѣтелемъ въ томъ, что я исполнилъ все, что было въ человѣческой власти.

— Будьте покойны, милордъ. Я разскажу все, что видѣлъ; но развѣ ваша свѣтлость передастъ мнѣ брильянты безъ шкатулки?

— Шкатулка васъ только стѣснитъ. Къ тому же она сдѣлалась для меня еще дороже тѣмъ, что одна только и осталась у меня. Вы скажете, что я взялъ ее себѣ на память.

— Я передамъ ваше порученіе слово въ слово, милордъ.

— А теперь, — сказалъ Букингамъ, взглянувъ пристально на молодого человѣка, — какимъ образомъ я расквитаюсь съ вами?

Д'Артаньянъ вспыхнулъ до корней волосъ. Онъ видѣлъ, что герцогъ хочетъ непремѣнно подарить ему что-нибудь, и мысль, что кровь его и его товарищей будетъ куплена цѣной англійскаго золота, возбуждала въ немъ страшное отвращеніе.

— Условимся, милордъ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, — и взвѣсимъ хорошенько всѣ наши поступки впередъ, чтобы не вышло какого недоразумѣнія. Я служу королю и королевѣ Франціи и состою въ гвардейской ротѣ г. Дезессара, человѣка въ высшей степени преданнаго ихъ величествамъ. Итакъ, я все сдѣлалъ для королевы и ничего для вашей свѣтлости, и скажу вамъ болѣе: можетъ-быть даже, я и совсѣмъ бы ничего не сдѣлалъ, если бъ въ это дѣло не была замѣшана одна особа, которой я хочу сдѣлать пріятное, и которая для меня такая же царица, какъ для васъ — королева.

— Вотъ какъ, — сказалъ герцогъ, улыбаясь, — мнѣ кажется, что я знаю эту особу, это...

— Милордъ, — съ живостью перебилъ его молодой человѣкъ, — я еще не называлъ ея имени...

— Это правда, — сказалъ герцогъ, — такъ этой особѣ я обязанъ вашимъ самоотверженіемъ?

— Вы угадали, милордъ. Вѣдь теперь, какъ разъ въ эту минуту, рѣшается вопросъ о войнѣ, и, признаюсь, я вижу въ лицѣ вашей свѣтлости только англичанина, а, слѣдовательно, своего врага. Я былъ бы гораздо болѣе доволенъ встрѣтить васъ на полѣ битвы, чѣмъ въ Виндзорскомъ паркѣ или въ коридорахъ Луврскаго дворца, что, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ мнѣ исполнить въ точности и довести до конца возложенное на меня порученіе и даже, если это потребуется для его исполненія, позволить убить себя. Но, повторяю вашей свѣтлости, что вамъ лично такъ же мало приходится меня благодарить за то, что я сдѣлалъ для себя въ этомъ второмъ нашемъ свиданіи съ вами, какъ за то, что я сдѣлалъ для васъ въ первомъ.

— У насъ говорятъ: „гордъ какъ шодландецъ“,—прошепталъ Букингамъ.

— А у насъ говорятъ: „гордъ какъ гасконецъ“. Гасконцы — это французскіе шотландцы.

Д'Артаньянъ поклонился и хотѣлъ уйти.

— Какъ! вы хотите ужъ уѣхать? Но какой же дорогой и какъ?

— Это правда.

— Чортъ возьми! Французы смѣло рѣшаютъ всякіе вопросы.

— Я забылъ, что Англія—островъ, гдѣ вы король.

— Поѣзжайте въ гавань, спросите бригъ „Jund“ и передайте это письмо капитану; онъ доставитъ васъ въ маленькую гавань, гдѣ, конечно, васъ не ожидаютъ и гдѣ пристаютъ обыкновенно одни только рыболовныя суда.

— Какъ называется эта гавань?

— Сентъ-Валери; но подождите же: пріѣхавши туда, вы отправитесь въ маленькій, плохонькій трактиръ, не имѣющій ни вывѣски ни даже названія, настоящій притонъ матросовъ; ошибиться вы не можете: тамъ только онъ единственный.

— Затѣмъ?

— Вы спросите хозяина и скажете ему „for'ward“.

— Что значитъ?..

— Впередъ: это пароль. Онъ дастъ вамъ лошадь совершенно осѣдланную и укажетъ вамъ дорогу, куда вы должны ѣхать. Во время пути вамъ придется четыре раза мѣнять лошадей. Если желаете, вы можете каждый разъ оставлять хозяину вашъ парижскій адресъ, и всѣ четыре лошади явятся за вами во Францію. Двухъ вы уже знаете и, мнѣ показалось, вы оцѣнили ихъ какъ любитель: это тѣ самыя, на которыхъ мы пріѣхали; ручаюсь вамъ, что и другія двѣ нисколько не хуже ихъ по достоинству. Эти четыре лошади снаряжены по-походному. Какъ бы горды вы ни были, вы не откажетесь принять одну изъ нихъ для себя, остальныхъ же я прошу васъ принять для вашихъ трехъ товарищей; онѣ пригодятся вамъ для войны съ нами. Вѣдь цѣль оправдываетъ средство, какъ говорите вы, французы. Не такъ ли?

Хозяинъ провелъ его въ конюшню, гдѣ стояла совершенно осѣдланная лошадь, и, указавъ на нее д'Артаньяну, спросилъ: «Не нужно ли господину еще что-нибудь?»

— Благодарю васъ, милордъ, я принимаю лошадей, и, если Богу будетъ угодно, мы сдѣлаемъ хорошее употребленіе изъ вашихъ подарковъ.

— Теперь вашу руку, молодой человѣкъ: можетъ-быть, мы скоро встрѣтимся съ вами на полѣ битвы; а пока, надѣюсь, мы разстаемся еще друзьями?

— Да, милордъ, но въ надеждѣ сдѣлаться скоро врагами.

— Будьте покойны, я вамъ это обѣщаю.

— Я полагаюсь на ваше слово, герцогъ.

Д'Артаньянъ поклонился и быстро направился къ гавани.

Онъ нашелъ указанное судно напротивъ лондонской башни и передалъ письмо капитану. Капитанъ, въ свою очередь, отдалъ визировать его губернатору порта и не прошло и десяти минутъ, какъ судно снялось съ якоря.

Пятьдесятъ судовъ стояло готовыми къ отплытію и ждало. Проходя бортъ о бортъ мимо одного изъ нихъ, д'Артаньяну показалось, что среди пассажировъ, находившихся тамъ, онъ узналъ даму изъ Менга, ту самую красавицу, которую незнакомый джентльменъ называлъ „миледи"; но, благодаря быстрому теченію и хорошему попутному вѣтру, его корабль плылъ такъ скоро, что черезъ минуту все скрылось изъ ихъ глазъ. На слѣдующій день, около десяти часовъ утра, они пришли въ гавань Сентъ-Валери. Д'Артаньянъ немедленно отправился въ указанный ему герцогомъ трактиръ: тамъ было людно и шумно. Разговаривали о войнѣ между Англіей и Франціей, какъ о дѣлѣ близкомъ и рѣшенномъ, и матросы на радостяхъ кутили. Д'Артаньянъ пробрался сквозь толпу, подошелъ къ хозяину и сказалъ: for'ward. Хозяинъ тотчасъ же сдѣлалъ ему знакъ слѣдовать за собой, вошелъ съ нимъ въ дверь, ведущую на дворъ, провелъ его въ конюшню, гдѣ стояла совершенно осѣдланная лошадь, и, указавъ на нее д'Артаньяну, спросилъ:

— Не нужно ли господину еще что-нибудь?

— Я не знаю дороги, покажите мнѣ, куда я долженъ ѣхать,—отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Поѣзжайте отсюда въ Блянжи, а изъ Блянжи въ Невшатель. Когда пріѣдете въ Невшатель ступайте въ трактиръ „Золотой бороны", отыщите хозяина и скажите ему тотъ же пароль, что вы сказали мнѣ. Онъ дастъ вамъ точно такую же осѣдланную лошадь.

— Сколько я вамъ долженъ заплатить за это? — спросилъ д'Артаньянъ.

— Все уже заплачено и заплачено щедрой рукой, — отвѣчалъ хозяинъ. — Поѣзжайте же, и Господь да благословитъ васъ!

— Аминь!—сказалъ молодой человѣкъ и пустилъ лошадь въ галопъ.

Черезъ четыре часа онъ былъ въ Невшателѣ. Онъ точно слѣдовалъ даннымъ ему наставленіямъ; въ Невшателѣ и въ Сентъ-Валери его ожидали совсѣмъ готовыя, свѣжія лошади. Онъ хотѣлъ было вынуть пистолеты изъ своего сѣдла и переложить ихъ въ новое, но въ сумкахъ новаго сѣдла оказались точно такіе же другіе пистолеты.

— Вашъ адресъ въ Парижѣ?—спросили его.

— Гвардейскія казармы. Рота Дезэссара.

— Хорошо, — отвѣчали ему.

— По какой дорогѣ мнѣ надо ѣхать?—въ свою очередь, спросилъ д'Артаньянъ.

— По Руанской, но вы оставите городъ вправо. Вы остановитесь въ маленькой деревушѣ Экюи, тамъ есть гостиница: „Щитъ Франціи". Не судите ее по наружности: въ ея конюшняхъ найдется лошадь не хуже этой.

— Этотъ же пароль?

— Тотъ же самый.

— Прощайте, хозяинъ.

— Счастливаго пути, джентльменъ, не нужно ли вамъ еще чего-нибудь?

Д'Артаньянъ отрицательно покачалъ головой и помчался во всю прыть по дорогѣ. Въ Экюи повторилась та же сцена; онъ нашелъ такого же любезнаго хозяина, такую же свѣжую, прекрасную лошадь и его такъ же, какъ и въ предыдущій разъ, заставили оставить свой адресъ. Въ Понтуазѣ онъ въ послѣдній разъ перемѣнилъ себѣ лошадь, а въ 9 ч. вечера нашъ герой уже въѣзжалъ галопомъ въ отель де-Тревилля. Онъ сдѣлалъ въ эти 12 часовъ приблизительно около 60 миль. Де-Тревилль принялъ его такъ, какъ будто они разстались въ этотъ день утромъ. Онъ только горячѣе обыкновеннаго пожалъ ему руку и, между прочимъ, сообщилъ, что рота Дезессара въ караулѣ въ Луврѣ, и что онъ можетъ, если желаетъ, хоть сейчасъ же отправиться на свой постъ.

Глава VII.

Балетъ „Merlaison".

На другой день во всемъ Парижѣ только и было разговору, что о балѣ, даваемомъ городомъ въ честь короля и королевы. На этомъ балу ихъ величества должны были танцовать балетъ „Merlaison", любимый балетъ короля.

И дѣйствительно, уже цѣлыхъ восемь дней въ городской ратушѣ шли приготовленія къ этому торжественному вечеру. Городскіе столяры воздвигли въ главной залѣ трибуны, гдѣ должны были возсѣдать приглашенныя на этотъ вечеръ дамы. Городскіе купцы украсили залу двумястами бѣлыхъ восковыхъ свѣчей, что было неслыханной роскошью для того времени; наконецъ, были приглашены двадцать скрипокъ и имъ предложена была плата вдвое дороже противъ обыкновенной, такъ какъ онѣ должны были играть всю ночь. Въ 10 часовъ утра г. де-ла-Костъ, прапорщикъ королевской гвардіи, въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ и нѣсколькихъ корпусныхъ стрѣлковъ, явился къ г. Клементу, регистратору города, и спросилъ у него ключи отъ всѣхъ дверей, комнатъ и бюро отеля. Эти ключи ему были вручены немедленно; каждый ключъ имѣлъ билетикъ съ надписью той двери, къ которой онъ принадлежалъ. Съ этой минуты на г. де-ла-Коста была возложена охрана всѣхъ дверей въ ратушѣ. Въ 11 часовъ явился Дюалье, капитанъ гвардіи. Онъ привелъ съ собою пятьдесятъ стрѣлковъ, которые тотчасъ же были разставлены у всѣхъ входовъ и выходовъ ратуши. Въ три часа прибыли еще двѣ роты гвардейцевъ: одна французская,

другая швейцарская. Рота французскихъ гвардейцевъ состояла наполовину изъ людей г. Дюалье, наполовину изъ людей г. Дезессара. Въ шесть часовъ вечера начали съѣзжаться гости. По мѣрѣ того, какъ они пріѣзжали, ихъ вводили въ большую залу и размѣщали на приготовленныхъ для нихъ трибунахъ.

Въ 9 часовъ пріѣхала президентша бала. Такъ какъ послѣ королевы она являлась на этомъ балу самымъ

Городскіе старшины вышли встрѣтить короля на лѣстницу.

главнымъ лицомъ, то ее встрѣтили гласные города, и она сѣла въ ложѣ напротивъ той, которая предназначалась для королевы. Въ 10 часовъ въ маленькой залѣ, около церкви св. Іоанна, приготовили угощеніе для ихъ величествъ. Королевскій столъ накрыли прямо противъ серебрянаго городского буфета, охраняемаго четырьмя стрѣлками

Въ полночь послышались громкіе и радостные крики: то народъ привѣтствовалъ своего короля, ѣхавшаго изъ Лувра въ ратушу по улицамъ, ярко освѣщеннымъ разноцвѣтными фонариками. Тотчасъ же городскіе старшины, одѣтые въ свои драповые плащи и предшествуемые шестью сержантами съ факелами въ рукахъ, вышли встрѣтить короля на лѣстницу; городской голова обратился къ высокому гостю съ краснорѣчивымъ привѣтствіемъ. Король отвѣчалъ извиненіемъ, что пріѣхалъ такъ поздно: виноватъ былъ кардиналъ, задержавшій его до одиннадцати часовъ разговоромъ о разныхъ государственныхъ дѣлахъ. Его величество пріѣхалъ въ парадной одеждѣ, вмѣстѣ съ его королевскимъ высочествомъ, своимъ братомъ, графомъ де-Суассономъ, великимъ пріоромъ герцогомъ де-Лонгвилемъ, герцогомъ д'Ельбёфомъ, графомъ д'Аркуромъ, графомъ де-ла-Рошъ-Гюйономъ, г. де-Ліанкуромъ, г. де-Барада̀, графомъ де-ла-Крамайлемъ и кавалеромъ де-Сувре. Всѣ замѣтили, что король имѣлъ печальный и озабоченный видъ.

— Королева, скажите мнѣ, пожалуйста, почему вы не надѣли вашихъ брильянтовъ, вѣдь вы знали, что мнѣ будетъ пріятно видѣть ихъ на васъ?

Для короля и его брата были приготовлены особыя комнаты, гдѣ на креслахъ были разложены великолѣпные маскарадные костюмы. Такія же комнаты и такіе же костюмы были приготовлены для королевы и для президентши бала. Кавалеры и дамы свиты ихъ величествъ также должны были быть замаскированы и притомъ, всѣ попарно, въ одинаковыхъ костюмахъ.

Прежде чѣмъ удалиться въ свою комнату, король приказалъ не- медленно доложить себѣ о пріѣздѣ кардинала. Чрезъ полчаса по при- бытіи короля послышались новые восторженные клики народа: на этотъ разъ они давали знать о пріѣздѣ королевы. Старшины поступили такъ же, какъ и въ первый разъ: предшествуемые сержантами, они двинулись навстрѣчу своей коронованной гостьѣ. Королева вошла въ залу: всѣ замѣтили, что такъ же, какъ и король, она имѣла усталый и въ особен- ности грустный видъ. Въ ту минуту, какъ она входила, занавѣсъ ма- ленькой трибуны, остававшейся до сихъ поръ закрытой, отдернулся и показалась блѣдная голова кардинала, одѣтаго въ костюмъ испан- скаго кавалера.

Глаза его устремились на королеву и на губахъ промелькнула злорадная улыбка: на королевѣ не было ея знаменитыхъ брильянтовъ. Она остановилась на нѣкоторое время, принимая привѣтствія город- скихъ старшинъ и отвѣчая на поклоны дамъ. Вдругъ въ одной изъ дверей зала показался король вмѣстѣ съ кардиналомъ. Кардиналъ го- ворилъ ему что-то шепотомъ, а король былъ очень блѣденъ. Король прошелъ сквозь толпу и, безъ маски, съ едва завязанными лентами своего камзола, подошелъ къ королевѣ и взволнованнымъ голосомъ спросилъ:

— Королева, скажите мнѣ пожалуйста, почему вы не надѣли ва- шихъ брильянтовъ, вѣдь вы знали, что мнѣ будетъ пріятно видѣть ихъ на васъ?

Королева оглянулась, сзади нея стоялъ кардиналъ и улыбался са- танинской улыбкой.

— Сиръ, — отвѣчала она такимъ же взволнованнымъ голосомъ, — я не надѣла ихъ потому, что боялась, чтобы среди этой ужасной толпы съ ними не случилось чего-нибудь.

— И вы неправы, королева! Если я вамъ подарилъ эти брильянты, такъ для того, чтобъ вы наряжались въ нихъ. Я вамъ говорю, что вы виноваты! Вы дурно поступили!

И голосъ короля дрожалъ отъ гнѣва. Всѣ смотрѣли на нихъ съ удивленіемъ, не понимая въ чемъ дѣло.

— Сиръ,—сказала королева,—я могу послать за ними въ Лувръ, и желаніе вашего величества будетъ исполнено.

— Пошлите, королева, пошлите какъ можно скорѣе: чрезъ часъ начнется балетъ!

Королева, въ знакъ покорности, сдѣлала глубокій поклонъ и, окру- женная своей свитой, удалилась въ приготовленный для нея кабинетъ.

Король, въ свою очередь, удалился къ себѣ.

На минуту въ залѣ произошло смятеніе. Всѣ легко могли замѣтить, что между королемъ и королевой что-то произошло; но, во-первыхъ, они говорили очень тихо, а, во-вторыхъ, стоящіе возлѣ нихъ, изъ ува- женія къ нимъ, поспѣшили отступить на нѣсколько шаговъ, такъ что въ концѣ-концовъ, никто ничего не слышалъ. Между тѣмъ, музыка громко играла, но гости не обращали на нее никакого вниманія.

Король первый вышелъ изъ своей комнаты. На немъ былъ охотни- чій костюмъ. Братъ короля и другіе вельможи были одѣты такъ же, какъ онъ. Этотъ костюмъ больше всѣхъ шелъ къ королю, и въ немъ онъ, дѣйствительно, казался первымъ джентльменомъ своего королевства.

Кардиналъ подошелъ къ Людовику XIII и подалъ ему шкатулку. Людовикъ XIII открылъ ее и увидѣлъ два брильянтовыхъ наконечника.

— Что это значитъ? — спросилъ онъ кардинала.

Король танцовалъ противъ королевы и, каждый разъ, какъ онъ проходилъ мимо нея, пожиралъ глазами бриліантовые наконечники.

— Ничего особеннаго, — отвѣчалъ послѣдній, — только, если королева надѣнетъ брильянты, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, то потрудитесь сосчитать ихъ, ваше величество, и если ихъ будетъ только десять, то спросите у ея величества, кто могъ у нея похитить эти два?

Король вопросительно взглянулъ на кардинала; но, не успѣлъ онъ обратиться къ нему съ вопросомъ, какъ въ залѣ раздался всеобщій восторженный крикъ. Если король имѣлъ видъ перваго джентльмена въ своемъ королевствѣ, то королева, навѣрное, была самой красивѣйшей женщиной во Франціи. И надо правду сказать, охотничій костюмъ поразительно шелъ къ ней: на ней была фетровая шляпа съ голубыми перьями, бархатный корсажъ жемчужно-матоваго цвѣта, застегнутый брильянтовыми аграфами, и голубая атласная юбка, вся вышитая серебромъ. На лѣвомъ плечѣ ея прикрѣпленные къ пышной голубой кокардѣ, сверкали чудные брильянтовые эксельбанты. При видѣ ихъ, король задрожалъ отъ радости, а кардиналъ отъ злости; между тѣмъ, оба были еще на такомъ далекомъ разстояніи отъ королевы, что не могли сосчитать наконечниковъ; они были надѣты на королевѣ, но дѣло въ томъ, было ли ихъ десять или двѣнадцать? Въ эту минуту скрипки подали знакъ къ началу балета. Король подошелъ къ президентшѣ бала, а его высочество, братъ короля, къ королевѣ. Танцующіе встали въ пары, и балетъ начался. Король танцовалъ противъ королевы и каждый разъ, какъ онъ проходилъ мимо нея, онъ пожиралъ глазами эти брильянтовые наконечники, которыхъ онъ не могъ сосчитать. Холодный потъ покрывалъ лобъ кардинала. Балетъ продолжался цѣлый часъ; было 16 выходовъ. Наконецъ, онъ окончился, и, посреди восторженныхъ аплодисментовъ всей залы, каждый кавалеръ отвелъ свою даму на ея мѣсто.

Одинъ только король воспользовался своей привиллегіей оставить свою даму, не провожая. Онъ поспѣшилъ къ королевѣ.

— Благодарю васъ, королева,—сказалъ онъ,—за то, что вы исполнили мое желаніе, но, мнѣ кажется, что у васъ недостаетъ двухъ наконечниковъ, и я позволяю себѣ возвратить ихъ вамъ.

Съ этими словами онъ подалъ королевѣ ящичекъ съ брильянтами, врученный ему передъ тѣмъ кардиналомъ.

— Какъ, ваше величество!—воскликнула молодая королева, съ неподражаемымъ искусствомъ разыгрывая изъ себя удивленную.—Вы мнѣ дарите еще два, но вѣдь тогда у меня будетъ ихъ 14!

Дѣйствительно, король сосчиталъ, и оказалось, что всѣ двѣнадцать наконечниковъ были на плечѣ у королевы. Король позвалъ кардинала.

— Что́ же это значитъ, господинъ кардиналъ? — спросилъ король строгимъ голосомъ.

— Это значитъ, ваше величество, — отвѣчалъ кардиналъ, — что я хотѣлъ преподнести ея величеству эти брильянты и, не смѣя сдѣлать этого лично, рѣшилъ прибѣгнуть къ маленькой хитрости.

— И я тѣмъ болѣе признательна вашему высокопреосвященству,— отвѣчала Анна Австрійская съ очаровательной улыбкой, показывавшей какъ мало она вѣритъ его геніальной любезности, — что я убѣждена, что эти два брильянтовыхъ наконечника вамъ стоятъ такъ же дорого, какъ стоили всѣ двѣнадцать его величеству.

Затѣмъ, поклонившись королю и кардиналу, королева удалилась въ свои покои, гдѣ она должна была переодѣться.

Вниманіе, посвященное нами въ началѣ этой главы знатнымъ особамъ, присутствовавшимъ на городскомъ балу, отвлекло насъ на минуту

отъ того лица, которому Анна Австрійская обязана была своимъ тріумфомъ, одержаннымъ ею только что надъ кардиналомъ.

Человѣкъ этотъ неизвѣстный, смущенный, затерянный въ тѣсной толпѣ, стоялъ у одной изъ дверей и смотрѣлъ на происходившую сцену, понятную только четыремъ лицамъ: королю, королевѣ, его высокопреосвященству и ему. Королева только что прошла въ свои комнаты, и д'Артаньянъ уже собирался уходить, какъ вдругъ онъ почувствовалъ у себя на плечѣ чье-то легкое прикосновеніе. Обернувшись, онъ увидѣлъ молодую женщину, дѣлавшую ему знакъ слѣдовать за собой. Молодая женщина была въ черной бархатной маскѣ, изображавшей волчью голову, но, несмотря на эту предосторожность, принятую, впрочемъ, скорѣе для другихъ, чѣмъ для него, онъ тотчасъ же узналъ въ таинственной незнакомкѣ свою обыкновенную руководительницу, воздушную и умную г-жу Бонасье.

Наканунѣ они видѣлись только мелькомъ у швейцарца Жермэна, куда д'Артаньянъ вызвалъ ее. Молодая женщина такъ спѣшила сообщить королевѣ чудную новость о счастливомъ возвращеніи своего гонца, что молодые любовники едва успѣли перекинуться парою словъ. Д'Артаньянъ, движимый двойнымъ чувствомъ любопытства и любви, безпрекословно послѣдовалъ за г-жой Бонасье. Пока они шли, и, по мѣрѣ того, какъ коридоры становились все пустыннѣе, д'Артаньяну все сильнѣе и сильнѣе хотѣлось остановить молодую женщину, схватить ее, расцѣловать и полюбоваться ею хотя бы одну минуту; но, быстрая какъ птица, она каждый разъ выскальзывала изъ его рукъ, и лишь только онъ начиналъ говорить, ея маленькій пальчикъ прикасался къ его губамъ. И этотъ повелительный, полный граціи и прелести жестъ, напоминалъ ему, что онъ находится теперь въ рукахъ высшей власти, власти, требующей слѣпого повиновенія и недопускающей ни малѣйшей жалобы. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ поворотовъ и переходовъ, г-жа Бонасье открыла одну дверь и ввела молодого человѣка въ совершенно темную комнату. Тамъ она снова сдѣлала ему знакъ молчать и, отворивъ другую дверь, скрытую въ обояхъ, откуда вдругъ ворвался яркій свѣтъ, быстро исчезла за ней. Д'Артаньянъ съ минуту стоялъ неподвижно, стараясь угадать, гдѣ онъ. Но вдругъ, мягкій лучъ свѣта, проникнувшій къ нему, струя теплаго, ароматнаго воздуха, пахнувшаго на него, мелодичные женскіе голоса,

Д'Артаньянъ понялъ, что то была его награда, онъ бросился на колѣни, схватилъ эту царственную ручку и съ благоговѣніемъ поцѣловалъ ее.

изящный разговоръ и нѣсколько разъ почтительно повторенное слово „ваше величество“, сразу объяснили ему все. Онъ былъ рядомъ съ комнатой королевы. Онъ отошелъ въ тѣнь и сталъ ждать. Королева казалась счастливой и веселой, къ немалому удивленію окружавшихъ ее дамъ, привыкшихъ видѣть свою повелительницу почти всегда озабоченной. Она объясняла свою веселость великолѣпіемъ удавшагося праздника и удовольствіемъ, доставленнымъ ей балетомъ и, такъ какъ придворный этикетъ не позволялъ противорѣчить королевѣ, улыбалась ли она или плакала, то всѣ наперерывъ старались еще болѣе расхваливать любезность городскихъ старшинъ. Хотя д'Артаньянъ совсѣмъ не зналъ королевы, но онъ сразу различилъ ея голосъ, отчасти по легкому иностранному акценту, отчасти по тому повелительному тону, который невольно и совершенно естественно присваиваютъ себѣ въ разговорѣ почти всѣ коронованныя особы. Онъ слышалъ, какъ она то приближалась, то удалялась отъ его двери, и даже два или три раза онъ видѣлъ ея тѣнь, застѣнившую ему свѣтъ. И вдругъ изъ-за пріотворенной двери показалась чудной формы, бѣлая какъ алебастръ женская ручка. Д'Артаньянъ понялъ, что то была его награда, онъ бросился на колѣни, схватилъ эту царственную ручку и съ благоговѣніемъ поцѣловалъ ее. Затѣмъ, ручка скрылась, оставивъ въ его рукахъ какую-то вещицу (онъ догадался, что то былъ перстень), дверь тотчасъ же затворилась, и д'Артаньянъ попрежнему очутился въ полнѣйшей темнотѣ. Онъ надѣлъ кольцо на палецъ и сталъ снова ждать. Очевидно, что не все еще было кончено. Вслѣдъ за наградой за самоотверженность должна была послѣдовать награда за любовь. Къ тому же балетъ кончился, а вечеръ только что начинался; ужинъ былъ назначенъ въ три часа, а на башнѣ св. Іоанна только недавно пробило два и три четверти. Мало-по-малу шумъ голосовъ въ сосѣдней комнатѣ затихъ, королева и ея свита удалилась въ общій залъ. Д'Артаньянъ все стоялъ и ждалъ, и вотъ, наконецъ, дверь распахнулась, и въ комнату стремительно вбѣжала г-жа Бонасье.

— Вы?! Наконецъ-то!—вскричалъ въ восторгѣ д'Артаньянъ.

— Тсс!—прошептала молодая женщина, зажимая ему ротъ рукой.— Молчите и уходите скорѣй туда, откуда пришли!

— Но гдѣ и когда я васъ опять увижу? — съ отчаяніемъ воскликнулъ д'Артаньянъ.

— Вы узнаете это изъ записки, а записку найдете у себя дома, уходите же, уходите скорѣй!

И съ этими словами она отворила дверь и ласковымъ движеніемъ вытолкнула его вонъ изъ комнаты.

Молодой человѣкъ не сопротивлялся, онъ даже не возражалъ ничего, онъ повиновался ей съ покорностью ребенка. Да, дѣйствительно, д'Артаньянъ былъ не на шутку влюбленъ.

Глава VIII.

Свиданіе.

Д'Артаньянъ вернулся къ себѣ домой почти бѣгомъ, и, хотя было уже болѣе трехъ часовъ ночи, и ему пришлось проходить по самымъ

глухимъ и опаснымъ кварталамъ Парижа, съ нимъ не произошло никакихъ несчастій. Извѣстно, что пьяницамъ и влюбленнымъ судьба всегда покровительствуетъ.

Дверь въ его коридорѣ оказалась полуотворенной, онъ поднялся по лѣстницѣ и тихонько, какъ было заранѣе условлено между нимъ и его лакеемъ, сталъ стучаться въ свою квартиру. Планше, вернувшійся изъ ратуши часа два тому назадъ и вѣрный приказанію своего господина, велѣвшаго ему дожидаться его возвращенія, немедленно отперъ ему дверь.

— Приносилъ кто-нибудь мнѣ письмо? — съ живостью спросилъ его д'Артаньянъ.

— Никто не приносилъ письма, сударь, — отвѣчалъ Планше, — но какое-то письмо само явилось.

— Что ты тамъ мелешь, дуракъ!

— Я говорю сущую правду, сударь, извольте выслушать: ключъ отъ вашей квартиры все время лежалъ у меня въ карманѣ, и я его не вынималъ ни разу до вашего прихода, а между тѣмъ, придя домой, я нашелъ въ вашей спальнѣ, на ночномъ столикѣ какое-то письмо.

— Гдѣ же оно?

— Я его оставилъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и нашелъ, сударь. Не видано и не слыхано, чтобъ письма сами являлись къ людямъ. Если бы окно было отворено, или даже чуть-чуть притворено—я ничего не говорю; но нѣтъ, все было крѣпко-на-крѣпко заперто. Берегитесь, сударь, тутъ навѣрное дѣло не чисто.

Не слушая его, молодой человѣкъ бросился къ себѣ въ спальню, отыскалъ письмо и дрожащими руками сталъ распечатывать конвертъ. Письмо было отъ г-жи Бонасье и заключало въ себѣ слѣдующія строки:

„Васъ хотятъ горячо поблагодарить и передать вамъ такую же благодарность отъ другихъ. Будьте сегодня вечеромъ въ 10 час., въ улицѣ Сенъ-Клу, напротивъ павильона, на углу дома д'Эстре.

С. Б.“

Читая это письмо, д'Артаньянъ чувствовалъ, какъ его сердце то билось, то замирало, и ему, какъ и всѣмъ влюбленнымъ, было въ одно и то же время и мучительно, и сладко это новое, еще неизвѣданное имъ чувство любви. Восторгъ опьянялъ его. Вѣдь это было первое, полученное имъ любовное письмо, первое назначенное ему свиданіе!!

— Ну, что же, сударь, — сказалъ Планше, видѣвшій какъ его господинъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, при чтеніи записки, — ну что же, развѣ я не правъ, что тутъ дѣло не ладно?

— Ты ошибаешься, Планше,—отвѣчалъ д'Артаньянъ, — и въ доказательство—вотъ тебѣ экю на водку, выпей за мое здоровье.

— Благодарю васъ, сударь, за деньги. Я постараюсь въ точности исполнить ваше приказаніе; но, тѣмъ не менѣе, я все-таки скажу, что письма, попадающія такимъ образомъ въ запертыя квартиры...

— Падаютъ съ неба, мой другъ, съ неба падаютъ.

— Въ такомъ случаѣ, сударь, вы довольны? — спросилъ Планше.

— Мой дорогой Планше, въ настоящую минуту я счастливѣйшій изъ смертныхъ.

— И я могу воспользоваться вашимъ счастливымъ настроенiемъ, сударь, чтобы итти спать?

— Можешь.

— Да будутъ надъ вами всѣ благословенiя Всевышняго, сударь! Но, тѣмъ не менѣе, это письмо...

И Планше, съ видомъ глубокаго сомнѣнiя качая головой, удалился въ свою коморку. Ничто, даже щедрость д'Артаньяна, не могла, повидимому, разувѣрить его въ существованiи нечистой силы.

Оставшись одинъ, д'Артаньянъ еще разъ прочелъ, потомъ перечелъ свою записку, потомъ разъ двадцать перецѣловалъ эти милыя строки, написанныя рукой его чудной любовницы, и, наконецъ, пошелъ спать, уснулъ, и ему снились золотые сны.

Въ 7 часовъ утра онъ всталъ и позвалъ Планше. Тотъ явился къ нему только по второму зову. На лицѣ бѣднаго малаго еще виднѣлись слѣды вчерашняго безпокойства.

— Планше, — обратился къ нему д'Артаньянъ, — я ухожу сегодня, можетъ-быть, даже на цѣлый день, а потому до 7 часовъ вечера ты свободенъ; но въ 7 часовъ будь дома и приготовь намъ двухъ лошадей.

— Ну, вотъ,—сказалъ Планше,—кажется мы опять собираемся подставлять свою шкурку врагамъ?

— Ты возьмешь свой мушкетъ и пистолеты.

— Ну вотъ, развѣ я не правъ! — вскричалъ Планше. — Я былъ убѣжденъ, что это такъ. Проклятое письмо!

— Да успокойся же, дуракъ. Дѣло идетъ просто-на-просто о прiятной прогулкѣ.

— Знаю я, въ родѣ той, что была въ послѣднiй разъ, когда на насъ градомъ сыпались пули и всюду были разставлены ловушки.

— Въ концѣ концовъ, если вы боитесь, г. Планше, — перебилъ его д'Артаньянъ,—я поѣду безъ васъ. Мнѣ гораздо прiятнѣе путешествовать одному, чѣмъ имѣть товарища-труса.

— Баринъ меня обижаетъ, — отвѣчалъ Планше, — мнѣ кажется, что онъ видѣлъ мою храбрость на дѣлѣ.

— Видѣлъ, но я думалъ, что ты израсходовалъ ее всю въ одинъ разъ.

— Баринъ увидитъ, что, при случаѣ, у меня и еще найдется; только я прошу васъ, сударь, если вы желаете, чтобы ее у меня надолго хватило, то не слишкомъ злоупотребляйте ею.

— Въ состоянiи ли ты потратить небольшое количество твоей драгоцѣнной храбрости сегодня вечеромъ?

— Надѣюсь.

— Ну, такъ я разсчитываю на тебя.

— Въ 7 часовъ вечера я буду готовъ; только мнѣ кажется, сударь, что у васъ въ гвардейскихъ казармахъ стоятъ не двѣ лошади, а всего одна?

— Можетъ-быть, и въ эту минуту тамъ стоитъ только одна, но сегодня вечеромъ ихъ будетъ тамъ четыре.

— Повидимому, прошлый разъ мы ѣздили за ремонтомъ?

— Именно, — отвѣчалъ д'Артаньянъ и, отдавъ Планше послѣднее приказанiе, онъ вышелъ изъ своей квартиры.

У входныхъ дверей стоялъ г. Бонасье.

Д'Артаньянъ хотѣлъ было пройти мимо, не заговаривая съ почтеннымъ торговцемъ, но толстенькій человѣчекъ съ такимъ кроткимъ и благодушнымъ видомъ поклонился ему, что молодой жилецъ принужденъ былъ не только отвѣтить ему на поклонъ, но и вступить съ нимъ въ разговоръ. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не имѣть нѣкоторой снисходительности къ мужу, жена котораго только что назначила вамъ свиданіе?

Д'Артаньянъ подошелъ къ нему съ самымъ любезнымъ видомъ. Разговоръ естественно коснулся недавняго ареста бѣдняги. Г. Бонасье, незнавшій, что молодой человѣкъ слышалъ его разговоръ съ незнакомцемъ Менга, разсказалъ своему постояльцу о преслѣдованіяхъ г. де-Лаффема, этого ужаснаго чудовища, котораго онъ въ продолженіе всего своего разсказа не называлъ иначе, какъ кардинальскимъ палачомъ, и затѣмъ долго распространялся о Бастиліи, о желѣзныхъ запорахъ, калиткахъ, отдушинахъ, рѣшеткахъ и всякихъ инструментахъ жестокой пытки. Д'Артаньянъ слушалъ съ примѣрнымъ вниманіемъ и, когда собесѣдникъ его, наконецъ, кончилъ, онъ сказалъ.

У входныхъ дверей стоялъ г-нъ Бонасье.

— И относительно г-жи Бонасье, узнали ли вы кто ее *похитилъ*? Вѣдь я не забылъ, что, только благодаря этому ужасному случаю, я обязанъ былъ счастьемъ познакомиться съ вами.

— О, — отвѣчалъ г. Бонасье, — къ несчастью я ничего не узналъ! Моя жена клялась мнѣ всѣми святыми, что и она также ничего не знаетъ. Но вы сами-то, — продолжалъ г. Бонасье наидобродушнѣйшимъ тономъ, — съ вами-то что такое случилось за эти дни? Я не видѣлъ ни васъ ни вашихъ друзей, и надо полагать, не на парижскихъ же мостовыхъ запылили вы такъ ваши сапоги? Я видѣлъ, какъ Планше чистилъ ихъ вчера.

— Вы правы, мой дорогой г. Бонасье, я и мои друзья совершили маленькое путешествіе.

— Далеко отсюда?

— О, Боже мой, совсѣмъ нѣтъ, какихъ нибудь 40 лье только; мы ѣздили провожать г. Атоса на Форжесскія воды, гдѣ мои друзья и остались покуда.

— А вы вернулись, не такъ ли? — спросилъ г. Бонасье, придавая своему лицу самое лукавое выраженіе.—Такого красавца, какъ вы, никакая любовница не отпуститъ надолго. Признайтесь, что здѣсь въ Парижѣ васъ ждали съ большимъ нетерпѣніемъ?

— Что же, вы правы, — смѣясь отвѣчалъ молодой человѣкъ, — и я признаюсь вамъ тѣмъ охотнѣе, мой дорогой г. Бонасье, что вижу, что отъ васъ ничего нельзя скрыть. Да, меня ждали и ждали съ большимъ нетерпѣніемъ, ручаюсь вамъ за это.

Легкое облачко на минуту омрачило достойное чело толстенькаго человѣка, но оно было такъ мимолетно, что д'Артаньянъ не замѣтилъ его.

— И мы, конечно, будемъ вознаграждены за наше прилежаніе? — продолжалъ торговецъ съ легкой дрожью въ голосѣ.

— О, кабы вы были такимъ добрымъ предвозвѣстникомъ! — вскричалъ со смѣхомъ д'Артаньянъ.

— Нѣтъ, я говорю это только для того, — отвѣчалъ Бонасье, — чтобъ знать, поздно ли вы вернетесь сегодня.

— Къ чему этотъ вопросъ, мой дорогой хозяинъ? — спросилъ д'Артаньянъ.—Развѣ вы разсчитываете ждать меня?

— Нѣтъ... Но видите ли, послѣ моего ареста и случившагося у меня воровства, я пугаюсь каждый разъ, какъ отворяется моя дверь, въ особенности ночью. Что подѣлаешь? Я человѣкъ не военный!

— Хорошо, въ такомъ случаѣ, не пугайтесь, если я вернусь домой въ часъ, въ два, даже въ три утра; даже если я и совсѣмъ не вернусь, то и тогда не пугайтесь пожалуйста.

На этотъ разъ Бонасье такъ поблѣднѣлъ, что даже и д'Артаньянъ не могъ не замѣтить этого.

— Что съ вами? — спросилъ онъ.

— Ничего, — отвѣчалъ Бонасье, — ничего. Со времени моего несчастія со мной стали дѣлаться обмороки, вотъ и сейчасъ я почувствовалъ какую-то нервную дрожь. Пожалуйста, не обращайте на меня никакого вниманія. Вамъ вѣдь только и заботы теперь, что о вашемъ счастіи.

— Въ такомъ случаѣ, у меня много заботъ, такъ какъ я очень счастливъ.

— Еще не совсѣмъ, подождите, вѣдь вы сказали, что сегодня вечеромъ...

— Ну, такъ что же? Этотъ вечеръ, слава Богу, настанетъ. Можетъ-быть, вы его ждете съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и я? Можетъ-быть, сегодня вечеромъ г-жа Бонасье навѣститъ своего супруга?

— Г-жа Бонасье сегодня вечеромъ не свободна, — важно отвѣчалъ ея мужъ, — она занята въ Луврѣ своей службой.

— Тѣмъ хуже для васъ, мой дорогой хозяинъ, тѣмъ хуже. Когда я счастливъ, я хочу, чтобы и весь свѣтъ былъ счастливъ. Но, какъ видно, это не всегда бываетъ возможно.

И молодой человѣкъ удалился, громко смѣясь своей шуткѣ.

шуткѣ, понятной, какъ онъ думалъ, только ему одному.

— Желаю вамъ веселиться!—крикнулъ ему вслѣдъ Бонасье съ злой ироніей въ голосѣ.

Но д'Артаньянъ былъ уже слишкомъ далеко, чтобы услышать его, да даже, если бы онъ и услышалъ, то, будучи въ такомъ розовомъ настроеніи, онъ, навѣрное, пропустилъ бы мимо ушей этотъ злой, ироническій тонъ своего хозяина.

Онъ отправился прямо въ отель г. де-Тревилля. Его посѣщеніе наканунѣ, если читатель помнитъ, было очень коротко, и онъ не успѣлъ почти ничего объяснить. Онъ нашелъ г. де-Тревилля внѣ себя отъ радости. Король и королева были въ высшей степени любезны съ нимъ на балу. Правда, что кардиналъ зато былъ страшно угрюмъ. Онъ уѣхалъ съ бала въ первомъ часу ночи, подъ предлогомъ нездоровья; что же касается до ихъ величествъ, то они возвратились въ Лувръ только въ 6 часовъ утра.

— Теперь, — сказалъ г. де-Тревилль, понижая голосъ и оглядываясь по сторонамъ, чтобъ убѣдиться, одни ли они,—теперь, поговоримъ о васъ, мой молодой другъ. Очевидно, что ваше благополучное возвращеніе имѣетъ что-то общее съ радостью короля, тріумфомъ королевы и униженіемъ его высокопреосвященства. Вамъ надо остерегаться.

— Чего мнѣ бояться,—отвѣчалъ д'Артаньянъ,—разъ я пользуюсь милостивымъ расположеніемъ ихъ величествъ?

— Всего, вѣрьте мнѣ. Кардиналъ не такой человѣкъ, чтобы забыть подобную мистификацію, не расквитавшись за нее съ самимъ мистификаторомъ, а мистификаторъ былъ, какъ мнѣ кажется, нѣкій знакомый мнѣ гасконецъ.

— Вы думаете, что кардиналу такъ же все хорошо извѣстно, какъ вамъ, и что онъ знаетъ о моей поѣздкѣ въ Лондонъ?

— Чортъ возьми! Вы были въ Лондонѣ? Такъ, значитъ, вы изъ Лондона привезли этотъ чудный брильянтъ, что такъ горитъ у васъ на пальцѣ? Берегитесь, мой милый д'Артаньянъ, подарокъ отъ врага вещь недобрая; нѣтъ ли на это даже одного извѣстнаго латинскаго изрѣченія?.. Подождите, какъ его...

— Да, навѣрное есть, — отвѣчалъ д'Артаньянъ. Онъ никогда не могъ вбить себѣ въ голову ни одного стиха и своимъ абсолютнымъ незнаніемъ поэзіи приводилъ всегда въ отчаяніе своего наставника. — Да, конечно, какое нибудь изрѣченіе да существуетъ.

— Навѣрное существуетъ,—сказалъ де-Тревилль, болѣе его знакомый съ литературой.—Г. де-Бенсерадъ говорилъ мнѣ когда-то... Постойте-ка... А! да вотъ оно, нашелъ.

...Timeo Danaos el dona ferentes.

Что значитъ: „не довѣряйся врагу, дѣлающему тебѣ подарокъ".

— Этотъ брильянтъ мнѣ подарилъ вовсе не врагъ, капитанъ,—возразилъ д'Артаньянъ,—его подарила мнѣ королева.

— Королева?! О! о!—сказалъ де-Тревилль.—Дѣйствительно, это настоящая королевская драгоцѣнность, она стоитъ никакъ не меньше тысячи пистолей. Черезъ кого же передала вамъ королева этотъ подарокъ?

— Она отдала мнѣ его сама.

— Гдѣ?

— Въ комнатѣ, рядомъ съ той, гдѣ она переодѣвалась.

— Какимъ образомъ?

— Она дала мнѣ поцѣловать свою руку.

— Вы поцѣловали руку у королевы! — вскричалъ удивленный де-Тревилль.

— Да, ея величество удостоила меня этой милости.

— Какъ, при свидѣтеляхъ?! Неосторожная, трижды неосторожная!

— Нѣтъ, капитанъ, успокойтесь, никто ничего не видѣлъ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ. И онъ разсказалъ де-Тревиллю, какъ все произошло.

— О! женщины, женщины! — воскликнулъ старый солдатъ. — Я узнаю васъ по вашей пылкой и романической фантазіи; все таинственное васъ прельщаетъ. Итакъ, вы видѣли одну руку и только всего; вы встрѣтите королеву и можете не узнать ее; она можетъ васъ встрѣтить и не узнаетъ, кто вы?

— Нѣтъ, но благодаря этому брильянту... — возразилъ молодой человѣкъ.

— Послушайте, — сказалъ г. де-Тревилль, — хотите, чтобъ я далъ вамъ совѣтъ, добрый совѣтъ, совѣтъ друга?

— Вы окажете мнѣ этимъ большую честь, капитанъ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Если такъ, то пойдите къ первому попавшемуся ювелиру и продайте ему этотъ брильянтъ за ту цѣну, которую онъ вамъ дастъ; какой бы жидъ онъ не былъ, восемьсотъ пистолей вамъ всегда пригодятся. Пистоли вѣдь не имѣютъ имени, молодой человѣкъ, а этотъ перстень заключаетъ въ себѣ ужасную тайну и можетъ погубить того, кто его носитъ.

— Продать это кольцо! Кольцо, подаренное мнѣ самой государыней! Никогда! — воскликнулъ д'Артаньянъ.

— Такъ поверните же его хоть камнемъ внутрь, сумасшедшій человѣкъ! Вѣдь всѣмъ извѣстно, что гасконскому мальчику не найти такой драгоцѣнности въ ларчикѣ своей матушки.

— Такъ вы думаете, что мнѣ есть чего опасаться? — спросилъ д'Артаньянъ.

— То-есть я скажу вамъ, молодой человѣкъ, что тотъ, кто засыпаетъ на минѣ съ зажженнымъ фитилемъ, долженъ считать себя внѣ опасности, въ сравненіи съ вами.

— Чортъ возьми! — вскричалъ д'Артаньянъ, начинавшій не на шутку безпокоиться. — Чортъ возьми! Что же мнѣ дѣлать?

— Быть прежде всего постоянно насторожѣ. У кардинала память хорошая, а руки длинныя. Повѣрьте мнѣ, онъ непремѣнно сыграетъ съ вами какую-нибудь штуку.

— Но какую же?

— А почемъ же я знаю, какую! Онъ хитеръ какъ діаволъ. Самое меньшее, что съ вами можетъ случиться, это то, что васъ арестуютъ.

— Какъ! Неужели посмѣютъ арестовать человѣка, состоящаго на службѣ его величества?

— Чортъ возьми! Не поцеремонились же съ Атосомъ! Во всякомъ случаѣ, молодой человѣкъ, вѣрьте мнѣ, человѣку, прожившему при дворѣ болѣе тридцати лѣтъ; не будьте безпечны, полагаясь на вашу неприкосновенность, иначе, вы погибли бы. Скорѣе, напротивъ, совѣтую вамъ, ищите всюду враговъ. Если кто затѣетъ съ вами ссору,

будь то хоть 10-лѣтній ребенокъ, старайтесь избѣгнуть ее; если на васъ нападутъ ночью или днемъ, отступайте безъ стыда: если вы переходите черезъ мостъ, щупайте доски, чтобы которыя изъ нихъ не подломились у васъ подъ ногами; если вы идете мимо строющагося дома, смотрите вверхъ, чтобы какой камень не слетѣлъ вамъ на голову; если вамъ придется возвращаться поздно домой, берите съ собой слугу и притомъ такого, въ преданности котораго вы вполнѣ увѣрены, и чтобы этотъ слуга былъ непремѣнно вооруженъ. Остерегайтесь всѣхъ людей въ мірѣ, вашего друга, вашего брата, вашей любовницы, въ особенности вашей любовницы!

Д'Артаньянъ покраснѣлъ.

— Моей любовницы, — машинально повторилъ онъ. — Но почему же ея больше, чѣмъ другихъ?

— Продать это кольцо! Кольцо, подаренное мнѣ самой государыней! Никогда! — воскликнулъ д'Артаньянъ.

— Потому что любовница, это одно изъ самыхъ любимыхъ и дѣйствительныхъ средствъ кардинала: женщина продастъ васъ за десять пистолей. Помните вы Далилу? Знаете вы святое писаніе, а?

Д'Артаньянъ вспомнилъ о свиданіи, назначенномъ ему въ тотъ самый вечеръ г-жей Бонасье, но мы должны сказать въ похвалу нашему герою, что дурное мнѣніе, высказанное г. де-Тревиллемъ о женщинахъ, не внушило ему ни малѣйшаго подозрѣнія относительно его хорошенькой хозяйки.

— Кстати, — спросилъ де-Тревилль, — что сдѣлалось съ вашими друзьями?

— Я только что хотѣлъ спросить у васъ, не имѣете ли вы какихъ-нибудь извѣстій о нихъ?

— Ровно никакихъ

— Я оставилъ ихъ по дорогѣ: Портоса въ Шантильи—его вызвали на дуэль; Арамиса въ Кревкерѣ съ пулей въ плечѣ, а Атоса въ Амьенѣ, гдѣ его задержали, какъ фальшиваго монетчика.

— Вотъ видите! — сказалъ де-Тревилль. — А какъ же вамъ-то удалось ускользнуть?

— Чудомъ, капитанъ, долженъ сознаться; на пути въ Кале я встрѣтился съ однимъ господиномъ, мы немного съ нимъ поспорили, онъ довольно-таки сильно ударилъ меня шпагой въ грудь, а я его за это пригвоздилъ къ дорогѣ, какъ бабочку къ стѣнѣ. Его звали графъ де-Вардъ.

— Этого еще недоставало! Де-Вардъ, человѣкъ преданный кардиналу, двоюродный братъ Рошфора! Слушайте, милый другъ, мнѣ пришла въ голову мысль.

— Скажите, капитанъ.

— На вашемъ мѣстѣ я бы поступилъ иначе.

— А именно?

— Въ то время, какъ его высокопреосвященство сталъ бы меня искать въ Парижѣ, я тихонько выѣхалъ бы изъ города, повернулъ бы по дорогѣ въ Пикардію и поѣхалъ бы узнать, что сталось съ тремя моими товарищами. Мнѣ кажется, они вполнѣ заслуживаютъ съ вашей стороны этого вниманія.

— Совѣтъ хорошъ, капитанъ, и я непремѣнно воспользуюсь имъ завтра.

— Завтра? А почему же не сегодня вечеромъ?

— Сегодня, капитанъ, меня удерживаетъ въ Парижѣ одно очень важное дѣло.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! Какая-нибудь любовная интрижка! Берегитесь, повторяю вамъ: женщина погубила насъ всѣхъ безъ исключенія, она же и снова погубитъ насъ всѣхъ. Послѣдуйте моему совѣту, уѣзжайте сегодня вечеромъ.

— Невозможно, капитанъ.

— Значитъ, вы дали слово?

— Да, капитанъ.

— Тогда другое дѣло; но обѣщайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, что если васъ не убьютъ сегодня ночью, то завтра вы уѣдете.

— Обѣщаю.

— Не надо ли вамъ денегъ?

— У меня еще есть пятьдесятъ пистолей. Думаю, что мнѣ этого хватитъ.

— А вашимъ товарищамъ?

— Мнѣ кажется, что и имъ хватитъ. Вѣдь когда мы выѣхали изъ Парижа, то у каждаго изъ насъ было по семидесяти пяти пистолей.

— Я васъ еще увижу передъ отъѣздомъ?

— Не думаю, капитанъ. Развѣ случится еще что-нибудь новое.

— Въ такомъ случаѣ, добраго пути.

— Благодарю, капитанъ.

Д'Артаньянъ простился съ де-Тревиллемъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь тронутый его отеческой заботой о мушкетерахъ. Онъ зашелъ по-очереди къ Атосу, Портосу и Арамису; ни одинъ изъ нихъ еще не возвращался. Слугъ ихъ тоже не было, и онъ не могъ собрать никакихъ свѣдѣній ни о тѣхъ ни о другихъ. Ему было бы легко спра-

виться о нихъ у ихъ любовницъ, но, къ несчастью, онъ не зналъ, кто были дамы сердца Портоса и Арамиса, что же касается до Атоса, такъ у того и совсѣмъ ея не было.

Проходя мимо гвардейскихъ казармъ, д'Артаньянъ заглянулъ въ конюшню: изъ четырехъ три лошади ужъ были тамъ. Планше чистилъ одну изъ нихъ скребницей, другія двѣ стояли уже вычищенныя.

— Ахъ, баринъ, — сказалъ онъ, увидя д'Артаньяна, — какъ я радъ васъ видѣть!

— Почему же это? — спросилъ молодой человѣкъ.

— Довѣряете ли, вы, баринъ, нашему хозяину Бонасье?

— Я? Нисколько!

— Ахъ! Какъ вы это хорошо дѣлаете. баринъ.

— Но почему ты меня спрашиваешь объ этомъ?

— А потому, что въ то время, какъ вы говорили съ нимъ, я слѣдилъ за вами. Не думайте, что я хотѣлъ подслушивать васъ, баринъ, вовсе нѣтъ, только я замѣтилъ, какъ онъ два или три раза измѣнился въ лицѣ.

— И ты заключилъ изъ этого?

— Что нашъ хозяинъ измѣнникъ.

— Право?

— Тѣмъ болѣе, что какъ только вы, сударь, оставили его и скрылись за угломъ улицы, нашъ торговецъ тотчасъ же взялъ шляпу, заперъ дверь и бѣгомъ пустился въ совершенно противоположную строну.

Планше чистилъ одну изъ нихъ скребницей, другія двѣ стояли уже вычищенныя.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты правъ, Планше, все это кажется мнѣ очень подозрительнымъ, и, будь покоенъ, мы не заплатимъ ему за квартиру до тѣхъ поръ, пока это дѣло не выяснится.

— Вы шутите, баринъ, но вотъ увидите.

— Что дѣлать, Планше, — чему быть, того не миновать.

— Такъ, значитъ, баринъ не отказывается отъ вечерней прогулки?

— Напротивъ, Планше. Чѣмъ больше я буду сердиться на Бонасье, тѣмъ скорѣе я пойду на свиданіе, назначенное мнѣ сегодня таинственнымъ письмомъ.

— Въ такомъ случаѣ, если это окончательное ваше рѣшеніе...

— Непоколебимое, другъ мой; итакъ, въ девять часовъ будь готовъ и жди меня здѣсь, въ казармахъ, я приду за тобой.

Планше, убѣдившись, что нѣтъ никакой надежды заставить своего барина отказаться отъ его намѣренія, глубоко вздохнулъ и принялся за чистку третьей лошади.

Что же касается д'Артаньяна, то онъ, будучи, въ сущности, юношей благоразумнымъ, вмѣсто того, чтобы вернуться къ себѣ домой, отправился обѣдать къ тому самому гасконскому священнику, который въ минуту полнаго безденежья четырехъ товарищей угостилъ ихъ за завтракомъ шоколадомъ.

Глава IX.

Павильонъ.

Въ девять часовъ д'Артаньянъ былъ уже въ гвардейскихъ казармахъ. Планше ожидалъ его въ полномъ вооруженіи: съ мушкетомъ въ рукахъ и съ пистолетомъ за поясомъ. Въ конюшнѣ, рядомъ съ тремя прежними скакунами, стоялъ теперь и четвертый, такой же прекрасный, какъ и его товарищи, конь. Д'Артаньянъ надѣлъ шпагу, засунулъ за поясъ пару пистолетовъ, сѣлъ на одну изъ лошадей и, приказавъ Планше слѣдовать за собой, тихо, безъ шума выѣхалъ изъ казармъ. Ночь была тёмная, и никто не видѣлъ, какъ они уѣхали. Миновавъ набережныя, они проѣхали черезъ ворота „Конференціи“ и выѣхали на дорогу, ведущую въ Сентъ-Клу.

Въ то время эта дорога была несравненно живописнѣе, чѣмъ теперь. Пока они ѣхали городомъ, Планше слѣдовалъ за своимъ господиномъ, держась отъ него на почтительномъ разстояніи, но какъ только городъ кончился, онъ незамѣтно сократилъ это разстояніе и, чѣмъ дорога становилась пустыннѣе и темнѣе, тѣмъ онъ ближе придвигался къ д'Артаньяну и, наконецъ, когда они поровнялись съ Булонскимъ лѣсомъ, онъ былъ уже рядомъ съ нимъ. И дѣйствительно, надо сознаться, что все въ этомъ темномъ лѣсѣ, и глухой шелестъ листвы, и гигантскія тѣни деревьевъ, таинственно освѣщенныхъ луннымъ свѣтомъ—все пугало его.

Д'Артаньянъ не могъ не замѣтить, что съ его слугой происходило что-то необыкновенное.

— Эге! Г. Планше, — спросилъ онъ, — что это съ нами?

— Не находите ли вы, сударь, что лѣса имѣютъ большое сходство съ храмами?

— Почему это?

— Да потому, что и тамъ, и тутъ нельзя говорить громко.

— Но почему же въ лѣсу нельзя говорить громко? Развѣ ты трусишь?

— Да, сударь, я боюсь, что насъ могутъ услышать.

— Боишься, что насъ могутъ услышать? Но въ нашемъ разговорѣ нѣтъ ничего предосудительнаго и безнравственнаго, мой дорогой Планше, никто не можетъ насъ въ чемъ-либо упрекнуть!

— Ахъ, сударь! — сказалъ Планше, возвращаясь къ болѣе всего занимающей его мысли. — Сколько у этого Бонасье чего-то скрытнаго въ бровяхъ и непріятнаго въ движеніи губъ.

— И на какой чортъ ты думаешь объ этомъ Бонасье!

— Думаютъ, сударь, о томъ, о чемъ думается, а не о томъ, о чемъ хочется думать.

— Это потому, что ты трусъ, Планше.

— Не смѣшивайте сударь осторожность съ трусостью; осторожность—добродѣтель.

— А ты, небось, добродѣтеленъ, Планше? Не такъ ли?

— Смотрите, сударь, не дуло ли это мушкета блеститъ тамъ? Не нагнуть ли намъ головы?

— Въ самомъ дѣлѣ, — прошепталъ д'Артаньянъ, невольно вспомнивъ о наставленіяхъ де-Тревилля; — эта скотина кончитъ тѣмъ, что напугаетъ и меня. И онъ пустилъ лошадь крупной рысью.

Планше, какъ тѣнь, ни на шагъ не отставалъ отъ него.

— Развѣ мы будемъ такъ ѣхать цѣлую ночь, сударь? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Планше, ты уже пріѣхалъ.

— Какъ я пріѣхалъ? А вы, сударь?

— Я? Я пройду еще нѣсколько шаговъ впередъ.

— И вы, сударь, оставляете меня одного?

— А ты боишься Планше?

— Нѣтъ, но я осмѣлюсь вамъ только замѣтить, сударь, что ночь будетъ очень холодная, и что въ такой холодъ можно легко схватить ревматизмъ, а слуга, страдающій ревматизмомъ, очень плохой слуга, въ особенности, для такого живого и веселаго барина, какъ вы.

— Ну что же, если тебѣ холодно, Планше, поди погрѣться, вонъ въ одинъ изъ тѣхъ кабаковъ, что такъ привѣтливо тамъ свѣтятся невдалекѣ, а завтра, въ шесть часовъ утра, будь готовъ и жди меня тамъ у дверей.

— Сударь, у меня нѣтъ ни единаго завалявшагося су въ карманѣ; на то экю, что вы мнѣ дали сегодня, я и поѣлъ, и попилъ; мнѣ ненаачто будетъ погрѣться.

— Вотъ тебѣ полъ-пистоля до завтра.

Д'Артаньянъ соскочилъ съ лошади, бросилъ поводья на руки Планше и, плотно завернувшись въ свой плащъ, быстро удалился.

— Боже мой, какъ мнѣ холодно! — воскликнулъ Планше едва только баринъ его исчезъ изъ виду. — Пойти развѣ погрѣться скорѣе? И онъ со всѣхъ ногъ бросился бѣжать къ маленькому домику, украшенному всѣми атрибутами городского кабака. Между тѣмъ, д'Артаньянъ, выбравъ самый кратчайшій путь по небольшой проселочной дорогѣ, дошелъ уже и до Сентъ-Клу. Но, вмѣсто того, чтобы выйти на большую дорогу, онъ обошелъ замокъ и вышелъ въ маленькій, узкій переулокъ, какъ разъ противъ павильона, указаннаго ему въ запискѣ г-жей Бонасье. Мѣсто было самое пустынное. Съ одной стороны переулка возвышалась громадная стѣна, къ углу которой и примыкалъ павильонъ, съ другой — тянулась изгородь, защищавшая отъ прохожихъ маленькій садикъ, а въ глубинѣ его жалкую, полуразвалившуюся хижину. Это и было назначенное ему мѣсто свиданія, но такъ какъ въ запискѣ не

упоминалось о томъ, чтобъ онъ далъ знать о своемъ тамъ присутствіи какимъ-нибудь сигналомъ, то онъ сталъ просто-на-просто ждать.

Повсюду царила мертвая тишина. Можно было подумать, что находишься въ ста лье отъ столицы. Д'Артаньянъ прислонился къ изгороди и осмотрѣлся кругомъ. Тамъ, за этимъ заборомъ, садикомъ и хижиной, окутанный густыми складками тумана спалъ Парижъ. Казалось, это была какая-то необъятная бездна, гдѣ какъ адскіе огни блестели изрѣдка свѣтлыя точки. Но для нашего молодого героя всѣ предметы являлись теперь въ розовомъ свѣтѣ, всякая мысль улыбалась, всякая темнота представлялась прозрачной. Наступалъ часъ свиданія.

Глазамъ его представилось ужасное зрѣлище, заставившее задрожать его съ ногъ до головы.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ на башнѣ Сентъ-Клу пробило десять часовъ. Было что-то мрачное въ медленныхъ и громкихъ звукахъ этого бронзоваго колокола, какъ бы рыдающаго среди безмолвія ночи.

Но каждый изъ этихъ ударовъ, составляющихъ частицу ожидаемаго часа, слаще всякой музыки отдавался въ сердцѣ влюбленнаго д'Артаньяна. Глаза его были устремлены на маленькій павильонъ, гдѣ всѣ окна, исключая одного въ первомъ этажѣ, были затворены ставнями.

Черезъ это окно проникалъ мягкій свѣтъ, серебрившій дрожащіе листья нѣсколькихъ липъ, растущихъ небольшой группой внѣ парка. Конечно, за этимъ окошечкомъ, такъ привѣтливо освѣщеннымъ, его ждала хорошенькая г-жа Бонасье!

И убаюканный этой сладкой мечтой д'Артаньянъ продолжалъ терпѣливо ждать. Такъ прошло еще полчаса. Глаза его попрежнему были устремлены на прелестное маленькое жилище, и хотя съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, ему видна была только часть потолка съ позолоченной рѣзной отдѣлкой, но въ воображеніи его ярко рисовалась и вся остальная обстановка комнаты, которая, судя по потолку, должна была быть также изящна. Часы на башнѣ Сентъ-Клу пробили половину одиннадцатаго.

На этотъ разъ какая-то невольная дрожь пробѣжала по жиламъ д'Артаньяна. Можетъ-быть, причиной тому былъ ночной холодъ. и чисто физическое ощущеніе онъ принялъ за нравственное впечатлѣніе?

Можетъ-быть, онъ ошибся, читая записку г-жи Бонасье, и ему назначили свиданіе не въ десять, а въ одиннадцать часовъ?

Онъ подошелъ къ павильону, всталъ тамъ, куда падалъ свѣтъ изъ окна, вынулъ письмо изъ кармана и перечелъ его. Нѣтъ, онъ не ошибся, свиданіе было назначено именно въ десять часовъ.

Онъ вернулся на свое прежнее мѣсто; его начинала уже безпокоить и окружающая тишина и собственное одиночество.

Пробило одиннадцать часовъ.

Д'Артаньянъ сталъ серьезно опасаться, не случилось ли чего съ г-жей Бонасье.

Онъ три раза ударилъ въ ладоши — обыкновенный сигналъ влюбленныхъ, но никто, даже эхо не отвѣтило ему.

Тогда ему пришла въ голову обидная мысль: ужъ не заснула ли молодая женщина, въ ожиданіи его. Онъ подошелъ къ стѣнѣ и попробовалъ влѣзть на нее, но стѣна была только что оштукатурена и д'Артаньянъ вернулся, лишь поломавъ себѣ ногти.

Въ эту минуту онъ замѣтилъ подъ окномъ группу деревьевъ, особенно одно изъ нихъ, крѣпкое и раскидистое, обратило на себя его вниманіе. Взобравшись на него, можно было свободно заглянуть во внутренность павильона.

Съ деревомъ сладить было легче. Къ тому же и д'Артаньянъ былъ еще такъ молодъ, что помнилъ свои школьныя похожденія.

Быстрѣе векши взобрался онъ на вѣтвистую липу и жаднымъ взоромъ приникъ къ освѣщенному окну. Глазамъ его представилось ужасное зрѣлище, заставившее задрожать его съ ногъ до головы.

Этотъ нѣжный свѣтъ, эта мирная лампа, освѣщали картину страшнаго безпорядка: одно изъ стеколъ въ окнѣ было разбито, дверь въ комнату выломана, наполовину сломанная, она висѣла на петляхъ; столъ, на которомъ, очевидно, былъ приготовленъ великолѣпный ужинъ, валялся на полу; разбитыя бутылки, раздавленные фрукты покрывали паркетъ; все свидѣтельствовало о томъ, что въ этой комнатѣ происходила жестокая, отчаянная борьба; д'Артаньяну показалось даже, что посреди всего этого хаоса онъ видитъ клочки одежды, а на скатерти и на занавѣскахъ кровавыя пятна.

Пораженный и встревоженный, съ страшно бьющимся сердцемъ, онъ поспѣшилъ спуститься на землю, надѣясь отыскать и другіе слѣды этого возмутительнаго насилія.

Слабый, мягкій свѣтъ продолжалъ мерцать среди ночной тишины. Д'Артаньянъ замѣтилъ тогда то, чего не замѣчалъ прежде, а именно, что на землѣ, мѣстами утоптанной, мѣстами изрытой, виднѣлись смѣшанные слѣды человѣческихъ ногъ и лошадиныхъ копытъ. Кромѣ того, колеса кареты, пріѣхавшей, повидимому, изъ Парижа, образовали въ рыхлой почвѣ глубокую колею, и колея эта не шла дальше павильона, а заворачивала обратно къ Парижу. Наконецъ, продолжая свои изслѣдованія, д'Артаньянъ нашелъ около стѣны разорванную женскую перчатку. Впрочемъ, эта перчатка во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она не коснулась грязной земли, была безупречной чистоты и свѣжести. Это

была одна изъ тѣхъ раздушенныхъ перчатокъ, что любовники такъ любятъ срывать съ хорошенькой ручки.

По мѣрѣ того, какъ д'Артаньянъ продолжалъ свои печальные поиски, крупныя капли пота все холоднѣе и обильнѣе выступали у него на лбу, сердце сильнѣе сжималось мрачной тоской, дыханіе становилось прерывистѣй, а, между тѣмъ, онъ говорилъ, самъ себя утѣшая, что, можетъ-быть, этотъ павильонъ и не имѣетъ ничего общаго съ г-жей Бонасье, что, можетъ-быть, молодая женщина назначила ему свиданіе не въ самомъ павильонѣ, а только около него, что, можетъ-быть, ее задержала служба во дворцѣ или, наконецъ, ревность мужа дома.

Но какъ стѣна, пробитая брешью, всѣ эти разсужденія были разрушены, уничтожены чувствомъ душевной тоски, тоски, которая иногда вдругъ невольно овладѣваетъ всѣмъ нашимъ существомъ и, заглушая все, разсудокъ, волю, желаніе, заставляетъ какой-то тайный голосъ громко кричать, что надъ нами виситъ страшное несчастіе.

И д'Артаньянъ точно обезумѣлъ. Онъ бросился на большую дорогу, добѣжалъ до парома и сталъ разспрашивать перевозчика.

Около семи часовъ вечера перевозчикъ перевезъ на своемъ паромѣ какую-то женщину, закутанную въ черный плащъ. Она, повидимому, всѣми силами старалась не быть узнанной, но именно, вслѣдствіе принятыхъ ею предосторожностей, перевозчикъ обратилъ на нее вниманіе и замѣтилъ, что она была молода и хороша собой.

Въ то время, какъ и теперь, масса молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ пріѣзжала въ Сентъ-Клу, и всѣ онѣ очень заботились о томъ, чтобъ не быть замѣченными и узнанными, а, между тѣмъ, д'Артаньянъ ни минуты не сомнѣвался, что женщина, замѣченная перевозчикомъ, была именно г-жа Бонасье.

Д'Артаньянъ воспользовался свѣтомъ лампы, освѣщавшей хижину перевозчика, и снова перечелъ записку. Ему хотѣлось еще разъ убѣдиться, что онъ не ошибся, читая ее, и что свиданіе, дѣйствительно, было назначено въ Сентъ-Клу, напротивъ павильона д'Эстре, а не въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Все клонилось къ тому, чтобъ доказать д'Артаньяну, что предчувствія не обманывали его, и что съ нимъ случилось большое несчастіе.

Онъ вернулся къ замку бѣгомъ, ему казалось, что въ его отсутствіе въ павильонѣ произошло что-то новое, и что его ждутъ тамъ новыя свѣдѣнія. Но въ переулкѣ было попрежнему тихо и пустынно, а изъ окна по-прежнему струился мягкій, ровный свѣтъ.

Тогда д'Артаньянъ подумалъ о маленькой, развалившейся хижинѣ за заборомъ. Она была нѣма и слѣпа, но, навѣрное, она все видѣла, а если бы ее разспросить, то, можетъ-быть, она бы и заговорила.

Калитка оказалась запертой, но молодой человѣкъ перескочилъ черезъ изгородь и, несмотря на лай цѣпной собаки, смѣло приблизился къ домику. На первый стукъ его въ дверь никто не откликнулся. Въ хижинѣ, какъ и въ павильонѣ, царила мертвая тишина, но такъ какъ эта хижина была для него послѣдней надеждой, то онъ сталъ стучаться еще настойчивѣе.

Вскорѣ, ему послышался внутри какой-то слабый звукъ, какъ будто чей-то робкій голосъ, боявшійся, чтобъ его не услышали.

Тогда д'Артаньянъ перестaлъ стучать и началъ просить отворить ему дверь. Въ голосѣ его слышалось столько тревоги, ужаса и ласковой мольбы, что, казалось, самый трусливый человѣкъ, слыша его, могъ бы успокоиться. Наконецъ, старая, полусгнившая ставня открылась, или скорѣе пріотворилась, но, какъ только свѣтъ крошечной, жалкой лампы, горѣвшей въ одномъ углу, освѣтилъ шпагу и пистолеты д'Артаньяна, такъ она тотчасъ же снова закрылась. Тѣмъ не менѣе, какъ не было быстро это движеніе, д'Артаньянъ успѣлъ увидѣть блѣдное лицо старика.

— Ради всего святого,—сказалъ онъ,—выслушайте меня; я жду одну личность, она не пришла, и я умираю отъ безпокойства. Не случилось ли какого-нибудь несчастія въ окрестностяхъ? Скажите.

Ставня снова медленно отворилась, и въ окнѣ снова показалась сѣдая голова старика; только, на этотъ разъ, онъ былъ еще блѣднѣе.

Не называя именъ, д'Артаньянъ откровенно разсказалъ ему свою исторію. Онъ сказалъ, что у него было назначено свиданіе съ молодой женщиной передъ павильономъ д'Эстре, что онъ пришелъ въ назначенный часъ, долго ждалъ и, видя, наконецъ, что она не приходитъ, влѣзъ на липу, заглянулъ въ окно павильона и увидѣлъ весь царившій тамъ безпорядокъ.

Старикъ внимательно слушалъ его и, когда д'Артаньянъ кончилъ, онъ покачалъ головой съ видомъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго.

— Что вы хотите сказать!—воскликнулъ д'Артаньянъ.—Ради Бога, объяснитесь!

— О, сударь, не спрашивайте меня ни о чемъ! Если я разскажу вамъ то, что видѣлъ, я погибъ.

— Такъ, значитъ, вы видѣли что-нибудь? Въ такомъ случаѣ, ради Бога, — продолжалъ онъ, бросая ему пистоль, — разскажите мнѣ все! Даю вамъ честное слово дворянина, что я не выдамъ васъ.

Старикъ, видимо, боролся, но искренній голосъ и печальное лицо молодого гасконца побѣдили его, и онъ началъ вполголоса:

— Около девяти часовъ вечера я услышалъ на улицѣ какой-то шумъ. Желая разузнать, въ чемъ дѣло, я вышелъ въ садъ, подошелъ къ калиткѣ и, вдругъ, увидѣлъ трехъ мужчинъ, пытавшихся отворить ее. Въ тѣни, поодаль стояла запряженная четверней карета, а рядомъ три верховыхъ лошади. Такъ какъ я человѣкъ бѣдный и не боюсь быть ограбленнымъ, то я отворилъ калитку и спросилъ господъ, что имъ угодно.

— У тебя, навѣрное, есть лѣстница? — спросилъ одинъ изъ нихъ, самый важный, повидимому, ихъ начальникъ.

— Да, сударь, у меня есть лѣстница, съ помощью которой я снимаю фрукты.

— Одолжи ее намъ и ступай прочь. Вотъ тебѣ экю за безпокойство. Только помни, что, если ты скажешь хоть одно слово изъ того, что увидишь и услышишь (я увѣренъ, что какъ бы мы тебѣ ни угрожали, ты все-таки подглядишь и подслушаешь), ты погибъ.

— Съ этими словами онъ бросилъ мнѣ экю и взялъ мою лѣстницу. Разумѣется, какъ только господа вышли изъ моего сада, я заперъ за ними калитку и сдѣлалъ видъ, что вернулся домой. На самомъ же дѣлѣ, я вышелъ другой дверью, пробрался къ забору и, спрятавшись

за большой кустъ бузины, сталъ слѣдить за ушедшими. Какъ разъ въ эту минуту незнакомые господа подошли къ каретѣ и молча вытащили оттуда маленькаго толстаго человѣка, на коротенькихъ ножкахъ, сѣдого и одѣтаго во что-то темное; человѣчекъ этотъ осторожно поднялся по лѣстницѣ, сердито заглянулъ въ окно и, спустившись также тихо, чуть не на цыпочкахъ, на землю, прошепталъ:

— Это она!

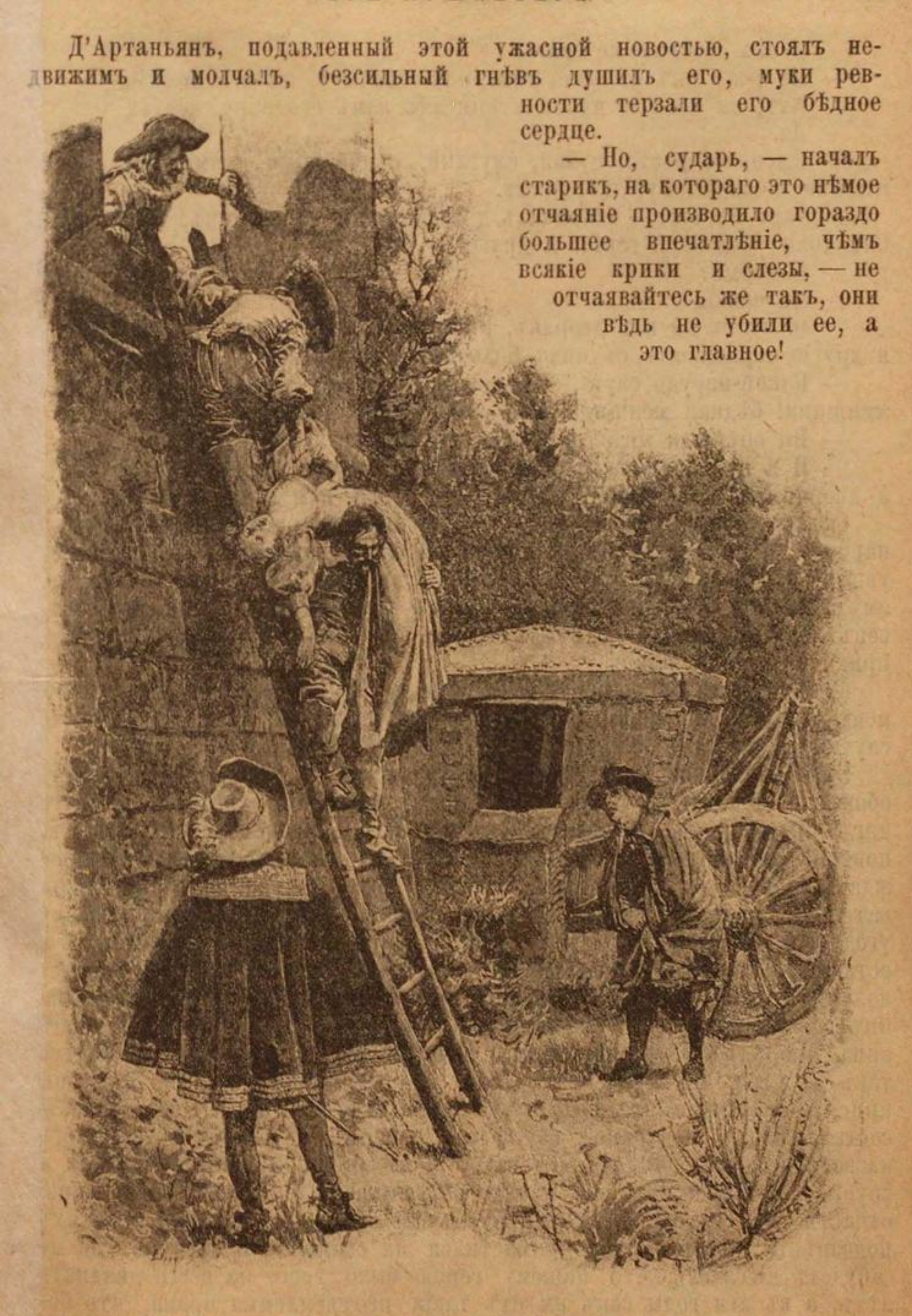

Человѣчекъ этотъ осторожно поднялся по лѣстницѣ, сердито заглянулъ въ окно и, спустившись также тихо, чуть не на цыпочкахъ, на землю, прошепталъ:
— Это она!

Тотчасъ же тотъ, что говорилъ со мной, подошелъ къ двери павильона, отперъ ее своимъ ключомъ, вошелъ туда, и я слышалъ, какъ онъ снова заперъ ее за собой. Въ то же время двое другихъ взобрались на лѣстницу. Маленькій старикашка стоялъ у дверцы кареты, кучеръ сдерживалъ четверню, а другой слуга держалъ верховыхъ. Вдругъ, въ павильонѣ раздались страшные крики, какая-то женщина подбѣжала къ окну и распахнула его настежъ. Послышался звонъ разбитаго стекла, бѣдняжка собиралась, вѣрно, выброситься, но, увидѣвъ на лѣстницѣ двухъ мужчинъ, она съ новымъ крикомъ отскочила назадъ, а тѣ бросились за ней въ комнату. Послѣ я уже ничего не видѣлъ; слышалъ только шумъ, какъ-будто ломали мебель. Женщина кричала и звала на помощь. Но вскорѣ крики ея прекратились; трое мужчинъ подошли къ окну, неся несчастную на рукахъ; двое спустились съ ней по лѣстницѣ и перенесли ее въ карету, куда вошелъ и маленькій старикашка, а третій, оставшійся въ павильонѣ, заперъ окно и, минуту спустя, вышелъ черезъ дверь къ остальной компаніи. Мужчины вскочили на лошадей, слуга занялъ свое мѣсто около кучера, и карета помчалась по направленію къ Парижу. Съ этой минуты я ничего ужъ больше не видѣлъ и не слышалъ.

Д'Артаньянъ, подавленный этой ужасной новостью, стоялъ недвижимъ и молчалъ, безсильный гнѣвъ душилъ его, муки ревности терзали его бѣдное сердце.

— Но, сударь, — началъ старикъ, на котораго это нѣмое отчаяніе производило гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ всякіе крики и слезы, — не отчаявайтесь же такъ, они вѣдь не убили ее, а это главное!

Двое спустились съ ней по лѣстницѣ и перенесли ее въ карету.

— Не знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, кто былъ главный дѣятель въ этомъ злодѣйскомъ похищеніи?

— Я его совсѣмъ не знаю.

— Но разъ онъ съ вами говорилъ, значитъ, вы его видѣли?

— Ахъ, вы хотите, чтобъ я описалъ вамъ его наружность?

— Да.

— Высокаго роста, сухой, смуглый, съ черными усами и черными глазами, повидимому, дворянинъ.

— Такъ и есть! — вскричалъ д'Артаньянъ. — Опять онъ, всюду онъ! Онъ точно мой злой генiй. А другой?

— Который?

— Маленькiй.

— О! этотъ не изъ дворянъ, ручаюсь вамъ; у него не было шпаги, и другiе обращались съ нимъ безъ всякаго уваженiя.

— Какой-нибудь слуга, — прошепталъ д'Артаньянъ. — Ахъ, бѣдная женщина! бѣдная женщина! Что они съ ней сдѣлали?

— Вы обѣщали мнѣ сохранить тайну, — сказалъ старикъ.

— И я повторяю вамъ мое обѣщанiе, будьте покойны, я дворянинъ. У дворянина нѣтъ ничего дороже его слова, а я вамъ далъ его.

Сказавъ это, д'Артаньянъ съ сокрушеннымъ сердцемъ направился къ парому. То ему не вѣрилось, что г-жу Бонасье похитили, и онъ надѣялся увидѣться съ ней на слѣдующiй день въ Луврѣ, то онъ боялся, не имѣла ли она раньше интригу съ кѣмъ другимъ, и не этотъ ли ревнивецъ подкараулилъ и похитилъ ее. Онъ не зналъ что подумать, мучился, приходилъ въ отчаянiе.

— Ахъ, если бъ со мной были мои друзья! — воскликнулъ онъ. — У меня была бы, по крайней мѣрѣ надежда найти ее, но кто знаетъ, что случилось съ ними самими.

Было около полуночи; надо было разыскать Планше. Д'Артаньянъ обошелъ всѣ кабаки, гдѣ былъ хотя малѣйшiй свѣтъ, но слуги нигдѣ не нашелъ. Подумавъ, онъ рѣшилъ, наконецъ, что всѣ его поиски совершенно неосновательны: вѣдь онъ приказалъ Планше ждать себя въ 6 часовъ утра, а теперь была только полночь, слѣдовательно, до шести часовъ Планше воленъ былъ находиться, гдѣ ему угодно. Къ тому же, молодому человѣку пришла въ голову мысль, что, оставаясь въ окрестностяхъ Сентъ-Клу, ему, можетъ-быть, и удастся получить какiя-нибудь разъясненiя по поводу этого таинственнаго дѣла. Онъ вошелъ въ одинъ изъ кабаковъ, спросилъ бутылку самаго лучшаго вина, выбралъ уголокъ потемнѣе и, присѣвъ къ столу, рѣшилъ дождаться такъ до утра. Но и на этотъ разъ надежда обманула его. Какъ ни прислушивался онъ къ разговору работниковъ, слугъ и извозчиковъ, составлявшихъ почтенное общество, членомъ котораго и онъ могъ назвать себя въ данный моментъ, кромѣ брани, глупыхъ шутокъ и грубыхъ ругательствъ, онъ ничего не услышалъ. Выпивъ бутылку вина, отчасти отъ бездѣлiя, отчасти, чтобъ не возбудить къ себѣ никакихъ подозрѣнiй, онъ кое-какъ примостился на скамейкѣ и заснулъ. Да не забудетъ читатель, что нашему герою было всего на всего двадцать лѣтъ, а въ эти годы сонъ имѣетъ такiя неотъемлемыя права, что бороться съ нимъ бываетъ не подъ силу даже въ минуты отчаянiя. Д'Артаньянъ проснулся около шести часовъ утра съ тѣмъ особеннымъ непрiятнымъ чувствомъ общаго недомоганiя, которое всегда является слѣдствiемъ дурно проведенной ночи. Утреннiй туалетъ его былъ не-

продолжителенъ. Нащупавъ брильянтовый перстень на пальцѣ, кошелекъ съ деньгами въ карманѣ, пистолеты за поясомъ и убѣдившись, что никто не обокралъ его во время сна, онъ всталъ, расплатился съ хозяиномъ за выпитую бутылку вина и вышелъ, надѣясь, что утромъ поиски его лакея будутъ болѣе удачны, чѣмъ ночью.

И, дѣйствительно, первое, что онъ увидѣлъ сквозь сырой, сѣроватый туманъ, былъ вѣрный Планше, державшій въ поводу двухъ лошадей. Онъ стоялъ у дверей маленькаго, безъ оконъ, кабака, мимо котораго д'Артаньянъ прошелъ наканунѣ, даже не заподозрѣвъ о его существованіи.

Глава X.

Портосъ.

Вмѣсто того, чтобы проѣхать прямо къ себѣ, д'Артаньянъ остановился у дверей отеля де-Тревилля и, соскочивъ съ лошади, быстро поднялся по широкой каменной лѣстницѣ къ нему наверхъ. На этотъ разъ молодой человѣкъ уже заранѣе рѣшилъ разсказать капитану обо всемъ случившемся съ нимъ въ эту ночь. Безъ сомнѣнія, опытный царедворецъ дастъ ему хорошій совѣтъ, научитъ его, что дѣлать, что предпринять, какъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ, а затѣмъ, такъ какъ де-Тревилль имѣлъ возможность видѣться ежедневно съ королевой, то онъ могъ, конечно, и разспросить ея величество о судьбѣ несчастной женщины, такъ жестоко наказанной за свою преданность къ ней. Де-Тревилль выслушалъ д'Артаньяна серіозно и внимательно, что доказывало, что онъ видѣлъ во всемъ этомъ происшествіи нѣчто большее, чѣмъ простую любовную интригу, и, когда тотъ кончилъ,

— Гм,—сказалъ онъ,—все это за цѣлую милю пахнетъ его высокопреосвященствомъ.

— Что же дѣлать? — спросилъ д'Артаньянъ.

— Пока еще ничего, ровно ничего; уѣхать только изъ Парижа, какъ я вамъ уже совѣтовалъ раньше, а главное, уѣхать какъ можно скорѣе. Я увижусь сегодня съ королевой, разскажу ей всѣ подробности похищенія этой бѣдной женщины, о чемъ ея величество, навѣрное, ничего не знаетъ. Эти подробности наведутъ ее, въ свою очередь, на слѣдъ, и, можетъ-быть, къ вашему пріѣзду я буду въ состояніи сообщить вамъ кой-какія пріятныя для васъ новости. Совѣтую вамъ только не отчаяваться, а положиться во всемъ на меня.

Д'Артаньянъ зналъ, что де-Тревилль, хотя родомъ и гасконецъ, не имѣлъ привычки обѣщать, но если разъ онъ что случайно обѣщалъ, то всегда дѣлалъ больше того, что обѣщалъ. А потому, онъ поклонился ему, полный чувства благодарности, какъ за прошлое, такъ и за будущее, а почтенный капитанъ, принимавшій горячее участіе въ храбромъ и рѣшительномъ молодомъ человѣкѣ, въ свою очередь, съ чувствомъ пожалъ ему руку и пожелалъ счастливаго пути.

Рѣшивъ немедленно послѣдовать совѣту де-Тревилля, д'Артаньянъ поспѣшилъ на улицу Могильщиковъ, чтобы поскорѣе приготовиться къ отъѣзду. Подходя къ своему дому, онъ еще издали узналъ толстую

приземистую фигуру Бонасье, въ утреннемъ костюмѣ, стоящаго на порогѣ входныхъ дверей.

Все, сказанное ему наканунѣ осторожнымъ Планше относительно коварства ихъ хозяина, сразу всплыло въ памяти д'Артаньяна, и онъ невольно взглянулъ на маленькаго человѣка гораздо внимательнѣе, чѣмъ это дѣлалъ прежде. И въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о желтовато-блѣдномъ, болѣзненномъ цвѣтѣ лица, свидѣтельствовавшемъ о разлитіи желчи, д'Артаньянъ замѣтилъ что-то необыкновенно хитрое и непріятное въ выраженіи его глазъ, линіи рта и вообще во всѣхъ складкахъ его физіономіи. Мошенникъ смѣется не такъ, какъ честный человѣкъ, лицемѣръ плачетъ не тѣми слезами, что человѣкъ чистосердечный. Всякая фальшъ есть маска, и, какъ бы ловко ее ни носили, при нѣкоторой наблюдательности, всегда можно различить ее. И вотъ, д'Артаньяну показалось, что Бонасье тоже носитъ маску, и что эта маска одна изъ самыхъ отталкивающихъ. Чувство презрѣнія и даже какой-то гадливости къ мелкому торгашу возмутило сердце молодого человѣка, и онъ, побуждаемый этимъ чувствомъ, хотѣлъ было пройти мимо него, не поздоровавшись съ нимъ, но тотъ, какъ и наканунѣ, вдругъ самъ первый окликнулъ его.

— Однакоже, молодой человѣкъ, — началъ онъ, — мы, кажется, проводимъ веселыя ночи! Ужъ 7 часовъ утра, чортъ возьми! Поздненько вы возвращаетесь домой, поздненько! Другіе въ этотъ часъ только выходятъ изъ дому!

— Конечно, хозяинъ; васъ, напримѣръ, нельзя въ томъ же упрекнуть, вы идеалъ людей порядочныхъ. Да и то правда, когда имѣешь такую молоденькую, хорошенькую жену, незачѣмъ бѣгать за счастьемъ, само счастье отыщетъ васъ, не такъ ли, г. Бонасье?

Бонасье, поблѣднѣвъ какъ мертвецъ, криво улыбнулся.

— Ахъ вы шутникъ,—проговорилъ онъ.—Но гдѣ же все-таки прошатались вы всю эту ночь? Какъ видно, проселочныя дороги не больно-то хороши!

Д'Артаньянъ посмотрѣлъ на свои забрызганные грязью сапоги, и въ ту же минуту взглядъ его случайно упалъ на чулки и башмаки стараго торговца. Они были грязны не менѣе его сапогъ, и можно было подумать, что г. Бонасье запачкалъ ихъ въ той же самой грязи, что и онъ.

И вдругъ одна мысль какъ молнія блеснула въ умѣ д'Артаньяна. Маленькій человѣкъ, толстый, коротконогій, сѣдой, одѣтый въ темное, что-то въ родѣ слуги, къ которому безъ всякаго уваженія относились господа офицеры—былъ никто иной, какъ самъ Бонасье.

Мужъ присутствовалъ и не только присутствовалъ, но и помогалъ другимъ при похищеніи своей жены! Д'Артаньяномъ овладѣло страстное желаніе схватить за горло и придушить этого мерзавца, но, какъ человѣкъ благоразумный, онъ, по обыкновевнію, сдержался. Тѣмъ не менѣе, перемѣна, происшедшая въ его лицѣ, была такъ замѣтна, что Бонасье испугался, попятился было назадъ, но, стукнувшись объ закрытую половинку двери, пошатнулся только и, къ своему горю, принужденъ былъ остаться на прежнемъ мѣстѣ.

— Эгэ! Да вы, видно, тоже шутникъ первостатейный, мой любезный,— сказалъ д'Артаньянъ.—Мнѣ кажется, что если мои сапоги нуждаются

въ чисткѣ, то ваши башмаки и подавно требуютъ щетки. Развѣ и вы, въ свою очередь, гдѣ-нибудь шатались сегодняшней ночью, г. Бонасье? Ну, чортъ возьми, въ ваши годы это совсѣмъ не простительно, да еще при вашей счастливой семейной жизни, имѣя такую молоденькую, хорошенькую жену, какъ г-жа Бонасье!

— О, Богъ мой, я вовсе не шатался! — отвѣчалъ тотъ. — Я ѣздилъ вчера по дѣлу въ Сенъ-Манде: мнѣ необходимо было навести справки объ одной тутъ служанкѣ, которую я хотѣлъ нанять для себя. Ахъ, что тамъ за ужасная дорога, какая грязь! Я еле дотащился домой, такъ усталъ, что не до чистки было; да вотъ и сегодня не успѣлъ еще привести себя въ порядокъ.

Мѣстечко, названное Бонасье, куда онъ будто бы ѣздилъ по своему дѣлу, только еще больше подтвердило подозрѣнія д'Артаньяна. Сенъ-Манде находилось въ совершенно противоположной сторонѣ отъ Сенъ-Клу. Очевидно, Бонасье говорилъ неправду, онъ не былъ въ Сенъ-Манде, а былъ въ Сенъ-Клу, и, если только онъ зналъ, гдѣ его жена, то, употребивъ нѣкоторыя крайнія мѣры, всегда можно было заставить его развязать языкъ и выдать тайну. Это предположеніе было для д'Артаньяна первой утѣшительной мыслью. Оставалось только отъ предположенія перейти къ увѣренности.

— Эге! Да вы, видно, тоже шутникъ первостатейный, мой любезный, — сказалъ д'Артаньянъ. — Мнѣ кажется, что если мои сапоги нуждаются въ чисткѣ, то ваши башмаки и подавно требуютъ щетки.

— Извините, любезный Бонасье, — началъ онъ, — если я обойдусь съ вами безъ церемоніи, — ничто не утомляетъ такъ, какъ безсонныя ночи, я страшно усталъ и умираю отъ жажды, позвольте мнѣ выпить у васъ стаканъ воды; вы знаете, это такая услуга, въ которой нельзя отказать сосѣду.

И, не дожидаясь позволенія хозяина, д'Артаньянъ быстро прошелъ въ его квартиру и бросилъ бѣглый взглядъ на постель. Постель была

не смята. Бонасье не ложился. Слѣдовательно, онъ вернулся домой только часъ, много два тому назадъ; онъ проводилъ свою жену или до самаго мѣста ея заточенія, или, по крайней мѣрѣ, до первой остановки.

— Благодарю васъ, г. Бонасье,—сказалъ д'Артаньянъ, выпивъ поданный ему хозяиномъ стаканъ воды, — это все, что мнѣ отъ васъ требовалось. Теперь я пойду къ себѣ и велю Планше вычистить мнѣ сапоги, а когда онъ кончитъ, то я пришлю его къ вамъ, и тогда, если желаете, онъ можетъ почистить и ваши башмаки.

Съ этими словами онъ разстался съ почтеннымъ торговцемъ, въ высшей степени изумленнымъ его поведеніемъ и спрашивавшимъ себя, ужъ не проговорился ли онъ и не повредилъ ли чѣмъ-нибудь своей особѣ?

Наверху лѣстницы его встрѣтилъ Планше. Вѣрный слуга былъ чѣмъ-то страшно напуганъ.

— Ахъ, сударь! — вскричалъ онъ.—Ужъ я васъ ждалъ, ждалъ! Какая новость!

— Что такое? — спросилъ д'Артаньянъ.

— Держу, сударь, сто противъ одного, даже тысячу, что вы не отгадаете, кто былъ у насъ за время вашего отсутствія.

— Когда же это?

— Съ полчаса тому назадъ, какъ разъ когда вы были у г. де-Тревилля.

— Но кто же приходилъ ко мнѣ? Посмотримъ, говори.

— Г. де-Кавуа.

— Де-Кавуа?

— Онъ, лично своей персоной.

— Капитанъ гвардейцевъ его высокопреосвященства?

— Онъ самый.

— Онъ приходилъ меня арестовать?

— Навѣрно, сударь, хотя онъ и былъ очень любезенъ.

— Любезенъ, говоришь ты?

— То-есть сладокъ, что твой медъ.

— Неужели?

— Онъ сказалъ, что его прислалъ кардиналъ, что его высокопреосвященство желаетъ вамъ всякаго добра и проситъ васъ пожаловать къ нему въ Пале-Рояль.

— Что же ты ему на это отвѣтилъ?

— Что это вещь невозможная, такъ какъ васъ нѣтъ дома, въ чемъ онъ и самъ могъ удостовѣриться.

— А онъ что тогда сказалъ?

— Чтобы вы непремѣнно зашли къ нему сегодня днемъ, а потомъ, уходя, онъ шепнулъ мнѣ опять:

„Скажи же своему барину, что его высокопреосвященство очень расположенъ къ нему, и что, можетъ-быть, все его счастье зависитъ отъ этого свиданія“.

— Западня не изъ особенно искусныхъ; кардиналъ могъ бы выдумать что-нибудь получше,—сказалъ, улыбаясь, молодой человѣкъ.

— Да и мнѣ тоже показалось, что это была западня. Я сказалъ, что вы будете въ отчаяніи, узнавъ, что онъ не засталъ васъ дома.

„—Куда онъ уѣхалъ?“—спросилъ г. де-Кавуа.
„—Въ Труа, въ Шампанію“,—отвѣтилъ я ему.
„—А когда онъ уѣхалъ?“
„—Вчера вечеромъ“.
— Планше, другъ мой,—перебилъ его д'Артаньянъ,—да ты просто драгоцѣнный человѣкъ!
— Вы понимаете, сударь, я разсудилъ такъ: что если вы захотите видѣть г. де-Кавуа, то всегда можно поправить ошибку, сказавъ, что вы и не думали никуда уѣзжать, вѣдь въ такомъ случаѣ солгалъ бы я одинъ, а такъ какъ я не дворянинъ, то мнѣ лгать позволительно.
— Успокойся, Планше, за тобой останется репутація правдиваго человѣка: чрезъ четверть часа мы уѣзжаемъ.
— Я только что хотѣлъ дать вамъ этотъ совѣтъ, сударь; а куда, осмѣлюсь спросить, мы ѣдемъ?
— Конечно въ противоположную сторону той, что ты назвалъ. Развѣ тебѣ не хочется узнать поскорѣе, что сталось съ Гримо, Мускетономъ и Базеномъ. Меня, напримѣръ, страшно интересуетъ судьба Атоса, Портоса и Арамиса.
— И меня также, сударь. Я готовъ ѣхать, когда вамъ будетъ угодно. Къ тому же, мнѣ кажется, воздухъ провинціи въ настоящую минуту гораздо здоровѣе для насъ, чѣмъ воздухъ Парижа. А потому...
— А потому, укладывайся, Планше, и ѣдемъ. Я пойду впередъ, пѣшкомъ, какъ будто на прогулку, а ты догонишь меня въ гвардейскихъ казармахъ. Кстати, Планше; ты, кажется, совершенно правъ относительно нашего хозяина, онъ, дѣйствительно, ужасная каналья.
— О, сударь, я рѣдко ошибаюсь; я большой физіономистъ, со мной не шутите!
Д'Артаньянъ вышелъ первый, какъ было условлено. По дорогѣ онъ зашелъ на квартиру своихъ друзей, но о нихъ попрежнему не было никакихъ извѣстій; только на имя Арамиса было получено раздушенное письмо, написанное тонкимъ, изящнымъ почеркомъ. Д'Артаньянъ взялся передать его. Десять минутъ спустя, когда онъ былъ уже въ гвардейскихъ казармахъ, къ нему присоединился Планше. Д'Артаньянъ, чтобъ не терять времени, самъ осѣдлалъ свою лошадь.
— Хорошо,—одобрилъ онъ Планше, когда тотъ ко всему вооруженію присоединилъ еще и чемоданъ.—Теперь сѣдлай остальныхъ трехъ, и поѣдемъ.
— Развѣ вы думаете, что мы поѣдемъ скорѣе, если у каждаго изъ насъ будетъ по двѣ лошади?—спросилъ Планше.
— Нѣтъ, злой насмѣшникъ,—возразилъ д'Артаньянъ,—но на нашихъ четырехъ лошадяхъ мы будемъ имѣть возможность привезти нашихъ трехъ друзей, если только мы найдемъ ихъ въ живыхъ.
— Это было бы большимъ счастьемъ,—воскликнулъ Планше.—Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ отчаяваться въ Божьемъ милосердіи!
— Аминь,—сказалъ д'Артаньянъ, вскакивая на лошадь.
Выѣхавъ изъ гвардейскихъ казармъ, они разъѣхались въ разныя стороны: одинъ долженъ былъ выѣхать изъ Парижа чрезъ Виллетскую заставу, другой—чрезъ Монмартрскую, чтобъ затѣмъ съѣхаться вмѣстѣ за Сенъ-Дени,—стратегическій маневръ, исполненный ими съ пунк-

туальной точностью и увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ: оба въ одно время въѣхали въ Пьеррефитъ.

Планше, надо сказать правду, былъ гораздо храбрѣе днемъ, чѣмъ ночью.

Тѣмъ не менѣе, присущая ему осторожность не покидала его ни на секунду; онъ никакъ не могъ забыть ихъ первой поѣздки и въ каждомъ встрѣчномъ путникѣ видѣлъ подосланнаго врага. Кромѣ того, онъ постоянно держалъ шляпу на отлетѣ, раскланиваясь со всѣми, за что получалъ строгіе выговоры отъ д'Артаньяна, опасавшагося, чтобы, благодаря этой излишней учтивости, его не сочли за слугу человѣка низкаго происхожденія.

Между тѣмъ, или прохожіе, дѣйствительно, были тронуты вѣжливостью Планше, или на этотъ разъ никто не былъ подосланъ на пути молодого человѣка, но только наши путешественники пріѣхали въ Шантильи безъ всякихъ приключеній и остановились въ той же самой гостиницѣ „св. Мартина“, гдѣ останавливались и въ первый разъ. Хозяинъ, при видѣ молодого человѣка, пріѣхавшаго верхомъ, въ сопровожденіи слуги, державшаго въ поводу двухъ чудныхъ лошадей, почтительно встрѣтилъ его на порогѣ дверей.

Сдѣлавъ одиннадцать лье и чувствуя себя немного утомленнымъ, д'Артаньянъ рѣшилъ остановиться въ маленькой гостиницѣ и отдохнуть, все равно, окажется ли тутъ Портосъ или нѣтъ. Къ тому же, развѣ не благоразумнѣе было начать наводить справки сразу же съ того самаго пункта, гдѣ начались ихъ преслѣдованія, и гдѣ друзьямъ пришлось покинуть молодого мушкетера?

Въ силу всѣхъ этихъ разсужденій, д'Артаньянъ, не спрашивая пока еще ни о чемъ, спѣшился, поручилъ лошадой слугѣ и, войдя въ небольшую, отдѣльную комнату, предназначенную для путешественниковъ, не желавшихъ оставаться въ общей залѣ, приказалъ подать себѣ бутылку самаго лучшаго вина и самый лучшій завтракъ—требованіе, еще болѣе увеличившее хорошее впечатлѣніе, произведенное имъ съ перваго раза на трактирщика и потому исполненное съ волшебной быстротой.

Въ то время въ гвардію поступали молодые люди изъ самыхъ лучшихъ дворянскихъ фамилій; понятно, что д'Артаньянъ, путешествующій въ сопровожденіи слуги и четырехъ великолѣпныхъ лошадей, несмотря на простоту своего мундира, не могъ не произвести нѣкоторой сенсаціи. Хозяинъ сталъ самъ прислуживать ему. Замѣтивъ это, д'Артаньянъ приказалъ принести еще стаканъ и, пригласивъ хозяина къ столу, завелъ съ нимъ слѣдующую бесѣду:

— Ну-съ, любезный хозяинъ, — началъ онъ, наполняя стаканы виномъ,—я просилъ у васъ самаго лучшаго вина, и если вы меня надули, то сами же сейчасъ и будете наказаны за свой обманъ, такъ какъ я терпѣть не могу пить одинъ, и вы будете пить со мной. Берите же свой стаканъ и выпьемъ. Только за что мы будемъ пить? Посмотримъ, какъ бы намъ не задѣть чьего-либо самолюбія? Вотъ что, выпьемъ за процвѣтаніе вашей гостиницы!

— Ваша милость оказываетъ мнѣ слишкомъ много чести,—отвѣчалъ хозяинъ,—и я отъ всего сердца благодарю васъ, сударь, за ваше доброе пожеланіе!

— Ну, ну, не очень-то заблуждайтесь насчетъ моей доброты, — возразилъ д'Артаньянъ, — въ моемъ тостѣ скрывается, можетъ-быть, гораздо болѣе эгоизма, чѣмъ вы думаете: хорошее помѣщеніе и вообще всякія удобства только и можно найти въ тѣхъ гостиницахъ, которыя хорошо ведутъ свои дѣла, а въ тѣхъ, гдѣ дѣла пошатнулись, все идетъ скверно, и путешественникъ дѣлается жертвой затруднительнаго положенія хозяина, а такъ какъ мнѣ приходится много путешествовать и въ особенности по этой дорогѣ, то немудрено, что я желалъ бы видѣть всѣ гостиницы въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ хозяинъ, — мнѣ кажется, что я уже не первый разъ имѣю удовольствіе видѣть васъ, сударь.

— Ба, да я, можетъ-быть, разъ десять ужъ побывалъ въ Шантильи и изъ этихъ десяти разъ, по крайней мѣрѣ, три или четыре раза останавливался у васъ. Да вотъ, дней десять или двѣнадцать только прошло съ тѣхъ поръ, какъ я проѣзжалъ здѣсь въ послѣдній разъ. Я провожалъ моихъ друзей, мушкетеровъ. Можетъ-быть, вы и помните, еще одинъ изъ нихъ поссорился съ какимъ-то иностранцемъ, не знаю по какому поводу вступившимъ съ нимъ въ споръ?

— Ахъ, да правда! — отвѣчалъ хозяинъ. — Я это прекрасно помню. Вѣдь это о г. Портосѣ говоритъ ваша милость?

— Да, дѣйствительно, моего друга такъ зовутъ. Но, Боже мой! Дорогой хозяинъ, скажите мнѣ, не случилось ли съ нимъ какого несчастія?

— Но вѣдь ваша милость должны были сами видѣть, что г. Портосъ не могъ ѣхать дальше.

— Дѣйствительно, онъ обѣщалъ догнать насъ, но мы его съ тѣхъ поръ такъ и не видѣли.

— Онъ остался у насъ.

— Какъ! Онъ сдѣлалъ вамъ честь остаться здѣсь?

— Да, сударь, въ этой самой гостиницѣ; и мы даже очень безпокоимся.

— Насчетъ чего же?

— Насчетъ нѣкоторыхъ расходовъ, сдѣланныхъ имъ.

— Ну такъ что же! Онъ вам заплатитъ всѣ свои расходы.

— Ахъ, сударь, какъ вы меня утѣшили! Видите ли, мы оказали ему большой кредитъ и издержали на него ужъ много денегъ. Еще сегодня утромъ хирургъ объявилъ, что если г. Портосъ не заплатитъ ему, то онъ потребуетъ эти деньги съ меня, такъ какъ я посылалъ за нимъ.

— Но развѣ Портосъ раненъ?

— Не сумѣю вамъ сказать этого.

— Какъ вы не сумѣете мнѣ этого сказать? Но вамъ это должно быть болѣе, чѣмъ кому-либо другому, извѣстно?

— Да, конечно, но, въ нашемъ положеніи мы не говоримъ всего, что знаемъ, сударь, въ особенности, когда насъ предупредили, что наши уши отвѣтятъ за то, что разболтаетъ языкъ.

— Хорошо! Могу я видѣть Портоса?

— Разумѣется, сударь. Потрудитесь подняться по лѣстницѣ въ первый этажъ и постучитесь въ первый номеръ. Только предупредите, что это вы.

— Почему же я долженъ предупреждать, что это я?

— Потому что, иначе, съ вами можетъ произойти несчастіе.

— Какое же это такое несчастіе можетъ со мной произойти?

— Г. Портосъ можетъ принять васъ за кого-нибудь изъ служащихъ въ моей гостиницѣ и тогда, въ порывѣ гнѣва, онъ заколетъ или застрѣлитъ васъ.

— Что же вы ему сдѣлали?

— Мы только просили его заплатить намъ деньги.

— А чортъ возьми! Теперь я понимаю, въ чемъ дѣло. Портосъ, дѣйствительно, не долюбливаетъ, когда къ нему обращаются съ подобными просьбами, въ особенности, когда онъ не при деньгахъ. Но только, я знаю, что онѣ должны были быть у него.

— Мы и сами такъ думали, сударь. А на дѣлѣ вышло иначе. Вотъ, извольте послушать: такъ какъ наша гостиница содержится въ большомъ порядкѣ, и мы сводимъ счеты каждую недѣлю, то, по прошествіи восьми дней, мы представили г. Портосу счетъ, но, какъ видно, попали не въ добрый часъ, потому что какъ только мы коснулись этого вопроса, г. Портосъ разгнѣвался и послалъ насъ ко всѣмъ чертямъ; правда, что онъ игралъ наканунѣ.

— Какъ, онъ наканунѣ игралъ, съ кѣмъ же?

— Ахъ, Боже мой, кто жъ его знаетъ?! Съ какимъ-то проѣзжимъ вельможей, онъ же самъ и предложилъ ему партію въ ландскнехтъ.

— Такъ и есть.—Бѣдняга, должно-быть, все проигралъ.

— Даже лошадь, сударь, потому что когда незнакомецъ уѣзжалъ, мы видѣли, какъ его слуга сѣдлалъ лошадь г. Портоса. Мы ему это замѣтили, но онъ отвѣчалъ, что мы вмѣшиваемся не въ свое дѣло, и что лошадь принадлежитъ ему. Мы немедленно доложили объ этомъ г. Портосу, но г. Портосъ обозвалъ насъ негодяями за то, что мы осмѣлились не повѣрить слову дворянина: разъ дворянинъ сказалъ, что эта лошадь его — значитъ, и сомнѣваться нечего.

— Узнаю моего друга, — прошепталъ д'Артаньянъ.

— Тогда, — продолжалъ хозяинъ, — я велѣлъ ему передать, что такъ какъ мы съ нимъ, повидимому, расходимся во взглядахъ относительно платежа по счетамъ, то я надѣюсь, что онъ будетъ, по крайней мѣрѣ, такъ добръ и переѣдетъ къ моему собрату по занятію, въ гостиницу Золотаго-Орла; но, г. Портосъ отвѣчалъ, что моя гостиница лучше, и потому онъ желаетъ остаться въ ней. Отвѣтъ былъ слишкомъ лестный для меня, и я не рѣшился настаивать на его отъѣздѣ. Я ограничился только тѣмъ, что попросилъ перейти его изъ занимаемой имъ комнаты, самой лучшей въ моей гостиницѣ, въ маленькій, хорошенькій кабинетъ въ третьемъ этажѣ. Но, на это г. Портосъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ съ минуты на минуту ждетъ къ себѣ свою любовницу, а эта любовница будто бы одна изъ самыхъ знатныхъ придворныхъ дамъ, то я долженъ понять, что даже и та комната, гдѣ онъ помѣщается, еще очень плоха для пріема такой важной особы. Вполнѣ сознавая всю правоту словъ г. Портоса, я все-таки счелъ нужнымъ настаивать на своей просьбѣ, но онъ не сталъ даже спорить со мной, а просто взялъ пистолетъ, положилъ его около себя [illegible] ной столикъ и объявилъ, что при первомъ словѣ о какомъ бы [illegible] было перемѣщеніи, внѣшнемъ или внутреннемъ, онъ пуститъ пулю лобъ тому, кто будетъ настолько неостороженъ, что станетъ соваться

въ дѣло, касающееся только лично его. И вотъ, съ этой минуты, сударь, никто не смѣетъ входить въ его комнату, кромѣ его собственнаго слуги.

— А развѣ Мускетонъ тоже здѣсь?

— Здѣсь, сударь, онъ вернулся пять дней спустя послѣ своего отъѣзда, и также въ самомъ дурномъ расположеніи духа, — повидимому, и съ нимъ въ дорогѣ приключились какія-нибудь непріятности. Къ несчастью, онъ еще проворнѣе своего барина, а ужъ для своего барина онъ, кажется, готовъ перевернуть всю мою гостиницу вверхъ дномъ; напримѣръ, когда ему что-нибудь нужно, и онъ думаетъ, что съ моей стороны можетъ встрѣтиться отказъ, онъ идетъ и беретъ самъ, не спрашивая ничьего позволенія.

— Я всегда замѣчалъ въ Мускетонѣ необыкновенную преданность и громадную сообразительность, — сказалъ д'Артаньянъ.

— Весьма возможно, сударь, однако, если мнѣ хоть четыре раза въ году придется сталкиваться съ подобной преданностью и сообразительностью, то я въ конецъ разорюсь.

— Ну, полноте, Портосъ вамъ заплатитъ.

— Гм... — промычалъ хозяинъ съ видомъ глубокаго сомнѣнія.

— Это любимецъ одной очень важной дамы, повѣрьте, что она не оставитъ его въ затруднительномъ положеніи изъ-за такой бездѣлицы, какую онъ вамъ долженъ.

— Осмѣлюсь сказать, что я думаю относительно этого...

— Что же вы думаете?

— Скажу больше: я знаю.

— Что же вы знаете?

— Не только знаю, но увѣренъ.

— Въ чемъ же вы увѣрены? Говорите!

— Я знаю эту важную даму.

— Вы?

— Да, я.

— Какимъ же образомъ вы ее знаете?

— О, сударь, могу ли я довѣриться вашей скромности?..

— Говорите! Даю слово дворянина — вамъ не придется раскаяться въ своемъ довѣріи.

— Хорошо, сударь. Вы понимаете, что безпокойство часто заставляетъ дѣлать то, чего не слѣдовало бы дѣлать.

— Что же вы сдѣлали?

— Ничего такого, на что не имѣлъ бы права кредиторъ.

— Напримѣръ?

— Г. Портосъ передалъ намъ письмо къ этой герцогинѣ съ приказаніемъ отправить его на почту. Его слуга тогда еще не возвращался, а самъ онъ еще не выходилъ изъ комнаты, такъ что волей-неволей ему пришлось обратиться къ намъ.

— Что же дальше?

— Вмѣсто того, чтобы отправить это письмо по почтѣ, что не всегда бываетъ вѣрно, я воспользовался случаемъ, когда одинъ изъ моихъ лакеевъ ѣхалъ въ Парижъ и поручилъ ему передать это письмо лично самой герцогинѣ. Вѣдь такимъ образомъ приказаніе г. Портоса,

который очень просилъ насъ не потерять его письмо, было исполнено въ точности. Не правда ли?

— Почти.

— Что же сударь оказалось? Знаете ли вы, кто эта важная дама?

— Нѣтъ; я слышалъ о ней только отъ Портоса.

— Знаете ли вы, кто эта мнимая герцогиня?

— Я вамъ повторяю, что не знаю.

— Это старая прокурорша, сударь, мадамъ Кокенаръ, ей по меньшей мѣрѣ лѣтъ пятьдесятъ, и она ревнуетъ. Мнѣ, признаться, сразу показалось довольно страннымъ: какъ это герцогиня, а живетъ на Медвѣжьей улицѣ.

— Откуда вы все это знаете?

— Она очень разсердилась, получивши это письмо, и сказала, что г. Портосъ вѣтренникъ, и что онъ раненъ, навѣрное, опять изъ-за какой-нибудь женщины.

— Такъ, значитъ, онъ раненъ?

— Ахъ! Боже мой! Что я сказалъ!

— Вы сказали, что Портосъ раненъ.

— Да, но онъ мнѣ строго-на-строго запретилъ говорить объ этомъ.

— Почему же?

— Ахъ, сударь, развѣ вы не помните, какъ онъ хвастался, что пробуравитъ того незнакомца, а незнакомецъ-то, наоборотъ, несмотря на всѣ его бахвальства, самъ пригвоздилъ его къ землѣ. А такъ какъ г. Портосъ человѣкъ очень тщеславный со всѣми, кромѣ герцогини, которую онъ думалъ разжалобить извѣстіемъ о своей неудачѣ, то онъ и не хочетъ никому признаться, что раненъ.

— Такъ значитъ эта рана и удерживаетъ его въ постели?

— Да еще какая ужасная, если бы вы знали! Надо полагать, что вашъ другъ живучъ, какъ кошка.

— А вы развѣ присутствовали при дуэли?

— Я слѣдилъ за ними, сударь, изъ любопытства и видѣлъ все сраженіе, но такъ, что сражающіеся меня не видѣли.

— И какъ это все произошло?

— О, дѣло не затянулось, ручаюсь вамъ. Они стали въ позицію; незнакомецъ прибѣгнулъ къ хитрости, сдѣлавъ видъ, что накололся; все это произошло такъ быстро, что когда г. Портосъ приготовился отразить ударъ, шпага противника уже на три дюйма вошла ему въ грудь. Онъ упалъ навзничь. Незнакомецъ тотчасъ же приставилъ ему конецъ шпаги къ горлу, и г. Портосъ, видя себя во власти противника, долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Тогда незнакомецъ спросилъ, какъ его зовутъ, и узнавши, что онъ г. Портосъ, а не г. д'Артаньянъ, подалъ ему свою руку, проводилъ въ гостиницу, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ.

— Итакъ, значитъ, этотъ незнакомецъ имѣлъ что-то противъ д'Артаньяна?

— Кажется, что такъ.

— А вы не знаете, что съ нимъ потомъ сталось?

— Нѣтъ; ни раньше я его никогда не видѣлъ, ни послѣ — нигдѣ не встрѣчалъ.

— Прекрасно, теперь я все знаю, что мнѣ хотѣлось знать. Вы говорите—комната Портоса въ первомъ этажѣ, № 1?

— Да, сударь, самая лучшая во всей гостиницѣ; эту комнату я уже разъ десять имѣлъ случай сдать.

— Не безпокойтесь,—со смѣхомъ отвѣчалъ д'Артаньянъ,—Портосъ заплатитъ вамъ изъ денегъ герцогини Кокенаръ.

— Ахъ, сударь, мнѣ рѣшительно все равно, герцогиня она или прокурорша, лишь бы только она раскошелилась; но вѣдь она положительно отвѣтила, что ей, наконецъ, надоѣли вѣчныя требованія и вѣтренность г. Портоса, и что она ни за что не пришлетъ ему ни гроша.

Когда г. Портосъ приготовился отразить ударъ, шпага противника уже на три дюйма вошла ему въ грудь. Онъ упалъ навзничь.

— А вы передали этотъ отвѣтъ вашему постояльцу?

— Ну, нѣтъ, мы поостереглись передавать подобный отвѣтъ; тогда бы онъ догадался, какъ мы исполнили его порученіе.

— Значитъ, онъ все еще ждетъ денегъ?

— О, да! Вчера онъ снова написалъ ей, но на этотъ разъ письмо снесъ на почту его слуга.

— И вы говорите, что прокурорша стара и дурна собой?

— Ей, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ лѣтъ, сударь, и, по словамъ Пато, она вовсе некрасива.

— Въ такомъ случаѣ, будьте покойны: она смягчится; къ тому же Портосъ не могъ вамъ задолжать особенно много.

— Какъ не много! Ужъ около двадцати пистолей, не считая доктора. О! онъ ни въ чемъ себѣ не отказываетъ, видно, что онъ привыкъ хорошо жить.

— Ну, такъ что же! Если его любовница откажется отъ него, то могу васъ увѣрить, что друзья его не оставятъ. Итакъ, мой дорогой хозяинъ, не безпокойтесь ни о чемъ и продолжайте заботиться о немъ, какъ того требуетъ его положеніе.

— Вы обѣщали мнѣ, сударь, не говорить ему ни о прокуроршѣ ни о ранѣ.

— Это дѣло рѣшенное; вѣдь я далъ вамъ честное слово.

— О, если онъ узнаетъ, онъ навѣрное убьетъ меня!

— Не бойтесь, онъ совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ кажется.

Съ этими словами, д'Артаньянъ поднялся по лѣстницѣ въ первый этажъ и, войдя въ коридоръ, постучался у двери, на которой крупнымъ, жирнымъ шрифтомъ, черной краской, было намалевано № 1.

— Войдите!—послышался голосъ извнутри, и д'Артаньянъ вошелъ.

Портосъ лежалъ на постели и игралъ съ Мускетономъ въ ландскнетъ, „чтобъ не разучиться". Надъ огнемъ на вертелѣ жарились рябчики, а по угламъ большого камина, на двухъ жаровняхъ, кипѣли двѣ кастрюли, откуда по всей комнатѣ распространялся смѣшанный запахъ фрикассе изъ кроликовъ и рыбы, пріятно щекотавшій обоняніе. Верхняя часть конторки и мраморная доска комода были сплошь заставлены пустыми бутылками.

При видѣ друга, Портосъ радостно вскрикнулъ, а Мускетонъ всталъ почтительно и, уступивъ ему свое мѣсто, отошелъ къ камину, къ двумъ кипѣвшимъ кастрюлямъ, за которыми повидимому, онъ наблюдалъ съ особенной любовью.

— А! да неужели это вы?—сказалъ Портосъ д'Артаньяну.—Добро пожаловать, желанный гость! Прошу извинить меня, что не всталъ вамъ навстрѣчу. Но,—прибавилъ онъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ глядя на д'Артаньяна,—вы знаете, что со мной случилось?

— Нѣтъ.

— Хозяинъ вамъ ничего не говорилъ?

— Я спросилъ про васъ и прошелъ прямо сюда.

Портосъ какъ будто вздохнулъ свободнѣе.

— Но, что же съ вами случилось, мой дорогой Портосъ?—продолжалъ д'Артаньянъ.

— А то случилось, что когда я напалъ на своего противника, которому уже нанесъ три удара, и четвертымъ хотѣлъ было совсѣмъ его приколоть, я наткнулся ногой на камень и ранилъ себѣ колѣно.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Клянусь честью! Это было счастье для бездѣльника, потому что я не выпустилъ бы его иначе, какъ пришибивъ на мѣстѣ.

— А что же съ нимъ сталось?

— О право не знаю, съ него было довольно и этого: онъ уѣхалъ, не дожидаясь конца. Ну, а вы, мой дорогой д'Артаньянъ, что съ вами случилось?

— Такъ что только этотъ ушибъ удерживаетъ васъ въ постели, милый Портосъ?—продолжалъ д'Артаньянъ.

— Ахъ, Боже мой! Да ничего больше; впрочемъ, черезъ нѣсколько дней я уже буду на ногахъ.

— Отчего же, въ такомъ случаѣ, вы не велѣли перевезти себя въ Парижъ? Вы, должно-быть, здѣсь смертельно скучаете?

— Таково было и мое намѣреніе; но, любезный другъ, я долженъ признаться вамъ кое въ чемъ.

— Въ чемъ же?

— Мнѣ было страшно скучно, какъ это вы сами сейчасъ замѣтили, въ карманѣ у меня еще болтались данныя вами семьдесятъ пять пистолей, и вотъ, чтобъ разсѣяться, я велѣлъ пригласить къ себѣ наверхъ остановившагося въ этотъ день въ гостинницѣ какого-то проѣзжаго дворянина. Когда тотъ пришелъ, я предложилъ ему сыграть со

мной партію въ кости. Онъ согласился и, честное слово, мои семьдесятъ пять пистолей очень быстро перешли изъ моего кармана въ его. Я проигралъ въ этотъ вечеръ не только всѣ деньги, но и лошадь, которую онъ тоже увелъ съ собой. Но, что же вы мнѣ не скажете ничего о себѣ, мой дорогой д'Артаньянъ?

— Чего вамъ еще надо, Портосъ, нельзя же во всемъ быть счастливымъ? — сказалъ д'Артаньянъ. — Развѣ вы не знаете пословицы: „кто несчастливъ въ игрѣ, счастливъ въ любви". Вы слишкомъ счастливы въ любви, чтобы игра не мстила вамъ за себя! Эка важность, что вы проиграли! Развѣ ваша герцогиня откажется когда нибудь притти къ вамъ на помощь?

— Конечно,—отвѣчалъ Портосъ, нисколько не смущаясь,—поэтому я и написалъ ей, чтобъ она прислала мнѣ хоть пятьдесятъ луидоровъ, для нея это пустяки, а мнѣ они необходимы, я находился въ такомъ положеніи...

— Ну, и что же?

— Должно-быть, она была въ своихъ помѣстьяхъ, такъ какъ не отвѣчала мнѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, не отвѣчала. Поэтому вчера я послалъ ей второе письмо, еще болѣе убѣдительное, чѣмъ первое. Но вотъ и вы здѣсь, поговоримъ же, мой дорогой, о васъ. Признаюсь, ваша судьба меня очень безпокоила.

При видѣ друга, Портосъ радостно вскрикнулъ, а Мускетонъ всталъ почтительно и, уступивъ свое мѣсто, отошелъ къ камину.

— Кажется, хозяинъ здѣшней гостиницы держитъ себя прекрасно по отношенію къ вамъ, милый Портосъ, — сказалъ д'Артаньянъ, указывая на кастрюли и пустыя бутылки.

— Такъ себѣ, ничего! — отвѣчалъ Портосъ. — Дня три или четыре тому назадъ онъ было попробовалъ подать мнѣ какой-то счетъ, но я вытурилъ его за дверь, вмѣстѣ съ его счетомъ; и вотъ, живу здѣсь и дѣйствую на правахъ побѣдителя, хотя постоянно ожидаю осады и потому, какъ видите, вооруженъ съ головы до ногъ.

— Однакоже,—сказалъ смѣясь д'Артаньянъ, указывая на кастрюли и бутылки,—мнѣ кажется, время отъ времени вы дѣлаете вылазки?

— Только не я, къ несчастью! — отвѣчалъ Портосъ. — Проклятая нога держитъ меня въ постели. Зато Мускетонъ часто предпринимаетъ развѣдки въ непріятельскій лагерь и добываетъ припасы. Мускетонъ,

мой другъ,—продолжалъ Портосъ обращаясь къ слугѣ,—видишь, къ намъ подошло подкрѣпленіе, я думаю, понадобится добавленіе къ провіанту.

— Мускетонъ,—сказалъ д'Артаньянъ,—окажи мнѣ услугу.

— Какую, сударь?

— Сообщи свой рецептъ Планше. Я вѣдь тоже, въ свою очередь, могу быть осажденнымъ и нисколько не буду въ претензіи, если онъ окружитъ меня тѣми же удобствами, какими ты окружаешь своего барина.

— О,—отвѣчалъ съ самымъ скромнымъ видомъ Мускетонъ,—ничего нѣтъ легче! Нужно быть ловкимъ, вотъ и все. Я былъ воспитанъ въ деревнѣ, а мой отецъ въ тяжелыя минуты жизни занимался немножко браконьерствомъ.

— А чѣмъ онъ вообще занимался?

— Онъ занимался ремесломъ очень прибыльнымъ, по моему мнѣнію.

— Какимъ же именно?

— Такъ какъ во время войны католиковъ съ протестантами онъ видѣлъ, что католики истребляютъ гугенотовъ, а гугеноты—католиковъ, и все это во имя религіи, то онъ создалъ себѣ свою особенную, смѣшанную религію, позволявшую ему быть то католикомъ, то гугенотомъ, смотря по надобности. Такъ, напримѣръ, онъ имѣлъ обыкновеніе каждый вечеръ прогуливаться со своимъ мушкетомъ на плечѣ за придорожными изгородями. Если въ это время мимо него проходилъ католикъ, то мой отецъ немедленно дѣлался протестантомъ и прицѣливался въ одинокаго путешественника. Когда путешественникъ находился отъ него шагахъ въ десяти, то между нимъ и отцомъ начинались обыкновенно переговоры, почти всегда кончавшіеся тѣмъ, что путешественникъ, ради спасенія своей жизни, оставлялъ отцу свой кошелекъ. Само собой разумѣется, что когда онъ сталкивался съ гугенотомъ, его охватывало такое страстное усердіе къ католической вѣрѣ, что онъ даже не понималъ, какимъ образомъ, четверть часа тому назадъ онъ могъ сомнѣваться въ преимуществахъ нашей святой религіи; самъ я, сударь, католикъ, а брата моего отецъ, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, сдѣлалъ гугенотомъ.

— А какъ кончилъ этотъ достойный человѣкъ?—спросилъ д'Артаньянъ.

— О! Самымъ несчастнымъ образомъ, сударь. Однажды, онъ очутился на пустынной дорогѣ между гугенотомъ и католикомъ, съ которыми уже имѣлъ дѣло. Тѣ узнали его и, соединившись вмѣстѣ, повѣсили бѣднягу на деревѣ, а потомъ пришли похвастаться своей прекрасной выходкой въ кабачокъ ближайшей деревни, гдѣ какъ разъ въ это время я и братъ пили вино.

— Что жъ вы сдѣлали?

— Мы дали имъ докончить свой разсказъ,—продолжалъ Мускетонъ.—Потомъ, когда они вышли изъ кабачка и разошлись въ разныя стороны, братъ сѣлъ въ засаду на католика, а я—на протестанта. Черезъ два часа все было окончено—мы распорядились, какъ слѣдуетъ, каждый со своимъ, дивясь предусмотрительности нашего бѣднаго родителя, воспитавшаго насъ въ разныхъ религіяхъ.

— Дѣйствительно, по твоему разсказу, Мускетонъ, видно, что отецъ вашъ былъ не дуракъ. А въ тяжелыя минуты, ты говоришь, онъ занимался еще браконьерствомъ?

— Да, сударь, онъ и научилъ меня ставить силки и забрасывать удочки. Когда я увидѣлъ, что нашъ плутъ-хозяинъ сталъ кормить насъ жирнымъ мясомъ, годнымъ лишь для мужиковъ, но никакъ не для нашихъ слабыхъ желудковъ, я снова понемножку принялся за старое ремесло. Прогуливаясь въ княжескомъ лѣсу, я ставилъ силки, а валяясь по берегамъ рѣчекъ его сіятельства, налаживалъ удочки. Такимъ образомъ, съ Божьей помощью, мы теперь не нуждаемся, какъ вы можете, сударь, сами удостовѣриться, ни въ куропаткахъ, ни въ кроликахъ, ни въ карпахъ и угряхъ, — все здоровой и легкой пищѣ, приличной для больныхъ.

— Но вино, — сказалъ д'Артаньянъ. — Кто снабжаетъ васъ виномъ? Хозяинъ?

— Да какъ сказать? И да, и нѣтъ.

— Какъ это: и да, и нѣтъ?

— Снабжаетъ-то онъ, это вѣрно, только онъ не знаетъ, что удостоенъ этой чести.

— Объяснись, Мускетонъ. Твоя бесѣда необыкновенно поучительна.

— Извольте, сударь. Случай натолкнулъ меня, во время моихъ скитаній, на одного испанца, видѣвшаго много странъ и, между прочимъ, Новый Свѣтъ.

— Какое же отношеніе можетъ имѣть Новый Свѣтъ къ этимъ бутылкамъ на конторкѣ и на комодѣ?

— Терпѣніе, сударь, всему свой чередъ.

— Справедливо, Мускетонъ; полагаюсь на тебя и слушаю.

— Испанецъ этотъ имѣлъ слугу, сопровождавшаго его въ путешествіи по Мексикѣ. Слуга этотъ былъ моимъ соотечественникомъ, и мы сошлись другъ съ другомъ еще скорѣе, потому что въ нашихъ характерахъ было много общаго. Оба мы любили болѣе всего охоту; онъ разсказывалъ мнѣ, какъ туземцы охотятся въ пампасахъ на тигровъ и быковъ съ простыми затяжными арканами, лассо. Сначала я не хотѣлъ вѣрить, чтобы можно было достигнуть такой ловкости—кидать веревку, куда захочется, за двадцать или тридцать шаговъ, но, сдѣлавъ опытъ, долженъ былъ признать справедливость его словъ. Мой новый другъ ставилъ въ тридцати шагахъ бутылку и каждый разъ ловилъ ее въ петлю за горлышко. Я сталъ тоже упражняться въ этомъ искусствѣ, и, такъ какъ природа одарила меня нѣкоторыми способностями, то я научился закидывать лассо не хуже уроженца тѣхъ странъ. Ну-съ, теперь вы понимаете въ чемъ дѣло? У нашего хозяина есть превосходный винный погребъ, ключъ отъ котораго онъ всегда держитъ при себѣ; только, этотъ погребъ имѣетъ отдушину. Вотъ черезъ эту-то отдушину я и закидываю лассо, а такъ какъ я знаю въ которомъ уголку стоятъ бутылочки съ лучшимъ виномъ, то мнѣ и нетрудно вылавливать ихъ оттуда. Такъ, вотъ, сударь, въ какомъ отношеніи находится Новый Свѣтъ къ бутылкамъ, стоящимъ на конторкѣ и на комодѣ. А теперь, не угодно ли вамъ попробовать нашего винца и безъ всякаго предубѣжденія сказать, какъ вы его находите?

— Спасибо, любезный другъ, спасибо, но, къ несчастью, я только что плотно закусилъ.

— Накрывай, однако, на столъ, Мускетонъ, — сказалъ Портосъ, — а пока мы будемъ завтракать, д'Артаньянъ разскажетъ намъ о себѣ.

— Охотно, — отвѣчалъ д'Артаньянъ.

Въ то время, какъ Портосъ и Мускетонъ уничтожали свой завтракъ съ настоящимъ аппетитомъ выздоравливающихъ больныхъ и съ тѣмъ братскимъ согласіемъ, которое сближаетъ людей въ несчастіи, д'Артаньянъ разсказалъ имъ, почему раненый Арамисъ принужденъ былъ остаться въ Кревкёрѣ, какъ Атосъ остался въ Амьенѣ, отбояриваясь отъ четырехъ господъ, обвинявшихъ его въ производствѣ фальшивой монеты и, какъ онъ, д'Артаньянъ, долженъ былъ убить графа Варда, чтобы доѣхать до Лондона.

Черезъ отдушину я и закидываю лассо, а такъ какъ я знаю въ которомъ уголку стоятъ бутылочки съ лучшимъ виномъ, то мнѣ и нетрудно вылавливать ихъ оттуда.

На этомъ д'Артаньянъ и остановился, не желая откровенничать дальше. Онъ добавилъ только, что на возвратномъ пути изъ Англіи купилъ четырехъ великолѣпныхъ лошадей, одну для себя, а остальныхъ для каждаго изъ своихъ товарищей, и что лошадь, предназначенная Портосу, уже водворена въ конюшнѣ хозяина гостиницы. Въ эту минуту вошелъ Планше; онъ пришелъ доложить своему барину, что лошади уже достаточно отдохнули, и что можно смѣло отправиться на ночлегъ въ Клермонъ.

Такъ какъ д'Артаньянъ почти успокоился на счетъ Портоса и ему хотѣлось поскорѣе получить извѣстіе относительно двухъ другихъ своихъ друзей, то онъ всталъ, протянулъ руку больному и сказалъ, что, какъ ему ни непріятно оставлять его въ одиночествѣ, но онъ долженъ пуститься снова въ путь, для дальнѣйшихъ развѣдокъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, если Портосъ останется въ этой гостиницѣ еще на недѣльку, то на возвратномъ пути, предполагая ѣхать той же дорогой, онъ готовъ взять его съ собой.

Портосъ отвѣчалъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, больная нога удержитъ его это время въ Шантильи, къ тому же ему даже необходимо было дождаться отвѣта отъ герцогини.

Д'Артаньянъ пожелалъ ему, чтобъ этотъ отвѣтъ пришелъ какъ можно скорѣе, и чтобъ онъ былъ благопріятенъ. Затѣмъ, поручивъ раненаго попеченіямъ Мускетона и заплативъ по счету въ гостиницѣ, молодой человѣкъ вскочилъ на лошадь и помчался по дорогѣ въ Клермонъ. Планше, у котораго въ поводу оказалось уже одной лошадью меньше, помчался слѣдомъ за нимъ.

Д'Артаньянъ же оставался совершенно равнодушнымъ къ энтузіазму черныхъ рясъ.

— О, восхитительная! prorsus admirabile!—продолжалъ Арамисъ.— Но только эта тема требуетъ серіознаго и глубокаго изученія твореній отцовъ Церкви и св. Писанія, а я долженъ сознаться, что безсонныя ночи въ караулахъ и вообще королевская служба принудили меня немного запустить научныя занятія. Вотъ почему я чувствовалъ бы себя болѣе свободнымъ, facilius natans, въ темѣ, выбранной лично мною. По отношенію къ этимъ строгимъ богословскимъ вопросамъ, она играла бы ту же роль, какъ метафизика и нравственность по отношенію къ философіи.

Арамисъ взглянулъ на д'Артаньяна. Тотъ зѣвалъ съ опасностью вывихнуть себѣ челюсть.

Д'Артаньянъ жестоко скучалъ, кюре также.

— Посмотрите, какое вступленіе! — вскричалъ іезуитъ.

— Exordium, — повторилъ кюре, чтобъ только не оставаться безгласнымъ.

— Quemadmodum inter coelorum immensitatem.

Арамисъ взглянулъ на д'Артаньяна. Тотъ зѣвалъ съ опасностью вывихнуть себѣ челюсть.

— Будемъ говорить по-французски, отецъ мой,— сказалъ Арамисъ іезуиту.— Г. д'Артаньянъ живѣе будетъ чувствовать наслажденіе отъ нашей бесѣды.

— Да, я утомился съ дороги, — проговорилъ д'Артаньянъ, — и вся эта латынь, признаться, ускользаетъ отъ меня.

— Согласенъ, — отвѣчалъ іезуитъ, понявшій, въ чемъ дѣло, тогда какъ кюре, воспрянувъ духомъ, бросилъ на д'Артаньяна взглядъ, полный признательности.

— Итакъ, посмотримъ, что можно извлечь изъ этого вступленія.

— Моисей, служитель Бога... Онъ только служитель, замѣтьте хорошенько! Моисей благословляетъ руками; онъ заставляетъ поддерживать свои руки въ то время, когда евреи сражаются съ врагами; значитъ, онъ благословляетъ обѣими руками. Затѣмъ евангелистъ говоритъ: „Imponite manus“, а не manum! Возлагайте руки, а не руку!

— Возлагайте руки, — повторилъ кюре, дѣлая соотвѣтствующій жестъ руками.

— У апостола Петра, коего намѣстники папы,—продолжалъ іезуитъ,—напротивъ: „Porrige digitos“, простри персты; поняли вы теперь, въ чемъ дѣло?

— Конечно, — отвѣчалъ Арамисъ, — хотя это вещь мудреная.

— Персты!—началъ снова іезуитъ.—Апостолъ Петръ благословляетъ перстами. Папа, значитъ, тоже благословляетъ перстами. А сколькими перстами благословляетъ онъ? Тремя: во имя Отца, и Сына, и Св. Духа.

Всѣ перекрестились. Д'Артаньянъ счелъ нужнымъ послѣдовать ихъ примѣру.

— Папа намѣстникъ апостола Петра и олицетворяетъ собой три божественныя власти. Остальныя лица церковной іерархіи, ordines inferiores, благословляютъ именемъ архангеловъ и ангеловъ. Самые же низшіе церковнослужители, какъ напримѣръ, діаконы, ключари, ризничіе и прочіе, благословляютъ кропилами, уподобляющимся въ такихъ случаяхъ безконечному числу перстовъ. Вотъ вамъ упрощенный сюжетъ, argumentum omni denudatum ornamento. Мнѣ хватитъ его на два такихъ тома, — закончилъ свою рѣчь іезуитъ и, въ порывѣ энтузіазма, онъ хлопнулъ рукою по твореніямъ св. Іоанна Златоуста in-folio съ такой силой, что задрожалъ столъ.

Д'Артаньянъ вздрогнулъ.

— Конечно, — сказалъ Арамисъ, — я отдаю справедливость красотамъ этого тезиса, но въ то же время сознаюсь, что онъ подавляетъ меня. Я избралъ такой текстъ; скажите мнѣ, дорогой д'Артаньянъ, нравится ли онъ вамъ: „Non inutile est desiderium in oblatione“, или, еще лучше: въ молитвѣ, посвященной Богу, сѣтованія и печаль неприличны.

— Остановитесь! — вскричалъ іезуитъ. — Этотъ тезисъ клонится къ ереси. Почти подобная же мысль проведена въ „Augustinus'ѣ ересіарха Янсенія, книгѣ, которая, рано или поздно, будетъ сожжена рукой палача. Берегитесь, мой юный другъ! Вы склоняетесь къ ложнымъ доктринамъ, вы губите себя!

— Вы губите себя, — поддакнулъ кюре, печально качая головой.

— Вы становитесь на извѣстную точку толкованія свободной воли, составляющую гибельный соблазнъ. Вы прямо сходитесь съ заблужденіями послѣдователей Пелагія и полупелагіевъ.

— Но, ваше преподобіе... — возразилъ Арамисъ, нѣсколько ошеломленный всѣмъ этимъ градомъ, сыпавшихся на его голову аргументовъ.

— Какъ докажете вы, — продолжалъ іезуитъ, — не давая говорить ему, — что должно сожалѣть о мірѣ, когда посвящаешься Богу? Вотъ вамъ

дилемма: Богъ есть Богъ, а міръ — діаволъ. Скорбѣть о мірѣ, значитъ скорбѣть о діаволѣ. Вотъ вамъ мой выводъ.

— И мой также, — сказалъ кюре.

— Но помилуйте!.. — возразилъ Арамисъ.

— Desideras diabolum, несчастный! — вскричалъ іезуитъ.

— Сожалѣетъ о діаволѣ! О, мой юный другъ, — снова началъ кюре со вздохомъ, — не сожалѣйте о діаволѣ, умоляю васъ!

Д'Артаньянъ началъ чувствовать, что впадаетъ въ идіотизмъ; ему казалось, что онъ попалъ въ сумасшедшій домъ, и что онъ также сойдетъ съ ума, какъ и тѣ, которыхъ онъ видитъ передъ собой.

Только ему приходилось все время молчать, такъ какъ онъ не понималъ языка говорившихъ.

— Но, выслушайте же меня, — возразилъ Арамисъ изысканно вѣжливымъ тономъ, хотя сквозь эту вѣжливость и начинало уже проглядывать нѣкоторое нетерпѣніе. — Развѣ я говорю, что я сожалѣю? Вовсе нѣтъ, я никогда не произнесъ бы фразы, противной понятіямъ истинной Церкви...

Іезуитъ поднялъ руки къ небу, кюре сдѣлалъ тоже.

— Нѣтъ, но сознайтесь, по крайней мѣрѣ, что недостойно посвящать Господу только то, что уже окончательно опротивѣло. Правъ ли я, д'Артаньянъ?

— Я полагаю, что такъ! — воскликнулъ тотъ.

Кюре и іезуитъ привскочили на стульяхъ.

— Моя точка отправленія — силлогизмъ: міръ не лишенъ обаянія, я оставляю этотъ міръ, слѣдовательно, я приношу жертву. А св. Писаніе положительно говоритъ: Воздайте жертву Господу.

— Это правда, — сказали оба противника.

Арамисъ, пощипывая себя за ухо, чтобъ оно порозовѣло, продолжалъ:

— Я написалъ на этотъ сюжетъ рондо и въ прошломъ году сообщилъ его г-ну Вуатюру; тому очень понравилось, онъ наговорилъ мнѣ по поводу этого тысячу комплиментовъ.

— Рондо! — процѣдилъ іезуитъ съ пренебреженіемъ.

— Рондо! — машинально произнесъ кюре.

— Прочтите его, прочтите! — вскричалъ д'Артаньянъ. — Это насъ развлечетъ хоть немножко.

— Нѣтъ, оно въ религіозномъ духѣ, — отвѣчалъ Арамисъ, — это богословіе въ стихахъ.

— Чортъ возьми! — вырвалось у д'Артаньяна.

— Вотъ оно, — сказалъ Арамисъ, съ скромнымъ видомъ, не лишеннымъ, однако, нѣкоторой доли притворства.

Vous, qui pleurez un passé plein de charmes,
Et qui traînez des jours infortunés,
Tous vos malheurs se verront terminés, —
Quand à Dieu seul vous offrirez,
Vous qui pleurez.

Вы, оплакивающіе полное очаровательныхъ прелестей прошлое,
Влачащіе несчастные дни, —
Всѣ ваши невзгоды окончатся,
Если единому Богу слезы свои прольете,
Вы, плачущіе.

Д'Артаньянъ и кюре, повидимому, остались очень довольны, іезуитъ же продолжалъ настаивать на своемъ.

— Избѣгайте въ богословскомъ стилѣ мірскаго вкуса. Что говоритъ въ самомъ дѣлѣ св. Августинъ? Severus sit clericorum sermo.

— Да, чтобъ проповѣдь была понятна, — пояснилъ кюре. Іезуитъ, видя, что кюре перевираетъ, поспѣшилъ перебить его.

— А вашъ тезисъ понравится женщинамъ, вотъ и все. Онъ будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ тяжба m-me Патрю.

— На то воля Божья! — воскликнулъ въ восторгѣ Арамисъ.

— Вотъ видите! — воскликнулъ іезуитъ. — Міръ еще сильно говоритъ въ васъ, altissima voce. Міръ еще владѣетъ вами, мой юный другъ, и я трепещу, что благодать не снизойдетъ на васъ.

— Не трепещите, преподобный отецъ, я отвѣчаю за себя.

— Мірская самонадѣянность!..

— Я знаю себя, отецъ мой, мое рѣшеніе непреложно.

— И вы настаиваете на разработкѣ этого тезиса?

— Я чувствую, что призванъ обсудить именно этотъ, а не какой-либо другой. Буду продолжать разрабатывать его и надѣюсь, что завтра вы будете вполнѣ удовлетворены поправками, которыя я сдѣлаю въ немъ, согласно вашимъ указаніямъ.

— Работайте не торопясь, — сказалъ кюре, — мы оставляемъ васъ въ превосходномъ настроеніи.

— Да, нива совсѣмъ засѣяна, — сказалъ іезуитъ, — и намъ нечего бояться, что какая-либо часть сѣмянъ упала на камень или при дорогѣ, и что птицы небесныя поклюютъ остальное, aves coeli comederunt illam.

— Чтобъ чума заѣла тебя съ твоей латынью! — проворчалъ д'Артаньянъ, чувствовавшій, что еще немножко, и силы оставятъ его.

— Прощайте, сынъ мой, — сказалъ кюре, — до завтра.

— До завтра, юный смѣльчакъ, — сказалъ іезуитъ. — Вы обѣщаете сдѣлаться однимъ изъ свѣтилъ св. Церкви, да благоволятъ только небеса, чтобъ свѣтъ этотъ не обратился въ пожирающій пламень!

Д'Артаньяна, грызшаго себѣ уже цѣлый часъ ногти отъ нетерпѣнія, начиналъ разбирать голодъ. Черныя рясы встали, поклонились ему и Арамису и направились къ двери. Базенъ, стоявшій все время при дверяхъ и слушавшій ихъ пренія съ благочестивою радостью, бросился къ нимъ, взялъ ихъ требники и почтительно пошелъ впереди, очищая дорогу.

Арамисъ проводилъ ихъ до самаго конца лѣстницы и тотчасъ же поднялся наверхъ къ д'Артаньяну, все еще остававшемуся въ глубокой задумчивости.

Оставшись одни, оба друга хранили сперва неловкое молчаніе. Однако, нужно же было, чтобъ кто-нибудь первый прервалъ его, и д'Артаньянъ, повидимому, рѣшился предоставить эту честь своему другу.

— Какъ видите, — началъ Арамисъ, — я снова вернулся къ своимъ первоначальнымъ идеямъ.

— Да, васъ осѣнила истинная благодать, какъ сейчасъ говорилъ этотъ господинъ.

— О, эту мечту объ удаленіи изъ міра я лелѣялъ уже давно. Не правда ли, мой другъ, вѣдь вы слышали объ этомъ отъ меня?

— Слышалъ, но, сознаюсь, я думалъ, что вы шутите.

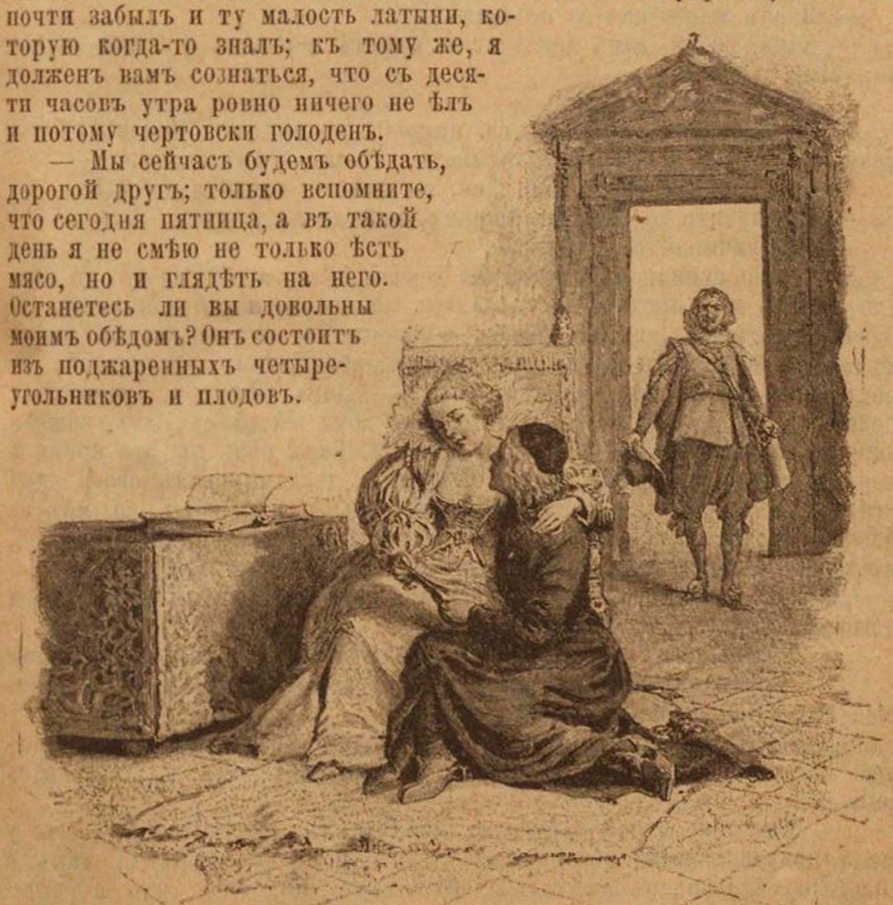
— Т. кими вещами? Д'Артаньянъ!

— Отчего же? И съ смертью часто шутятъ.

— И очень глупо дѣлаютъ, д'Артаньянъ. Смерть это дверь, равно ведущая къ погибели и къ спасенію.

— Согласенъ; но, пожалуйста, перестанемъ богословствовать. На сегодня съ васъ должно быть довольно всей этой мудрости, а я — я почти забылъ и ту малость латыни, которую когда-то зналъ; къ тому же, я долженъ вамъ сознаться, что съ десяти часовъ утра ровно ничего не ѣлъ и потому чертовски голоденъ.

— Мы сейчасъ будемъ обѣдать, дорогой другъ; только вспомните, что сегодня пятница, а въ такой день я не смѣю не только ѣсть мясо, но и глядѣть на него. Останетесь ли вы довольны моимъ обѣдомъ? Онъ состоитъ изъ поджаренныхъ четыреугольниковъ и плодовъ.

Та страшно расхвалила меня и, склонившись ко мнѣ на плечо, перечитывала ихъ вмѣстѣ со мной. Поза ея, по правдѣ сказать, нѣсколько непринужденная, оскорбила этого офицера.

— Что это за четыреугольники? — спросилъ съ безпокойствомъ д'Артаньянъ.

— Четыреугольники — это гренки со шпинатомъ, — отвѣчалъ Арамисъ. — Такъ и быть, для васъ я прибавлю яйца, хотя это и большое нарушеніе поста: яйца суть мясо, ибо изъ яицъ вылупляются цыплята. Угощеніе не питательное, но, что же дѣлать, чтобы провести время съ вами, я приму его.

— Благодарю васъ за жертву, — сказалъ д'Артаньянъ. — Если это не принесетъ пользы вашей плоти, то будьте увѣрены, принесетъ

пользу вашей душѣ. Итакъ, Арамисъ, вы рѣшительно посвящаете себя религіи? А что скажутъ наши друзья, г. де-Тревилль? Они васъ, навѣрное, сочтутъ за дезертира, предупреждаю васъ.

— Я не посвящаю себя религіи, а возвращаюсь къ ней. Я измѣнилъ Церкви для міра, такъ какъ вы знаете, что я вынужденъ былъ обстоятельствами надѣть мушкетерскій мундиръ.

— Я объ этомъ ничего не знаю.

— Какъ, развѣ вамъ неизвѣстно, какимъ образомъ я покинулъ семинарію?!

— Нѣтъ, неизвѣстно.

— Вотъ моя исторія; въ св. писаніи говорится: „Исповѣдуйтесь другъ другу", и я буду исповѣдываться, вамъ, д'Артаньянъ.

— А я заранѣе разрѣшаю васъ, вы видите, какой я добрый.

— Не шутите со святыми вещами, мой другъ.

— Ну, начинайте, я слушаю.

„— Я поступилъ въ семинарію девяти лѣтъ, а за три дня до двадцати лѣтъ мнѣ предстояло сдѣлаться аббатомъ, и все кончилось бы. Однажды вечеромъ, я, по своему обыкновенію, отправился въ одинъ домъ, гдѣ бывалъ всегда съ большимъ удовольствіемъ, — молодость беретъ свое, что хотите, человѣкъ слабъ, — одинъ офицеръ, смотрѣвшій ревнивымъ окомъ на мои чтенія хозяйкѣ дома житій святыхъ, вошелъ вдругъ въ комнату безъ всякаго доклада. Какъ разъ въ это время я перевелъ одно мѣсто изъ Юдиѳи и, помню, декламировалъ своей дамѣ стихи; та страшно расхваливала меня и. склонившись ко мнѣ на плечо, перечитывала ихъ вмѣстѣ со мной. Поза ея, по правдѣ сказать, нѣсколько непринужденная, оскорбила этого офицера.

„Онъ не сказалъ ничего, но когда я вышелъ, онъ вышелъ тоже и догналъ меня.

„— Милый аббатъ,— сказалъ онъ,— любите ли вы палочные удары?

„— Ничего не могу вамъ сказать, сударь, — отвѣчалъ я, — никто еще не осмѣливался давать ихъ мнѣ.

„— Ну, такъ слушайте же меня, господинъ аббатъ: если вы вернетесь въ домъ, гдѣ я васъ встрѣтилъ сегодня вечеромъ, я угощу васъ ими.

„— Кажется, что я струсилъ, поблѣднѣлъ, почувствовалъ, что у меня подкашиваются ноги, искалъ отвѣта и не находилъ, да такъ и промолчалъ. Офицеръ ожидалъ этого отвѣта, но, видя, что я растерялся, онъ принялся хохотать, потомъ повернулъ мнѣ спину и вернулся въ домъ. А я возвратился въ семинарію.

„— Я хорошій дворянинъ, и кровь у меня горячая, какъ вы могли замѣтить, мой дорогой д'Артаньянъ. Оскорбленіе было жестоко, и хотя для свѣта оно оставалось неизвѣстнымъ, но я чувствовалъ, что оно живетъ и шевелится глубоко въ моемъ сердцѣ. Я объявилъ начальству, что чувствую себя недостаточно подготовленнымъ къ посвященію, и, по моей просьбѣ, церемонію отложили еще на годъ. Тогда, разыскавъ лучшаго учителя фехтованія въ Парижѣ, я заключилъ съ нимъ условіе на ежедневные уроки и въ продолженіи цѣлаго года, каждый день прилежно бралъ эти уроки. Потомъ, въ годовщину того дня, когда я былъ оскорбленъ, я повѣсилъ на гвоздь свою сутану, надѣлъ полный костюмъ дворянина и отправился на балъ, даваемый дамой сердца

дного моего друга. Я зналъ, что на этомъ балу встрѣчу своего врага. Это было на улицѣ Франкъ-Буржуа, совсѣмъ близко отъ де-ла-Форсъ.

„Дѣйствительно, мой офицеръ былъ тамъ; я подошелъ къ нему нарочно, въ то время, когда онъ, нѣжно поглядывая на какую-то даму, напѣвалъ ей жалобную, любовную пѣсню, и прервалъ его въ самой серединѣ второго куплета.

„— Милостивый государь,—сказалъ я ему,—вамъ продолжаетъ все еще не нравиться, чтобъ я возвратился въ извѣстный вамъ домъ на извѣстной вамъ улицѣ, и вы все еще не отказались отъ намѣренія отколотить меня, если мнѣ вздумается ослушаться васъ?

„Офицеръ поглядѣлъ на меня съ удивленіемъ.

„— Что вамъ угодно отъ меня, сударь? Я васъ совсѣмъ не знаю.

„— Я маленькій аббатъ, читавшій житія святыхъ и переводившій книгу Юдиѳь стихами.

„— Да! вспоминаю,—сказалъ насмѣшливо офицеръ.—Что же вамъ отъ меня угодно?

„— Мнѣ угодно, чтобы вы выбрали свободное время и совершили со мной небольшую прогулку.

„— Съ большимъ удовольствіемъ, завра утромъ, если вы желаете.

„— Нѣтъ, совсѣмъ не завтра утромъ, а сію минуту, если вы позволите.

„— Если вы этого непремѣнно требуете...

„— Да, требую.

„— Въ такомъ случаѣ, отправимтесь. Не безпокойтесь, mesdames. Чтобъ убить этого господина нужно немного времени, и я не замедлю вернуться, чтобъ окончить вамъ послѣдній куплетъ.

„Мы вышли.

„Я привелъ его въ улицу Пейеннъ, именно на то мѣсто, гдѣ годъ тому назадъ, часъ въ часъ, онъ оскорбилъ меня. Была превосходная лунная ночь. Мы скрестили шпаги, и при первомъ выпадѣ я убилъ его наповалъ".

— Чортъ возьми! — воскликнулъ д'Артаньянъ.

— А такъ какъ дамы, — продолжалъ Арамисъ,— не дождались возвращенія своего пѣвца, и его нашли на улицѣ Пейеннъ, пронзеннаго насквозь шпагою, то, разумѣется, всѣ заключили, что это я такъ обработалъ его, и вышелъ скандалъ. Я принужденъ былъ на нѣкоторое время совсѣмъ отказаться отъ сутаны. Атосъ, съ которымъ я познакомился въ это время, и Портосъ, показавшій мнѣ, независимо отъ моихъ уроковъ фехтованія, нѣсколько смѣлыхъ ударовъ рапирою, убѣдили меня проситься въ мушкетеры. Король очень любилъ моего покойнаго отца, убитаго при осадѣ Арраса, и меня приняли. А сегодня, вы понимаете, наступилъ для меня день вернуться снова въ лоно церкви.

— А почему же сегодня, а не вчера и не завтра? Что такое случилось съ вами сегодня, что могло васъ направить на такія недобрыя мысли?

— Эта рана, другъ мой д'Артаньянъ, была мнѣ предвѣстницей неба.

— Эта рана? Ба! она почти зажила, и я увѣренъ, что сегодня не она главнымъ образомъ заставляетъ васъ страдать.

— А что же? — спросилъ Арамисъ, краснѣя.

— У васъ сердечная рана, Арамисъ, гораздо болѣе острая и кровавая, — рана, нанесенная женщиной.

Арамисъ невольно сверкнулъ очами.

— Ахъ, — возразилъ онъ, стараясь скрыть свое смущеніе подъ маскою притворнаго равнодушія, — не стоитъ говорить о такихъ вещахъ: мнѣ думать о нихъ! Имѣть любовныя огорченія! Vanitas vanitatum! Что же, по вашему мнѣнію, я потерялъ разумъ, и изъ-за кого же? Изъ какой-то гризетки, горничной, за которыми я ухаживалъ на гарнизонной службѣ, фи!

— Простите, дорогой Арамисъ, но я думалъ, вы мѣтили выше?

— Выше? А что такое, чтобъ имѣть столько самомнѣнія? Бѣдный мушкетеръ, убогій, неизвѣстный, ненавидящій рабство и чувствующій себя въ этомъ свѣтѣ совершенно не на своемъ мѣстѣ.

— Арамисъ! Арамисъ! — воскликнулъ д'Артаньянъ, съ недовѣріемъ глядя на своего друга.

— Прахъ, я обращаюсь въ прахъ. Жизнь полна униженій и горестей, — продолжалъ онъ, впадая въ мрачное настроеніе. — Всѣ нити, привязывающія человѣка къ счастью, рвутся поочереди въ рукахъ его, въ особенности, золотыя нити. О, мой дорогой д'Артаньянъ, — воскликнулъ онъ, съ легкой горечью въ голосѣ, — повѣрьте мнѣ, скрывайте хорошенько ваши раны, когда вамъ придется получить ихъ! Молчаніе — послѣдняя изъ радостей несчастныхъ; остерегайтесь навести кого бы то ни было на слѣдъ своихъ страданій, любопытные высасываютъ наши слезы, какъ муха кровь раненой лани.

И друзья принялись танцовать вокругъ твореній св. Іоанна Златоуста, смѣло топча ногами листки тезиса, свалившіеся со стола. Въ эту минуту въ дверяхъ показался Базенъ съ яичницей и шпинатомъ.

— Увы, милый Арамисъ! — сказалъ д'Артаньянъ, тяжко вздыхая, — вы разсказываете мнѣ собственную мою исторію!

— Какъ такъ?

— Да, женщина, которую я любилъ, обожалъ, похищена отъ меня силою. Я даже не знаю, гдѣ она, куда ее увезли; можетъ-быть, она въ тюрьмѣ, можетъ-быть, она умерла...

— Но у васъ, по крайней мѣрѣ, есть то утѣшеніе, что она покинула васъ недобровольно; если вы не имѣете отъ нея никакихъ извѣстій, то только потому, что всѣ сношенія ея съ вами прерваны, между тѣмъ...

— Между тѣмъ?..

— Нѣтъ ничего, — возразилъ Арамисъ, — ничего...

— Итакъ, вы навсегда отрекаетесь отъ міра. Это рѣшено и ваше рѣшеніе безповоротно?

— Безповоротно. Сегодня вы мой другъ, завтра вы для меня не болѣе, какъ тѣнь, или даже скорѣе, вы ничто для меня. Что же касается до остального свѣта—онъ не болѣе, какъ могила.

— Чортъ возьми! Все это очень грустно, что вы тамъ говорите.

— Что же дѣлать? Меня влечетъ призваніе, оно уноситъ меня.

Д'Артаньянъ улыбнулся и промолчалъ, Арамисъ продолжалъ:

— А между тѣмъ, пока я еще привязанъ къ земному, хотѣлось бы поговорить съ вами о васъ и о нашихъ общихъ друзьяхъ.

— И я хотѣлъ было поговорить съ вами о васъ, да вижу, что вы отреклись отъ всего: любовь презираете; друзья для васъ — тѣни, свѣтъ — могила.

— Увы! Вы сами убѣдитесь въ этомъ по опыту, — проговорилъ Арамисъ со вздохомъ.

— Такъ не будемъ и говорить объ этомъ, — произнесъ д'Артаньянъ, — а лучше сожгемъ это письмо, оно, навѣрное, сообщаетъ вамъ опять какую-нибудь невѣрность вашей горничной или гризетки.

— Какое письмо? — съ живостью воскликнулъ Арамисъ.

— Не знаю, какое-то письмо. Оно пришло къ вамъ на квартиру въ ваше отсутствіе, и мнѣ поручили передать его вамъ.

— Но отъ кого оно?

— Должно-быть, отъ какой-нибудь неутѣшной горничной или разочарованной гризетки. Можетъ-быть, отъ камеристки герцогини де-Шеврёзъ, вынужденной вернуться съ своей г-жей въ Туръ и взявшей для большей важности раздушенную бумагу, а потомъ запечатавшей письмо печатью съ герцогской короной.

— Что вы тамъ говорите?

— Постойте, я, кажется, потерялъ его! — грустнымъ голосомъ сказалъ молодой человѣкъ, дѣлая видъ, что ищетъ письмо. — По счастью, свѣтъ-могила, люди и, по преимуществу, женщины—тѣни; любовь же,— чувство, для васъ уже не существующее!

— Ахъ, д'Артаньянъ, д'Артаньянъ! — воскликнулъ Арамисъ. — Ты, кажется, уморишь меня!

— Наконецъ-то, вотъ оно!—сказалъ д'Артаньянъ, вытаскивая письмо изъ кармана.

Арамисъ привскакнулъ, схватилъ письмо, прочелъ, и лицо его просвѣтлѣло.

— Кажется, что у горничной слогъ недуренъ, — замѣтилъ небрежно исполнитель порученія.

— Благодарю, д'Артаньянъ! — вскричалъ Арамисъ, почти въ упоеніи. — Она принуждена была возвратиться въ Туръ, она не измѣнила мнѣ и любитъ меня попрежнему. Дай, мой другъ, дай разцѣловать тебя; я задыхаюсь отъ счастья!

И друзья принялись танцовать вокругъ твореній св. Іоанна Златоуста, смѣло топча ногами листки тезиса, свалившіеся со стола. Въ эту минуту въ дверяхъ показался Базенъ съ яичницей и шпинатомъ.

— Сгинь, несчастный! — вскричалъ Арамисъ, швыряя ему въ лицо свою скуфью. — Возвращайся туда, откуда пришелъ, неси назадъ эти противные овощи и ужасныя кушанья! Спроси фаршированнаго зайца, жирнаго каплуна, баранину съ чеснокомъ и четыре бутылки стараго бургундскаго!

Базенъ, печально глядѣвшій на своего барина и ничего не понимавшій въ происшедшей съ нимъ перемѣнѣ, машинально вывалилъ яичницу въ шпинатъ, а шпинатъ на полъ.

— Вотъ минута посвятить жизнь монашеству, — сказалъ д'Артаньянъ, — если вы все еще не оставили своего намѣренія: Non inutile desiderium in oblatione.

— Убирайтесь къ чорту со своей латынью! Будемъ пить на радостяхъ, пить много, сколько влѣзетъ! И, дорогой д'Артаньянъ, разскажите мнѣ хоть немножко изъ того, что тамъ подѣлываютъ, въ этомъ свѣтѣ.

Глава XII.

Жена Атоса.

— Теперь, остается только разузнать объ Атосѣ, — сказалъ д'Артаньянъ Арамису, когда разсказъ его о томъ, что произошло въ Парижѣ послѣ ихъ отъѣзда, былъ оконченъ, а превосходный обѣдъ заставилъ одного изъ нихъ забыть свой тезисъ, а другого — усталость.

— Такъ вы думаете, что съ нимъ случилось несчастіе? — спросилъ Арамисъ. — Атосъ такой хладнокровный, храбрый и такъ искусно владѣетъ шпагою.

— О, безъ сомнѣнія, и никто лучше меня не знаетъ храбрости и ловкости Атоса; но я скорѣе предпочту отражать своей шпагой удары копья, чѣмъ палки; я боюсь, какъ бы эта челядь не избила Атоса. Хамово отродье колотитъ крѣпко и не скоро отвязывается. Вотъ почему, признаться сказать, мнѣ и хотѣлось бы отправиться туда какъ можно скорѣе.

— Я постараюсь ѣхать съ вами, — сказалъ Арамисъ, — хотя, чувствую, что едва ли въ состояніи ѣхать верхомъ. Вчера я попробовалъ было постегать себя плетью, вонъ той, что виситъ тамъ на гвоздѣ, да не выдержалъ и страшная боль заставила меня прекратить это благочестивое упражненіе.

— Это оттого, дорогой другъ, что никто не лѣчитъ рану, нанесенную штуцеромъ, ударами молотка; я, по крайней мѣрѣ, никогда не слышалъ о такого рода лѣченіи; но вы были больны, а во время болѣзни голова всегда немножко слаба, и потому я извиняю васъ.

— А когда вы уѣзжаете?

— Завтра, рано утромъ; постарайтесь отдохнуть какъ можно лучше сегодняшней ночью, а завтра, если вы будете въ силахъ, отправимся вмѣстѣ.

— Такъ до завтра, — сказалъ Арамисъ. — Хотя вы и изъ желѣза, но вамъ нуженъ отдыхъ.

На слѣдующій день, когда д'Артаньянъ вошелъ къ Арамису, онъ засталъ его стоящимъ у окна.

— На что вы тамъ смотрите? — спросилъ д'Артаньянъ.

— Да вотъ, любуюсь на этихъ трехъ чудныхъ лошадей: вѣдь это чисто королевское удовольствіе ѣздить на такихъ рысакахъ!

— Дорогой Арамисъ, вы легко можете доставить себѣ это удовольствіе, потому что одна изъ этихъ лошадей — ваша!

— Да неужели?! Но которая же?

— Та, которая вамъ больше нравится, выберите сами: для меня онѣ всѣ равны.

— А богатый чепракъ на ней, тоже мой?

— Конечно.

— Вы смѣетесь, д'Артаньянъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ вы говорите по-французски, я не смѣюсь больше.

— И эти вызолоченные кабуры, эта бархатная попона, это сѣдло, украшенное серебряными гвоздиками — все мое?

— Да, ваше, какъ та лошадь, что не стоитъ на мѣстѣ — моя, а та, что гарцуетъ — Атоса.

— Чортъ возьми! Всѣ три — великолѣпныя животныя.

— Я очень польщенъ тѣмъ, что онѣ вамъ понравились.

— Это король сдѣлалъ вамъ такой подарокъ?

— Одно вѣрно, что не кардиналъ. Но не старайтесь узнавать откуда онѣ; примите только къ свѣдѣнію, что одна изъ этихъ трехъ лошадей — ваша собственность.

— Я беру ту, которую держитъ рыжій конюхъ.

— Прекрасно!

— Слава Богу! — вскричалъ Арамисъ. — Благодаря вашему подарку у меня, кажется, и вся боль прошла. На такого коня я готовъ сѣсть съ тридцатью пулями въ тѣлѣ. Ахъ, ей Богу, какія чудныя стремена! Эй, Базенъ, поди сюда!

Базенъ угрюмый, съ изнуреннымъ видомъ, показался на порогѣ дверей.

— Отточи шпагу, расправь перья на шляпѣ, вычисти плащъ и заряди пистолеты! — приказалъ Арамисъ.

— О пистолетахъ нѣтъ надобности заботиться, — перебилъ его д'Артаньянъ, — въ кобурахъ имѣются уже заряженные.

Базенъ вздохнулъ.

— Полно Базенъ, успокойся, — сказалъ д'Артаньянъ, — царство небесное можно всячески заслужить.

— Баринъ былъ такъ силенъ въ богословіи! — отвѣчалъ Базенъ, чуть не плача. — Онъ сдѣлался бы епископомъ, а, можетъ-быть, и кардиналомъ!

— Ну и что же! Ахъ, ты мой бѣдняга Базенъ, поразмысли-ка хорошенько, къ чему ему быть духовнымъ лицомъ, скажи мнѣ на милость? Развѣ это поможетъ ему избѣжать войны? Ты прекрасно знаешь, что нашъ кардиналъ первый идетъ на войну съ оружіемъ въ рукахъ; а г. де-Ногаре де-ла-Валеттъ, что ты о немъ скажешь? Онъ тоже кардиналъ; спроси-ка у его лакея, сколько разъ онъ приготовлялъ своему барину корпію?

— Увы, — вздохнулъ Базенъ, — я знаю это, сударь; теперь на свѣтѣ все перевернулось вверхъ дномъ.

Молодые люди спустились внизъ.

— Подержи мнѣ стремя, Базенъ, — сказалъ Арамисъ и со своей обычной граціей и легкостью онъ вскочилъ на лошадь; но, при первыхъ же курбетахъ благороднаго животнаго, молодой мушкетеръ почувствовалъ такую страшную боль въ плечѣ, что поблѣднѣлъ и зашатался.

Д'Артаньянъ, заранѣе предвидѣвшій это и потому не упускавшій его изъ виду, въ ту же минуту бросился къ нему, помогъ сойти съ лошади и отвелъ его назадъ въ его комнату.

— Послушайте, дорогой Арамисъ, поберегите себя, я лучше одинъ отправлюсь на поиски за Атосомъ.

— Вы точно изъ бронзы вылиты,—замѣтилъ ему Арамисъ.

— Нѣтъ, мнѣ просто везетъ; но какъ вы будете жить безъ меня? Не будетъ уже больше словопреній о богословіи, а?

Арамисъ улыбнулся.

— Я буду писать стихи, — сказалъ онъ.

— Да, стихи, продушенные запахомъ тѣхъ же духовъ, что и письмо камеристки г-жи де-Шеврёзъ. Обучите Базена просодіи, это его утѣшитъ. Что же касается лошади, то садитесь на нее каждый день ненадолго и понемногу вы пріучитесь снова къ верховой ѣздѣ.

— О, насчетъ этого не безпокойтесь, — отвѣчалъ Арамисъ, — когда вы вернетесь, я буду готовъ ѣхать съ вами.

Они попрощались, и десять минутъ спустя д'Артаньянъ, поручивши своего друга попеченіямъ Базена и добродушной хозяйки, уже скакалъ по дорогѣ къ Амьену.

Какъ найдетъ онъ Атоса и найдетъ ли его еще — вотъ вопросъ?

Положеніе, въ которомъ онъ его оставилъ, было очень критическое; Атосъ легко могъ погибнуть. Эта мрачная мысль заставила его нѣсколько разъ глубоко вздохнуть и поклясться въ душѣ отомстить за товарища. Изъ всѣхъ трехъ друзей Атосъ былъ самый старшій и, повидимому, меньше всѣхъ подходилъ къ его вкусамъ и симпатіямъ, а между тѣмъ, д'Артаньянъ оказывалъ ему всегда замѣтное предпочтеніе. Благородная и аристократическая внѣшность Атоса, эти проблески величія, пробивающіеся время-отъ-времени сквозь тѣнь, которою онъ добровольно окружалъ себя, это невозмутимо-ровное расположеніе духа, дѣлавшее его самымъ покладистымъ товарищемъ въ мірѣ, эта веселость, всегда остроумная и подчасъ язвительная, эта отвага, которую можно было бы назвать слѣпой, если бы она не была слѣдствіемъ самаго рѣдкаго хладнокровія—всѣ эти качества возбуждали къ нему въ молодомъ беарнцѣ болѣе чѣмъ дружбу, болѣе чѣмъ уваженіе. Они возбуждали въ немъ благоговѣніе.

Дѣйствительно, Атосъ, въ тѣ дни, когда онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, могъ смѣло выдержать сравненіе даже съ де-Тревилемъ, изящнѣйшимъ и благороднѣйшимъ изъ придворныхъ. Онъ былъ средняго роста, но при этомъ такъ строенъ и такъ пропорціонально сложенъ, что не разъ, въ борьбѣ съ Портосомъ, онъ одолѣвалъ этого гиганта, физическая сила котораго вошла въ пословицу среди мушкетеровъ; его голова съ пронизывающими глазами, прямымъ носомъ и подбородкомъ Брута, носила неподдающійся описанію характеръ величія и граціи: его руки, о которыхъ онъ совершенно не заботился, приводили въ отчаяніе Арамиса, холившаго свои съ помощью миндаль-

наго тѣста и душистыхъ маселъ; звукъ его голоса былъ убѣдительный и вмѣстѣ съ тѣмъ мелодичный, и потомъ, что было положительно необъяснимо въ Атосѣ, старавшемся всегда оставаться въ тѣни и незамѣтнымъ,—это знаніе свѣта и обычаевъ самаго блестящаго общества, привычки природнаго аристократа такъ и сквозившія, какъ бы помимо его вѣдома, во всѣхъ его малѣйшихъ дѣйствіяхъ. Касалось ли дѣло пира, никто лучше Атоса не сумѣлъ устроить его, никто лучше не зналъ, какъ разсадить гостей за столомъ, сообразно знатности ихъ происхожденія или личныхъ достоинствъ. Касалось ли дѣло геральдики—Атосъ зналъ всѣ дворянскія фамиліи въ королевствѣ, ихъ генеалогію, родственныя связи, гербы и ихъ происхожденіе. Въ придворномъ этикетѣ не было ни одной мелочи, ему неизвѣстной. Онъ зналъ какія права были у крупныхъ вассаловъ; зналъ въ совершенствѣ всѣ правила псовой и соколиной охоты и однажды, бесѣдуя объ этомъ великомъ искусствѣ, онъ удивилъ даже самого короля Людовика XIII, считавшагося, между тѣмъ, знатокомъ этого дѣла.

Какъ всѣ знаменитые вельможи этой эпохи, онъ ѣздилъ верхомъ и владѣлъ оружіемъ въ совершенствѣ. Болѣе того, онъ былъ такъ высоко образованъ, что прекрасно зналъ даже схоластическія науки, почти неизвѣстныя дворянамъ того времени. Обрывки же знаній древнихъ языковъ, которыми такъ гордился Арамисъ, заставляли Атоса только посмѣиваться: не разъ, къ великому изумленію своихъ друзей, когда у Арамиса проскальзывала какая-нибудь ошибка въ латинской грамматикѣ, онъ поправлялъ или время въ глаголѣ, или падежъ въ существительномъ.

Честность его была безукоризненна и это въ тотъ вѣкъ, когда военные такъ легко заключали всякія сдѣлки съ религіей и своей совѣстью, любовники съ строгой разборчивостью нашихъ дней, а бѣдняки съ седьмой заповѣдью!

И какъ же послѣ этого не согласиться съ тѣмъ, что Атосъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ необыкновенный?!

А между тѣмъ, эта возвышенная натура, это прекрасное твореніе, видимо падало, склоняясь къ грубой, животной жизни, точно такъ же, какъ старики съ каждымъ днемъ, хотя и нечувствительно для себя, все болѣе и болѣе склоняются къ физическому и нравственному безсилію.

Атосъ, въ часы своего добровольнаго одиночества — а эти часы были нерѣдки, — утрачивалъ свѣтлую сторону своего характера.

Тогда полу-богъ умиралъ, и едва оставался человѣкъ. Съ опущенной головой, тусклымъ взглядомъ, тяжелой рѣчью, Атосъ въ продолженіи долгихъ часовъ неподвижно глядѣлъ, то на стоявшіе передъ нимъ бутылку и стаканъ съ виномъ, то на Гримо, привыкшаго безъ словъ понимать всѣ желанія своего господина.

Если въ такія минуты къ нему собирались остальные друзья, то одно, много два слова, да и то, повидимому, стоившія ему страшнаго усилія, составляли весь вкладъ Атоса въ общую бесѣду. Зато онъ пилъ одинъ за четверыхъ и при этомъ нисколько не пьянѣлъ; только брови его все больше и больше хмурились, да глубокая грусть мрачной тѣнью ложилась на лицо.

Д'Артаньянъ, пытливый и проницательный умъ котораго мы уже знаемъ, при всемъ желаніи удовлетворить свое любопытство, не мо-

ничѣмъ объяснить себѣ причину такого страннаго явленія. Никогда Атосъ не получалъ никакихъ писемъ, никогда не скрывалъ онъ своихъ дѣйствій отъ товарищей.

Нельзя было сказать, чтобы вино наводило на него эту грусть, такъ какъ, напротивъ, онъ и пилъ только для того, чтобы разогнать свою тоску, хотя лѣкарство это не только не облегчало, но скорѣе увеличивало ее. Нельзя было приписать это мрачное настроеніе духа и игрѣ, потому что Атосъ, въ противоположность Портосу, какъ при выигрышѣ, такъ и при проигрышѣ, оставался всегда одинаково спокоенъ.

Однажды вечеромъ, въ кружкѣ мушкетеровъ онъ выигралъ тысячу пистолей, потомъ проигралъ не только ихъ, но даже вышитый золотомъ свой парадный кушакъ, снова вернулъ все съ прибавкою сотни луидоровъ и при этомъ, его прекрасныя, черныя брови ни разу не нахмурились хотя бы на полулинію, его руки не потеряли своего перламутроваго оттѣнка, а разговоръ не утратилъ своей прелести.

Онъ вошелъ въ гостиницу съ самымъ угрожающимъ видомъ, надвинувъ шляпу на глаза, держась лѣвой рукой за рукоять шпаги, а правой — щелкая хлыстомъ.

Не было это и слѣдствіемъ атмосфернаго вліянія, какъ у нашихъ сосѣдей-англичанъ, такъ какъ тоска Атоса всегда усиливалась съ наступленіемъ хорошаго времени года: іюнь и іюль были для него самыми ужасными мѣсяцами.

Въ настоящемъ у него не было горя; когда разговоръ заходилъ о будущемъ, онъ пожималъ плечами; значитъ, тайна его была въ прошедшемъ, а между тѣмъ, ни вино ни ловкіе разспросы его друзей ни разу не заставили его проговориться. Вся эта таинственность, окружавшая Атоса, дѣлали его еще болѣе интереснымъ человѣкомъ.

— Да, — думалъ д'Артаньянъ, — можетъ-быть, бѣдный Атосъ теперь уже умеръ и умеръ по моей винѣ. Я вовлекъ его въ это дѣло, онъ не зналъ ни начала его, не будетъ знать и результата, и пользы ему отъ него не было никакой.

— Замѣтьте еще, баринъ, — сказалъ Планшэ, — что вѣдь ему мы, навѣрное, обязаны жизнью. Помните, какъ онъ закричалъ: „Спасайтесь! Меня схватили!“ А послѣ, когда онъ разрядилъ оба пистолета, какъ страшно загремѣлъ онъ шпагой! Можно было подумать,

что ихъ тамъ двадцать человѣкъ, или прямо двадцать взбѣсившихся чертей!

Слова эти еще болѣе возбудили нетерпѣніе д'Артаньяна, онъ сталъ сильнѣе погонять свою лошадь, хотя та и безъ того уже мчалась въ карьеръ. Около одиннадцати часовъ утра показался Амьенъ, а въ половинѣ двѣнадцатаго наши всадники подскакали къ дверямъ злополучной гостиницы.

Д'Артаньянъ давно уже измышлялъ, какъ бы получше отомстить вѣроломному хозяину и заранѣе мысленно утѣшался этимъ мщеніемъ.

Онъ вошелъ въ гостиницу съ самымъ угрожающимъ видомъ, надвинувъ шляпу на глаза, держась лѣвой рукой за рукоять шпаги, а правой—щелкая хлыстомъ.

— Узнаете ли вы меня?—спросилъ онъ хозяина, вышедшаго къ нему навстрѣчу.

— Не имѣю еще этого счастья, милостивый государь,—отвѣчалъ тотъ, ослѣпленный блестящей наружностью д'Артаньяна.

— А! Такъ вы меня не знаете!

— Нѣтъ, милостивый государь.

— Хорошо! Ну такъ два слова вернутъ вамъ память. Что вы сдѣлали съ тѣмъ дворяниномъ, котораго, двѣ недѣли тому назадъ, вы имѣли нахальство обвинить въ дѣланіи фальшивой монеты?

Хозяинъ поблѣднѣлъ.

— О, милостивый государь!—воскликнулъ онъ самымъ жалобнымъ голосомъ.—О Боже мой! и не спрашивайте о немъ! Какъ дорого заплатилъ я за эту ошибку! Ахъ, я несчастный!

— Что случилось съ этимъ дворяниномъ, я васъ спрашиваю?

— Соблаговолите выслушать меня, сударь, и будьте милосердны. Да присядьте, ради Бога!

Д'Артаньянъ, страшно разгнѣванный, молча сѣлъ грознымъ судьей; Планше важно прислонился сзади къ его креслу.

— Вотъ, что произошло, милостивый государь,—началъ хозяинъ, весь дрожа отъ страха.—Теперь я васъ узналъ; вы уѣхали, когда у меня началась эта несчастная ссора съ тѣмъ дворяниномъ, о которомъ вы спрашиваете.

— Да, я уѣхалъ. Теперь вы видите, что, если вы не скажете мнѣ всю правду, то вамъ нечего ждать отъ меня пощады.

— Соблаговолите только выслушать и вы узнаете все до капельки

— Я слушаю.

— Передъ самымъ вашимъ пріѣздомъ я былъ предупрежденъ властями, что въ мою гостиницу пріѣдетъ одинъ знаменитый фальшивый монетчикъ съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей, и что всѣ они будутъ переряжены гвардейцами или мушкетерами. Ваши лошади, ваша прислуга, ваша наружность, однимъ словомъ, все было мнѣ подробно описано.

— Далѣе, далѣе!—торопилъ д'Артаньянъ, быстро сообразившій откуда шли такія точныя указанія.

— Въ виду этого я принялъ, согласно распоряженію начальства, приславшаго мнѣ въ подкрѣпленіе шесть человѣкъ, такія мѣры, какія считалъ необходимыми для огражденія себя отъ предполагаемыхъ фальшивыхъ монетчиковъ.

— Опять!—вскричалъ д'Артаньянъ. Слово „фальшивый монетчикъ" нестерпимо рѣзало ему уши.

— Простите, милостивый государь, что я употребляю это слово, и въ немъ-то именно и заключается мое оправданіе. Начальство напугал меня, а вы знаете, что мы, трактирщики, должны уважать начальство.

— Но опять-таки,—я спрашиваю васъ,—гдѣ же этотъ дворянинъ? Что съ нимъ случилось? Умеръ онъ или живъ?

— Потерпите, милостивый государь, сейчасъ все доскажу. Послѣ вашего внезапнаго отъѣзда,—продолжалъ хозяинъ, съ тонкимъ лукавствомъ, не ускользнувшимъ отъ д'Артаньяна,—вашъ другъ защищался отчаянно. Его лакей, затѣявшій по непредвиденному несчастію, ссору съ людьми, присланными начальствомъ и переряженными въ конюховъ...

— Ахъ, негодяй!—вскричалъ д'Артаньянъ.—И ты, значитъ, былъ съ ними въ заговорѣ! Я не знаю, что еще можетъ удерживать меня уничтожить васъ всѣхъ, какъ паршивыхъ собакъ!

— О нѣтъ, милостивый государь, мы не всѣ были въ заговорѣ, вы это сейчасъ сами увидите. Вашъ другъ (простите, что не называю его по имени, безъ сомнѣнія, это имя почетное, но, къ сожалѣнію, мы не знаемъ его), господинъ вашъ другъ двумя выстрѣлами изъ пистолета убилъ двухъ человѣкъ и затѣмъ началъ отступать. Отступая и защищаясь шпагой, онъ изувѣчилъ еще одного изъ моихъ людей, а потомъ сильнымъ ударомъ оглушилъ и меня.

— Да скоро ли ты кончишь, палачъ?—вскричалъ снова д'Артаньянъ, теряя терпѣніе.—Атосъ, что сталось съ Атосомъ?

— Отступая и защищаясь, какъ я вамъ уже докладывалъ, онъ натолкнулся на лѣстницу, ведущую въ подвалъ. Дверь была открыта, онъ взялъ ключъ и забаррикадировался извнутри. Будучи увѣрены, что онъ оттуда не выйдетъ, мы оставили его въ покоѣ.

— Понимаю,—сказалъ д'Артаньянъ,—вамъ вовсе не требовалось убивать его, а желательно было только захватить въ плѣнъ.

— Праведный Боже! Захватить его въ плѣнъ? Да онъ самъ захватилъ себя въ плѣнъ, клянусь вамъ. Прежде всего, онъ натворилъ страшныхъ бѣдъ, двухъ человѣкъ убилъ, одного серіозно ранилъ. Убитые и раненый были унесены товарищами, и болше я уже ничего не слышалъ ни о тѣхъ ни о другихъ. Самъ же я, какъ только очнулся, отправился къ губернатору, разсказалъ ему всю исторію и спросилъ, что дѣлать съ плѣнникомъ. Губернаторъ встрѣтилъ меня такъ, какъ будто только что съ облаковъ спустился. Оказывается, онъ ни о чемъ не слыхалъ, ничего не знаетъ, даже не понимаетъ о какомъ плѣнникѣ я толкую, всѣ приказанія, полученныя мною, шли, видите ли, не отъ него; въ концѣ-концовъ онъ такъ разсердился, что сталъ кричать на меня, что если я осмѣлюсь сказать кому-нибудь, что онъ, губернаторъ, принималъ какое-либо участіе въ этой исторіи, то онъ прикажетъ повѣсить меня. Вѣрно, сударь, я ошибся, задержалъ не того, кого слѣдовало задержать, а настоящій-то мошенникъ спасся?

— Но Атосъ!—закричалъ д'Артаньянъ, нетерпѣніе котораго еще удвоилось при видѣ той небрежности, съ которой власти относились къ этому дѣлу.—Говори сейчасъ, гдѣ Атосъ?

— Я поспѣшилъ исправить свою вину передъ плѣнникомъ,—продолжалъ трактирщикъ,—и отправился въ подвалъ, чтобы выпустить его на свободу. Ахъ, сударь! Это былъ уже не человѣкъ, а просто самъ чортъ! Когда я предложилъ ему выйти изъ подвала, онъ закричалъ,

что я разставляю ему западню, и что онъ ни за что не выйдетъ, покуда я не исполню всѣхъ его предписаній. Такъ какъ я вполнѣ сознавалъ, что поступилъ скверно, оскорбивъ мушкетера его величества, то потому и отвѣчалъ самымъ почтительнымъ образомъ, что готовъ исполнить всѣ его желанія.

— Прежде всего, — сказалъ онъ, — я требую, чтобы мнѣ привели моего слугу въ полномъ вооруженіи.

— Приказаніе это было исполнено немедленно, такъ какъ вы понимаете, сударь, что мы рѣшили исполнять всѣ желанія вашего друга. Г. Гримо (этотъ назвалъ себя, хотя онъ вообще мало разговорчивъ), г. Гримо былъ, значитъ, сведенъ въ подвалъ, изодранный, израненный, въ томъ видѣ, какъ мы его нашли во дворѣ. Тогда, господинъ его забаррикадировалъ дверь, а намъ приказалъ оставаться наверху, въ нашей лавкѣ.

— Да, наконецъ, гдѣ же онъ, гдѣ Атосъ?—закричалъ д'Артаньянъ.

— Въ подвалѣ, сударь.

— Какъ, несчастный! Ты до сихъ поръ держишь его въ подвалѣ?

— Милосердый Боже! Что вы, сударь? Мы станемъ держать его въ подвалѣ? Такъ вы не знаете, что онъ натворилъ тамъ? Ахъ, сударь, если бы вы могли заставить его выйти оттуда, я былъ бы благодаренъ вамъ по гробъ жизни, я почиталъ бы васъ, какъ своего покровителя!

— Такъ онъ въ подвалѣ? Я найду его тамъ?

— Безъ сомнѣнія, сударь. Онъ самъ настоялъ на томъ. Каждый день мы подаемъ ему чрезъ отдушину хлѣбъ, а когда онъ спрашиваетъ, то и говядину. Но увы! Онъ употребляетъ больше всего не хлѣбъ и не говядину. Я какъ-то разъ попробовалъ спуститься съ двумя работниками къ нему, но онъ пришелъ въ страшную ярость. Я слышалъ, какъ онъ сталъ заряжать пистолеты, а слуга его — мушкетъ. А когда мы спросили ихъ, что они намѣрены дѣлать, вашъ другъ отвѣчалъ, что у него и его слуги есть еще сорокъ зарядовъ, и что, если мы осмѣлимся только сойти въ подвалъ, то они всѣхъ насъ сейчасъ разстрѣляютъ. Я пошелъ и доложилъ объ этомъ губернатору, а губернаторъ отвѣчалъ, что такъ мнѣ и надо, что я самъ это заслужилъ, и что это послужитъ мнѣ урокомъ не оскорблять въ другой разъ благородныхъ путешественниковъ, останавливающихся у меня.

— Такъ, значитъ, съ тѣхъ поръ? — спросилъ д'Артаньянъ, не будучи въ силахъ болѣе сдерживаться отъ смѣха, при видѣ жалкой фигуры хозяина.

— Съ тѣхъ поръ, сударь, — продолжалъ тотъ, — мы ведемъ самую ;устную жизнь, самое, какое только можно представить себѣ, жалкое ществованіе. Вѣдь нужно вамъ сказать, сударь, что у насъ въ подлѣ хранятся всѣ наши запасы! Тамъ вино въ бутылкахъ и бочкахъ, во, масло и пряности, сало и колбасы... Онъ не позволяетъ намъ дить туда, и мы должны отказывать въ питьѣ и ѣдѣ всѣмъ заѣзжающимъ къ намъ путешественникамъ, а отъ этого вѣдь гостиница наша ждый день терпитъ убытки. Если вашъ другъ пробудетъ у насъ еще дѣлю, онъ насъ совсѣмъ разоритъ!

— Это будетъ справедливо и только, дуракъ! Развѣ не ясно было дно по одной нашей наружности, что мы люди порядочные, а не льшивые монетчики?

— Совершенно вѣрно, сударь, вы правы, — отвѣчалъ хозяинъ. — Но позвольте, позвольте, вотъ онъ опять на что-то гнѣвается.

— Навѣрное, его снова потревожили, — сказалъ д'Артаньянъ.

— Но его необходимо потревожить, — вскричалъ хозяинъ, — къ намъ только что пріѣхали двое англичанъ!

— Ну, такъ что же?

— Какъ что же? Вамъ извѣстно, сударь, что англичане любятъ хорошее вино, а эти господа изволили потребовать самаго лучшаго. Жена моя спрашивала у г. Атоса разрѣшенія сойти въ подвалъ, но онъ отказалъ, по обыкновенію. Ахъ, милосердый Боже, да тамъ подымается настоящій содомъ!

Дѣйствительно, со стороны подвала сталъ доноситься страшный шумъ. Д'Артаньянъ всталъ и, вмѣстѣ съ хозяиномъ, ломавшимъ въ отчаяніи руки, и Планше, державшимъ наготовѣ заряженный мушкетъ, направился къ мѣсту дѣйствія.

Молодые джентльмены были возмущены, они пріѣхали издалека и умирали отъ голода и жажды.

— Но вѣдь это насиліе, — кричали они на очень хорошемъ французскомъ языкѣ, хотя и съ нѣкоторымъ иностраннымъ акцентомъ, — этотъ сумасшедшій не позволяетъ добрымъ людямъ пользоваться ихъ же добромъ! Мы выломаемъ дверь и, если онъ, дѣйствительно, взбѣсился, ну такъ что же, мы убьемъ его.

— Потише, господа! — сказалъ д'Артаньянъ, вытягивая изъ-за пояса пистолеты, — вы никого не убьете.

— Хорошо, хорошо, — послышался за дверью спокойный голосъ Атоса, — пускай-ка они покажутся сюда эти людоѣды, мы поглядимъ на нихъ.

Какъ ни были, повидимому, храбры англичане, оба, въ нерѣшительности, переглянулись; казалось, что въ этомъ подвалѣ сидитъ одинъ изъ гигантскихъ героевъ народныхъ легендъ, безнаказанно проникнуть въ пещеру котораго немыслимо.

Наступила минутная тишина, но англичанамъ, наконецъ, сдѣлалось стыдно отступать; болѣе задорный изъ нихъ спустился на пять или на шесть ступенекъ, составляющихъ лѣстницу и ударилъ ногой въ дверь съ такой силой, что задрожала стѣна.

— Планше, — сказалъ д'Артаньянъ, — я займусь верхнимъ, а ты позаботься о нижнемъ. Господа, вы, какъ видно, желаете сраженія? Н что жъ, будемъ сражаться!

— Боже мой, — раздался изъ подвала голосъ Атоса, — мнѣ кажется я слышу д'Артаньяна!

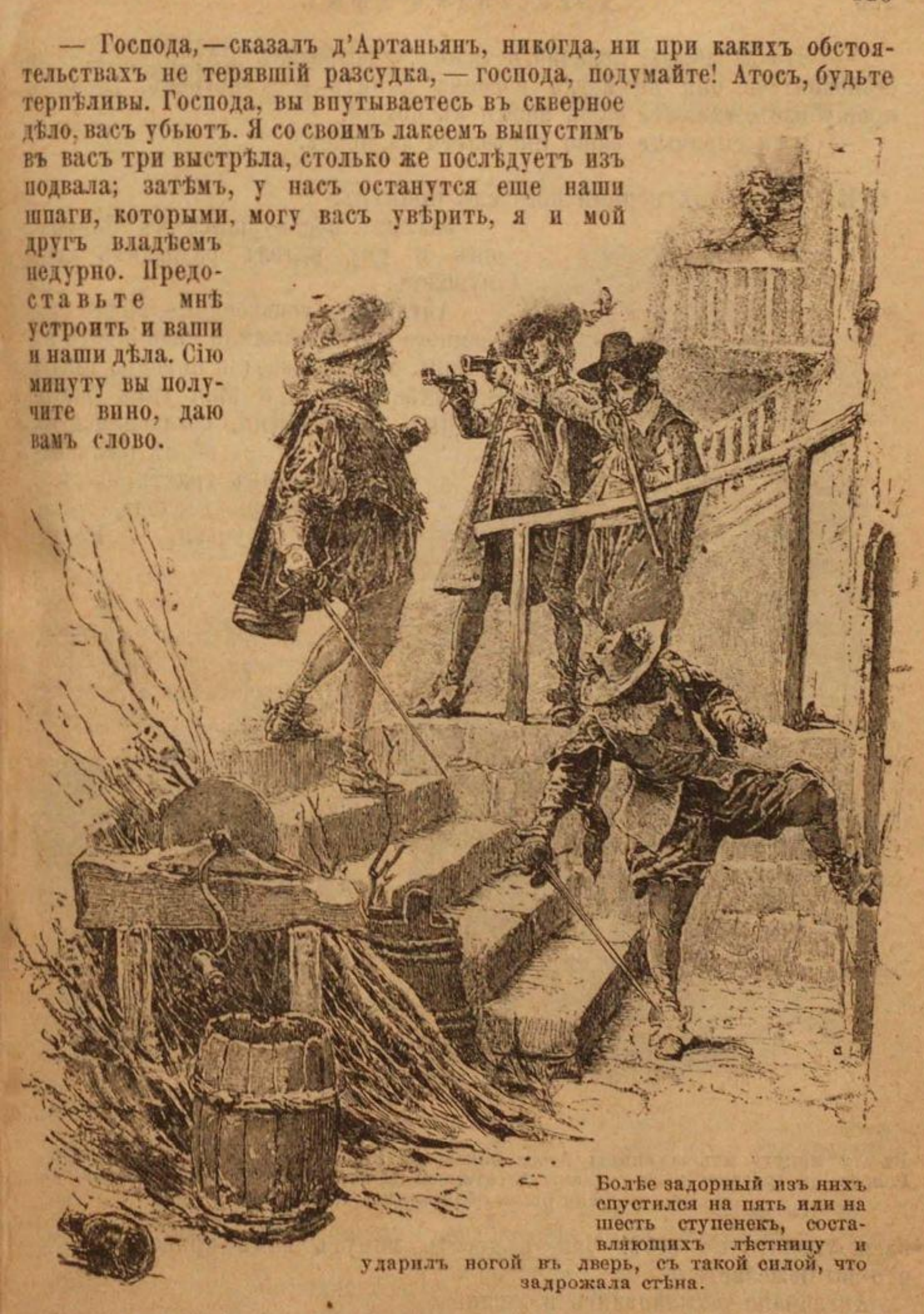
— Совершенно вѣрно, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, возвышая, въ свою очередь, голосъ, — это я, мой другъ.

— Вотъ прекрасно! — воскликнулъ Атосъ. — Мы обработаемъ ихъ, этихъ выламывателей дверей!

Джентльмены схватились за шпаги, но, увидя себя поставленными между двухъ огней, снова въ нерѣшительности остановились. Однако и на этотъ разъ гордость одержала верхъ надъ осторожностью, и от второго удара ноги задорнаго англичанина дверь треснула во всю вышину.

— Посторонись, д'Артаньянъ, посторонись, — кричалъ Атосъ, — посторонись, я буду стрѣлять!

— Господа,—сказалъ д'Артаньянъ, никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не терявшій разсудка, — господа, подумайте! Атосъ, будьте терпѣливы. Господа, вы впутываетесь въ скверное дѣло, васъ убьютъ. Я со своимъ лакеемъ выпустимъ въ васъ три выстрѣла, столько же послѣдуетъ изъ подвала; затѣмъ, у насъ останутся еще наши шпаги, которыми, могу васъ увѣрить, я и мой другъ владѣемъ недурно. Предоставьте мнѣ устроить и ваши и наши дѣла. Сію минуту вы получите вино, даю вамъ слово.

Болѣе задорный изъ нихъ спустился на пять или на шесть ступенекъ, составляющихъ лѣстницу и ударилъ ногой въ дверь, съ такой силой, что задрожала стѣна.

— Да, если его хоть сколько-нибудь осталось,—раздался насмѣшливый голосъ Атоса.

У трактирщика выступилъ на лбу холодный потъ.

— Какъ, если осталось?! — пробормоталъ онъ.

— Что за чортъ! Конечно, осталось, — возразилъ д'Артаньянъ, — не безпокойтесь, они не могли вдвоемъ выпить весь погребъ. Господа, прошу васъ, вложите ваши шпаги въ ножны.

— А вы спрячьте ваши пистолеты за поясъ.

— Охотно.

И д'Артаньянъ первый показалъ примѣръ.

Затѣмъ, обернувшись къ Планше, онъ и ему велѣлъ разрядить свой мушкетъ.

Англичане, успокоенные, но все еще немного ворча, вложили свои шпаги въ ножны. Имъ разсказали исторію взятія въ плѣнъ Атоса, и они, какъ благородные джентльмены, согласились съ тѣмъ, что во всемъ былъ виноватъ одинъ трактирщикъ.

— Теперь, господа, — сказалъ д'Артаньянъ, — прошу

Въ эту минуту изъ-за спины Атоса показался Гримо съ мушкетомъ на плечѣ. Голова его тряслась какъ у пьяныхъ сатировъ на картинахъ Рубенса; и весь онъ сзади и спереди былъ облитъ чѣмъ-то жирнымъ.

васъ, уходите къ себѣ. Черезъ десять минутъ вамъ принесутъ все, что вы пожелаете.

Англичане раскланялись и ушли.

— Я остался одинъ, дорогой Атосъ, — сказалъ д'Артаньянъ, — отворите мнѣ, пожалуйста, вашу дверь.

— Сію минуту, — отвѣчалъ Атосъ.

Послышался страшный трескъ отъ падающихъ досокъ и бревенъ: осажденный самъ разрушалъ свои бастіоны и контръ-эскарпы.

Черезъ минуту дверь распахнулась, и показалась блѣдная голова Атоса.

Д'Артаньянъ бросился къ нему на шею и нѣжно обнялъ его; потомъ онъ сталъ вытаскивать его изъ этого сырого помѣщенія и вдругъ замѣтилъ, что Атосъ шатается.

— Вы ранены? — спросилъ онъ.

— Я? Ничуть не бывало! Я смертельно пьянъ, вотъ и все. Хвала Богу, хозяинъ! Надо думать, что на мою долю пришлось по крайней мѣрѣ пятьдесятъ бутылокъ.

— Пощадите! — воскликнулъ хозяинъ, — если слуга выпилъ только половину того, что баринъ, я разоренъ!

— Гримо — слуга изъ хорошаго дома, онъ не позволилъ бы себѣ дѣлать то же, что я. Онъ пилъ только изъ бочки. Постойте, онъ, кажется, забылъ заткнуть ее. Слышите? Течетъ!

Д'Артаньянъ покатился со смѣху, а хозяина начала трепать лихорадка.

Въ эту минуту изъ-за спины Атоса показался Гримо, съ мушкетомъ на плечѣ. Голова его тряслась какъ у пьяныхъ сатировъ на картинахъ Рубенса; и весь онъ сзади и спереди былъ облитъ чѣмъ-то жирнымъ.

— Боже мой, — вскричалъ хозяинъ, — мое чудное оливковое масло!

Маленькій кортэжъ прошелъ чрезъ всю залу и водворился въ лучшей комнатѣ гостиницы, занятой д'Артаньяномъ, по праву сильнаго.

Стоны и жалобы хозяина и хозяйки проникали сквозь своды подвала наверхъ, къ виновникамъ ихъ несчастія.

Въ это время хозяинъ и хозяйка, съ лампами, бросились въ подвалъ, куда столько времени имъ воспрещенъ былъ входъ. Тамъ ожидало ихъ ужасное зрѣлище. Укрѣпленія Атоса, въ которыхъ онъ сдѣлалъ брешь для выхода, состояли изъ хвороста, досокъ и пустыхъ бочекъ, наваленныхъ по всѣмъ правиламъ стратегіи. Тамъ и сямъ видны были плавающія въ лужахъ масла и вина кости отъ съѣденныхъ окороковъ; весь лѣвый уголъ погреба былъ заваленъ грудой разбитыхъ бутылокъ, а одна изъ бочекъ, кранъ которой не былъ завернутъ, выпускала изъ себя послѣднія капли живительной влаги.

Опустошеніе и смерть, какъ сказалъ одинъ поэтъ древности, цари... здѣсь, какъ на полѣ брани.

Изъ пятидесяти колбасъ, повѣшенныхъ на брусьяхъ, едва оставало... съ десятокъ.

Стоны и жалобы хозяина и хозяйки проникали сквозь своды подва... наверхъ, къ виновникамъ ихъ несчастія.

Самъ д'Артаньянъ былъ ими растроганъ. Атосъ же не повернул... даже головы.

Но горе смѣнила ярость. Хозяинъ вооружился вертеломъ и въ от... чаяніи бросился въ комнату, гдѣ сидѣли друзья.

— Вина! — приказалъ Атосъ, при видѣ его.

— Вина! — воскликнулъ опѣшенный хозяинъ, — вина! Но вы выпи... его у меня болѣе чѣмъ на сто пистолей. Я теперь разоренъ, погубле... уничтоженъ!

— Ба, — сказалъ Атосъ, — насъ все время мучила страшная жаж...

— Если бы вы удовольствовались хоть тѣмъ, что пили, но вѣ... вы разбили у меня всѣ бутылки.

— Я въ этомъ не виноватъ. Вы толкнули меня на цѣлую гру... стекла и она разсыпалась.

— Все мое масло погибло!

— Масло — цѣлебный бальзамъ для ранъ, а бѣдному Гримо надо ж... было чѣмъ-нибудь залѣчивать свои раны.

— Всѣ мои колбасы съѣдены!

— Въ этомъ подвалѣ масса крысъ.

— О, вы заплатите мнѣ за все! — кричалъ раздраженный хозяи...

— Ахъ ты тройной дуракъ! — вскричалъ Атосъ, приподымаясь на своемъ стулѣ. Но силы оставили его, и онъ снова въ изнеможеніи оп... стился. Д'Артаньянъ поспѣшилъ къ нему на помощь и поднялъ выр... ненный имъ хлыстъ.

Хозяинъ, заливаясь слезами, попятился назадъ.

— Это научитъ васъ, — сказалъ д'Артаньянъ, — быть вѣжливѣе с... путешественниками, посылаемыми вамъ Богомъ.

— Богомъ! Скажите дьяволомъ!

— Милый другъ, — сказалъ д'Артаньянъ, — если вы сейчасъ не п... рестанете терзать намъ уши, то мы всѣ четверо запремся къ вамъ в... подвалъ и тогда посмотримъ, дѣйствительно ли убытокъ вашъ та... великъ, какъ вы говорите.

— Что же, господа, — отвѣчалъ хозяинъ. — я виноватъ и сознаю... въ этомъ, но на всякій грѣхъ есть прощеніе; вы, знатные господа, а я бѣдный трактирщикъ. Вы пожалѣете меня.

— А, если ты такъ заговорилъ, — сказалъ Атосъ, — то сердце мо... пожалуй, и смягчится, а изъ глазъ польются слезы, какъ недавно л... лось вино изъ твоихъ бочекъ. Люди не такіе изверги, какъ это кажет... иногда. Ну, подойди сюда и поговоримъ.

Хозяинъ боязливо приблизился.

— Пойди сюда, говорю тебѣ, и не бойся, — продолжалъ Атосъ.— Когда я хотѣлъ расплатиться съ тобой, я положилъ свой кошелекъ н... столъ.

— Да, сударь.

— Въ этомъ кошелькѣ было шестьдесятъ пистолей. Гдѣ кошеле...

— Отданъ на храненіе въ канцелярію губернатора. Мнѣ сказали, что эти деньги были фальшивыя.

— Неправда. Заставь возвратить тебѣ этотъ кошелекъ и возьми себѣ эти шестьдесятъ пистолей.

— Но, милостивый государь, вы хорошо знаете, что канцелярія не выпуститъ то, что попало въ ея руки. Если бы это, дѣйствительно, была фальшивая монета, тогда еще можно было бы надѣяться; но, къ несчастью, деньги настоящія.

— Дѣлай какъ знаешь, мой любезный, меня это не касается, тѣмъ болѣе, что у меня не осталось ни единаго ливра.

— Послушайте, — сказалъ д'Артаньянъ, — а старая лошадь Атоса, гдѣ она?

— Въ конюшнѣ.

— Сколько она стоитъ?

— Самое большее, пятьдесятъ пистолей.

— Она стоитъ восемьдесятъ; бери ее, и разговору конецъ.

— Какъ! Ты продаешь мою лошадь, — сказалъ Атосъ, — моего Баязета? А на чемъ же я поѣду назадъ, на Гримо?

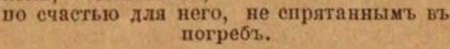
— Я привелъ тебѣ другую, — отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Другую?

— И великолѣпную! — вскричалъ хозяинъ.

— Въ такомъ случаѣ, если есть другой конь, красивѣе и моложе, бери стараго и давай вина.

— Какого? — спросилъ окончательно просіявшій хозяинъ.

Какъ разъ, когда онъ кончалъ свое повѣствованіе, пришелъ хозяинъ съ виномъ и окорокомъ, оставшимся, по счастью для него, не спрятаннымъ въ погребъ.

— Того, что лежитъ въ глубинѣ, около рѣшотинъ; тамъ оставалось еще бутылокъ двадцать пять. Остальныя всѣ были разбиты при моемъ паденіи. Принеси намъ бутылокъ шесть.

— Да это просто сороковая бочка, а не человѣкъ! — подумалъ хозяинъ. — Если онъ останется здѣсь еще на двѣ недѣли и будетъ платить за все, что выпьетъ, я окончательно поправлю свои дѣла.

— Не забудь, — прибавилъ д'Артаньянъ, — отнести четыре точно такого же вина гг. англичанамъ.

— А теперь, — сказалъ Атосъ, — въ ожиданіи пока намъ вино, разскажи мнѣ, д'Артаньянъ, что случилось съ Портосомъ; начинай, я слушаю.

Д'Артаньянъ подробно разсказалъ ему, какъ онъ нашелъ Портоса въ постели съ вывихнутой ногой, а Арамиса за диспутомъ съ двумя богословами. Какъ разъ, когда онъ кончалъ свое повѣствованіе, пришелъ хозяинъ съ виномъ и окорокомъ, оставшимся, по счастью для него, не спрятаннымъ въ погребъ.

— Это хорошо, — сказалъ Атосъ, разливая въ стаканы вино, — выпьемъ за здоровье Портоса и Арамиса! Ну, а вы, мой другъ, что съ вами такое приключилось? У васъ какой-то коварный видъ?

— Увы, — отвѣчалъ д'Артаньянъ. — Изъ всѣхъ насъ четверыхъ, я самый несчастный!

— Ты несчастливъ, д'Артаньянъ! — сказалъ Атосъ. — Посмотримъ, почему это ты считаешь себя несчастнымъ? Говори.

— Послѣ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Послѣ! А почему послѣ? Потому что ты думаешь, что я пьянъ? Такъ знай же, никогда голова моя не бываетъ такъ свѣтла, какъ тогда, когда я выпью. Говори же, я весь обратился въ слухъ.

Д'Артаньянъ разсказалъ свое приключеніе съ г-жей Бонасье. Атосъ слушалъ его, не спуская съ него глазъ, и когда тотъ кончилъ, онъ проговорилъ.

— Все это пустяки, чистѣйшіе пустяки!

Это была его любимая поговорка.

— Для тебя все пустяки, дорогой Атосъ! — сказалъ д'Артаньянъ. — Тебѣ легко такъ говорить: ты никогда не любилъ.

Безжизненные глаза Атоса какъ будто вспыхнули на минуту, но тотчасъ же и потухли, принявъ свое прежнее тусклое и неопредѣленное выраженіе.

— Это правда, — спокойно отвѣчалъ онъ, — я никогда не любилъ.

— Вотъ видишь, каменное твое сердце; какое же послѣ этого имѣешь ты право относиться сурово къ намъ, нѣжнымъ сердцамъ?

— Сердца нѣжныя, сердца пронзенныя, — проговорилъ Атосъ.

— Что ты сказалъ?

— Я говорю, что любовь, это лотерея, и кто въ нее выигрываетъ, тотъ погибаетъ. Ты очень счастливъ, что проигралъ, вѣрь мнѣ, дорогой д'Артаньянъ. Мой тебѣ совѣтъ — всегда проигрывать.

— Она, повидимому, такъ любила меня!

— Только повидимому.

— О нѣтъ! Она, дѣйствительно, любила меня.

— Дитя! Нѣтъ человѣка, который бы не повѣрилъ своей любовницѣ, что она любитъ его, и нѣтъ человѣка, который не былъ бы обманутъ ею.

— Исключая тебя, Атосъ, потому что у тебя никогда ея не было.

— Это правда, — сказалъ Атосъ послѣ минутнаго молчанія, — у меня никогда не было любовницы. Выпьемъ!

— Но въ такомъ случаѣ, философъ ты этакій, научи, поддержи ... ѣ необходимы и совѣтъ, и утѣшеніе.

... шеніе въ чемъ?

... оемъ несчастіи.

... есчастіе просто смѣшно, — сказалъ Атосъ, пожимая пле- ... очень желалъ знать, что ты скажешь, если я разскажу ... любовную исторію.

— Случившуюся съ тобой?

— Съ однимъ изъ моихъ друзей, не все ли тебѣ равно?

— Разскажи, Атосъ, разскажи.

— Выпьемъ, такъ будетъ лучше.

— Пей и разсказывай.

— Въ самомъ дѣлѣ, одно другому не мѣшаетъ, — сказалъ Атосъ, выпивая залпомъ и снова наполняя свой стаканъ.

— Я слушаю, — сказалъ д'Артаньянъ.

Атосъ задумался, и, по мѣрѣ того, какъ онъ сосредоточивался въ самомъ себѣ, лицо его все болѣе и болѣе блѣднѣло. Онъ былъ въ томъ періодѣ опьяненія, когда обыкновенные пьяницы уже теряютъ сознаніе, валятся тамъ, гдѣ сидятъ, и засыпаютъ. Онъ же громко бредилъ на яву. Этотъ лунатизмъ казался чѣмъ-то ужаснымъ.

— Ты непремѣнно хочешь, чтобъ я разсказалъ тебѣ эту исторію? — спросилъ онъ.

— Да, я прошу тебя объ этомъ.

— Ну, пусть будетъ по-твоему. Одинъ изъ моихъ друзей, — одинъ изъ моихъ друзей, слышишь? а не я, — началъ Атосъ, съ мрачной улыбкой прерывая самъ себя, — одинъ изъ графовъ нашей провинціи, т.-е. Берри, человѣкъ не менѣе знатнаго рода, чѣмъ Дандоло и Монморенси, двадцати пяти лѣтъ отъ роду, влюбился въ молоденькую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, прекрасную, какъ сама любовь. Сквозь наивность ея лѣтъ проглядывалъ острый умъ, умъ не женщины, а поэта; она не нравилась, она опьяняла. Она жила въ небольшомъ городкѣ, гдѣ братъ ея былъ священникомъ. Оба были иностранцы, пріѣхавшіе неизвѣстно откуда, но при видѣ ея красоты, при видѣ благочестія ея брата, никому и въ голову не приходило разспрашивать ихъ. Всѣ принимали ихъ за людей хорошаго происхожденія. Мой другъ, бывши владѣльцемъ этого края, могъ соблазнить ее или взять силою, по праву сюзерена. Кто явился бы на помощь двумъ бѣднымъ, никому неизвѣстнымъ чужеземцамъ? Къ счастью, это былъ честный человѣкъ. Онъ женился на ней. Дуракъ, простофиля, идіотъ!

— Но почему же, разъ онъ ее любилъ? — спросилъ д'Артаньянъ.

— Подожди, — отвѣчалъ Атосъ. — Онъ взялъ ее въ свой замокъ и сдѣлалъ ее первой дамой во всей провинціи; и надо отдать ей справедливость, она умѣла прекрасно поддерживать свое достоинство.

— И что же? — спросилъ д'Артаньянъ.

— Однажды, когда она была на охотѣ со своимъ мужемъ, — продолжалъ Атосъ тихимъ голосомъ, — она упала съ лошади, и съ ней сдѣлался обморокъ. Графъ бросился къ ней на помощь и, такъ какъ она задыхалась въ своемъ платьѣ, онъ схватилъ кинжалъ и распоролъ ей лифъ. Ея грудь и плечи обнажились. Догадайтесь, что у нея было на плечѣ, д'Артаньянъ? — спросилъ вдругъ Атосъ съ громкимъ взрывомъ безумнаго хохота.

— Почемъ же я знаю, — отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Цвѣтокъ лиліи, — сказалъ Атосъ. — Она была заклеймена.

И онъ залпомъ выпилъ еще стаканъ вина.

— Ужасно! — воскликнулъ д'Артаньянъ. — Что вы говорите мнѣ?

— Истину, мой другъ. Ангелъ былъ демономъ. Бѣдная дѣвушка была воровкой.

Онъ изорвалъ всю одежду на графинѣ, связалъ ей за спиной руки и повѣсилъ ее на деревѣ.

— Что жъ сдѣлалъ графъ?

— Графъ былъ знатный вассалъ, онъ имѣлъ право совершать на своихъ земляхъ и верховный и низшій судъ. Онъ изорвалъ всю одежду на графинѣ, связалъ ей за спиной руки и повѣсилъ ее на деревѣ.

— О небо! Атосъ! Убійца!— воскликнулъ д'Артаньянъ.

— Да, убійца, — проговорилъ Атосъ, блѣдный какъ смерть.— Но, кажется, у меня нѣтъ вина.

И онъ схватилъ послѣднюю бутылку, приложилъ ее ко рту и выпилъ всю, безъ передышки.

Д'Артаньянъ, пораженный, молча сидѣлъ передъ нимъ.

— Это вылѣчило меня отъ женщинъ, прекрасныхъ, поэтичныхъ, увлекательныхъ, — заключилъ Атосъ, вставая и, повидимому, не думая продолжать болѣе апологію графа.— Пошли вамъ Богъ того же! Выпьемъ!

— Итакъ, она умерла? — спросилъ тихо д'Артаньянъ.

— Чортъ возьми! Да протяни же свой стаканъ! Ветчины, дуракъ!— ...лъ Атосъ. — Мы больше пить не можемъ!

А ея братъ? — спросилъ д'Артаньянъ.

— Ея братъ?

— Да, священникъ?

— Ахъ, да. Я послалъ за нимъ, чтобы повѣсить и его, но онъ предупредилъ меня, выѣхавъ еще наканунѣ изъ города.

— Но узнали ли, по крайней мѣрѣ, кто былъ этотъ негодяй?

— По всей вѣроятности, это былъ первый любовникъ и сообщникъ красавицы, человѣкъ достойный ея, представлявшійся священникомъ только для того, чтобы выдать замужъ свою любовницу и тѣмъ обезпечить ея судьбу. Если бы его нашли, то, надѣюсь, онъ былъ бы четвертованъ.

— О, Боже мой! Боже мой! — восклицалъ д'Артаньянъ, совершенно ошеломленный этимъ ужаснымъ разсказомъ.

— Ѣшь, однако, ветчину, д'Артаньянъ, она восхитительна, — замѣтилъ Атосъ, отрѣзая кусокъ окорока и кладя его на тарелку молодого человѣка. — Какъ жаль, что такихъ окороковъ было только четыре въ подвалѣ! Я выпилъ бы еще лишнихъ пятнадцать бутылокъ!

Д'Артаньянъ не могъ уже больше поддерживать этотъ разговоръ, сводившій его съ ума. Онъ опустилъ голову на руки и представился спящимъ.

— Молодежь не умѣетъ больше пить, — проговорилъ Атосъ, глядя на него съ сожалѣніемъ, — а этотъ еще изъ лучшихъ!..

Глава XIII.

Возвращеніе.

Д'Артаньянъ былъ пораженъ ужасной тайной, довѣренной ему Атосомъ; многое, однако, въ этомъ полупризнаніи оставалось еще для него непонятнымъ; къ тому же, это разсказывалъ совершенно пьяный человѣкъ другому полупьяному; а между тѣмъ, д'Артаньянъ, проснувшись на другой день, несмотря на туманъ въ головѣ отъ выпитыхъ имъ наканунѣ трехъ или четырехъ бутылокъ бургундскаго, живо помнилъ каждое слово, сказанное Атосомъ, — такъ этотъ страшный разсказъ врѣзался въ его мозгу.

Все это возбуждало въ немъ непреодолимое желаніе во что бы то ни стало добиться истины, и онъ отправился къ своему другу съ твердымъ намѣреніемъ возобновить вчерашній разговоръ. Но Атосъ встрѣтилъ его уже совсѣмъ другимъ человѣкомъ, онъ былъ попрежнему сдержанъ и непроницаемъ.

Впрочемъ, желаніе д'Артаньяна все-таки исполнилось, и интересующій его разговоръ возобновился, благодаря самому же Атосу.

— Я, кажется, былъ очень пьянъ вчера, — заговорилъ онъ, обмѣниваясь съ гасконцемъ дружескимъ рукопожатіемъ. — Я почувствовалъ это сегодня — у меня не хорошъ языкъ и пульсъ лихорадочный. Держу пари, что я наговорилъ вамъ кучу нелѣпостей.

И говоря это, онъ посмотрѣлъ на него такимъ пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ, что молодой человѣкъ невольно смутился.

— Вовсе нѣтъ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, — сколько мнѣ помнится, вы говорили о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ.

— Неужели? Вы меня удивляете! Мнѣ казалось, что я разсказывалъ вамъ какую-то плачевную исторію.

И онъ опять посмотрѣлъ на молодого человѣка такъ, какъ будто бы хотѣлъ прочесть его сокровеннѣйшія мысли.

— Ей Богу же нѣтъ! — отвѣчалъ д'Артаньянъ. — Вѣрно, я былъ еще пьянѣе васъ, потому что ничего не помню.

Атосъ, повидимому, нисколько не удовольствовался этимъ отвѣтомъ; онъ продолжалъ:

— Вы, навѣрное, замѣтили, мой дорогой другъ, что вино дѣйствуетъ на людей различно: у однихъ является веселое настроеніе, у другихъ—грустное; на меня, напримѣръ, когда я пьянъ, нападаетъ тоска и является какая-то особенная манія разсказывать всевозможныя и подчасъ невѣроятныя, но всегда мрачныя исторіи, которыя втемяшила мнѣ въ голову моя глупая кормилица. Это мой недостатокъ, недостатокъ важный, сознаюсь; но, вмѣстѣ съ тѣмъ я, все-таки, хорошій гуляка!

Атосъ говорилъ это такъ спокойно, такъ естественно, что д'Артаньянъ началъ колебаться.

— Да, дѣйствительно, — возразилъ онъ, стараясь уловить, однако, въ его словахъ истину, — теперь я припоминаю, какъ будто сквозь сонъ, что мы говорили о повѣшанныхъ.

— А, вотъ видите—проговорилъ Атосъ, блѣднѣя, но все-таки стараясь улыбаться. — Я былъ увѣренъ въ этомъ; повѣшанные — это мой кошмаръ!

— Да, да, — продолжалъ д'Артаньянъ, — я вспоминаю, разговоръ шелъ... Постойте-ка... Ну, да, разговоръ шелъ о женщинѣ...

— Вотъ видите,—отвѣчалъ Атосъ, дѣлаясь почти прозрачнымъ,—это моя излюбленная исторія о бѣлокурой женщинѣ, и, когда я разсказываю о ней, это значитъ, что я мертвецки пьянъ.

— Да, вотъ именно, вы разсказывали о бѣлокурой женщинѣ, высокой и красивой, съ голубыми глазами.

— Да, и повѣшанной.

— Своимъ мужемъ, какимъ-то важнымъ сеньоромъ, однимъ изъ вашихъ знакомыхъ,—продолжалъ д'Артаньянъ, пристально глядя на Атоса.

— Такъ и есть! Видите какъ легко очернить человѣка, когда не помнишь, что говоришь,—проговорилъ Атосъ, пожимая плечами, и лицо его сдѣлалось печальнымъ.—Нѣтъ, положительно, я не хочу болѣе напиваться, это ужасно гадкая привычка!

Д'Артаньянъ молчалъ.

— Ахъ, да, кстати! — сказалъ Атосъ, вдругъ перемѣнивъ разговоръ. — Благодарю васъ за присланную лошадь.

— Нравится она вамъ? — спросилъ д'Артаньянъ.

— Да, только это была не особенно выносливая лошадь.

— Напротивъ, вы ошибаетесь. Я проѣхалъ на ней десять лье меньше, чѣмъ въ полтора часа, и она нисколько не была уставши.

— Если такъ, то вы заставляете меня пожалѣть о ней.

— Пожалѣть?..

— Да, потому что я съ ней разстался.

— Какимъ образомъ?

— Я вамъ сейчасъ это разскажу: сегодня утромъ я проснулся въ шесть часовъ; вы еще спали какъ убитый, и я не зналъ, что дѣлать.

Настроеніе у меня было самое дурацкое, такое, какое только и можетъ быть послѣ подобной попойки, какъ наша вчера. Войдя въ большой залъ, я увидѣлъ, что одинъ изъ англичанъ торгуетъ у барышника лошадь, его собственная, оказалось, пала наканунѣ. Слыша, что онъ предлагаетъ сто пистолей за рыжевато-бурую лошадь, я подошелъ къ нему и сказалъ, что и у меня есть продажная лошадь.

— И отличная даже, — сказалъ онъ, — я видѣлъ ее вчера, лакей вашего друга держалъ ее въ поводу.

— Вы находите, что она стоитъ сотню пистолей?

— Да, а вы хотите продать ее мнѣ за эту цѣну?

— Нѣтъ, не продать, а проиграть.

— Проиграть?

— Да.

— Въ какую же игру?

— Въ кости.

— Сказано - сдѣлано. И я проигралъ лошадь, но все-таки отыгралъ чепракъ.

Д Артаньянъ слегка нахмурился.

— Вамъ это не нравится?

— Да, признаюсь, мнѣ это обидно, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, — по этимъ лошадямъ насъ должны были узнать на войнѣ — это былъ залогъ, воспоминаніе; вы худо сдѣлали, Атосъ.

— Э, полноте, милый другъ! Поставьте себя на мое мѣсто, — возразилъ мушкетеръ, — я помиралъ отъ тоски, да потомъ, сказать по совѣсти, я и не люблю англійскихъ лошадей. Если же рѣчь идетъ только о томъ, чтобы быть непремѣнно кѣмъ-то узнаннымъ, то, право же, достаточно и одного сѣдла, оно само по себѣ замѣчательно. Что же касается до лошади, то мы какъ-нибудь сумѣемъ объяснить ея исчезновеніе. Чортъ возьми! Каждая лошадь можетъ околѣть; предположимъ, что у моей былъ сапъ или чесотка.

Лицо д'Артаньяна попрежнему оставалось нахмуреннымъ.

— Вы, кажется, очень дорожили этой лошадью, — продолжалъ Атосъ. — Мнѣ это весьма непріятно, такъ какъ я еще не кончилъ своего разсказа.

— Что же вы еще сдѣлали?

— Проигравъ свою лошадь, девять противъ десяти, мнѣ, видите ли, пришла охота проиграть и вашу.

— Да, но вы, надѣюсь, такъ и остались при одномъ только хотѣніи?

— Напротивъ, я сейчасъ же и привелъ въ исполненіе свою мысль.

— Нѣтъ! Это просто невѣроятно! — вскричалъ встревоженный д'Артаньянъ.

— Я сталъ играть на нее и проигралъ.

— Мою лошадь?!

— Вашу лошадь; семь противъ восьми; изъ-за одного очка... Вы знаете пословицу?

— Атосъ, честное слово, вы съ ума сошли!

— Дорогой мой, вчера, когда я вамъ разсказывалъ всѣ эти глупыя исторіи, я былъ, дѣйствительно, не въ своемъ умѣ, но сегодня мои мозги работаютъ нормально. Итакъ, я проигралъ вашу лошадь со всей ея упряжью и даже чепракомъ.

— Но это ужасно!

— Постойте, это, опять-таки, не все еще. Я былъ бы прекраснымъ игрокомъ, если бы только не былъ такъ упрямъ и не увлекался бы, но, дѣло въ томъ, что я всегда страшно увлекаюсь и въ игрѣ, и въ пьянствѣ. Итакъ, я увлекся...

— Но на что же вы могли играть, вѣдь у васъ же ничего не осталось?

— Осталось, осталось, мой другъ; вотъ этотъ самый брильянтъ, что блеститъ на вашемъ пальцѣ; я замѣтилъ его еще вчера.

— Этотъ брильянтъ! — вскричалъ д'Артаньянъ, быстро хватаясь за кольцо.

— А такъ какъ у меня у самого было нѣсколько подобныхъ ему, и я могу сказать, что большой знатокъ въ нихъ, то я и оцѣнилъ его въ тысячу пистолей.

— Надѣюсь, — проговорилъ д'Артаньянъ серьезнымъ и замирающимъ отъ страха голосомъ, — вы не упомянули ни слова о моемъ брильянтѣ?

— Напротивъ, милый другъ; вы понимаете, этотъ брильянтъ оставался единственнымъ для меня спасеніемъ. Съ нимъ я могъ отыграть лошадь, всю упряжь и даже больше — деньги на дорогу.

— Атосъ, вы заставляете меня дрожать! — вскричалъ д'Артаньянъ.

— Итакъ, я сказалъ о вашемъ брильянтѣ своему партнеру, тотъ, оказывается, тоже замѣтилъ его. Зачѣмъ же, чортъ возьми, носите вы на вашемъ пальцѣ цѣлую звѣзду, если не хотите, чтобъ другіе обращали на нее вниманіе? Вѣдь это ни съ чѣмъ не сообразно!

— Кончайте, кончайте! — просилъ д'Артаньянъ. — Честное слово, вы съ вашимъ хладнокровіемъ просто убьете меня!

— И вотъ мы раздѣлили вашъ брильянтъ на десять частей — по сту пистолей каждую.

— Вы смѣетесь надо мной, или хотите испытать мое терпѣніе? — вскричалъ не на шутку разсерженный д'Артаньянъ.

— Нѣтъ, чортъ возьми, я вовсе не шучу! Я бы очень желалъ видѣть васъ на своемъ мѣстѣ! Я двѣ недѣли не видалъ лица человѣческаго, я просто одурѣлъ въ сообществѣ однѣхъ бутылокъ.

— Это еще не причина, чтобъ вы могли играть на мой брильянтъ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, судорожно сжимая себѣ руки.

— Выслушайте же до конца; десять ставокъ, по сту пистолей каждая, безъ права отыгрываться; въ тринадцать ударовъ я проигралъ все, число тринадцать было роковымъ для меня всегда, это было какъ разъ 13 іюля, что...

— Тысячу чертей! — вскричалъ д'Артаньянъ, вскакивая изъ-за стола.

— Терпѣніе, — продолжалъ Атосъ, — у меня составился планъ. Англичанинъ, мой партнеръ, былъ ужасный оригиналъ: я видѣлъ, какъ утромъ онъ разговаривалъ съ Гримо, оказалось, что онъ предлагалъ моему лакею перейти къ нему въ услуженіе. И вотъ, я поставилъ на ставку Гримо, моего молчаливаго Гримо, раздѣленнаго на десять частей.

— А, вотъ такъ ставка! — сказалъ д'Артаньянъ, невольно разражаясь хохотомъ.

— Самого Гримо, слышите! И съ десятью частями Гримо, который весь-то въ сложности не стоитъ и одного дуката, я отыгрываю брильянтъ. Ну, скажите теперь, развѣ настойчивость не добродѣтель?

— Въ самомъ дѣлѣ, это просто комично! — съ новымъ хохотомъ воскликнулъ утѣшенный д'Артаньянъ.

— Вы понимаете, когда я почувствовалъ, что мнѣ везетъ, я опять сталъ играть на вашъ брильянтъ.

— А, чортъ возьми! — сказалъ д'Артаньянъ, снова хмурясь.

— Я отыгралъ вашъ чепракъ, сѣдло, затѣмъ вашу лошадь, затѣмъ свое сѣдло, свою лошадь, затѣмъ, опять все проигралъ. Въ концѣ концовъ, я снова отыгралъ сперва ваше сѣдло, потомъ свое. Вотъ къ чему мы пришли. Игра была чудная, и я дальше не пошелъ.

У д'Артаньяна какъ будто гора свалилась съ плечъ, и онъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Наконецъ, брильянтъ остается при мнѣ? — спросилъ онъ робко.

— Неприкосновеннымъ, мой дорогой другъ; кромѣ того, уцѣлѣли еще и сѣдла вашего Буцефала и моего.

— Но что же мы будемъ дѣлать съ сѣдлами безъ лошадей?

— У меня есть маленькая идея насчетъ этого...

— Атосъ, вы опять меня заставляете дрожать.

— Послушайте, д'Артаньянъ, а вы сами давно не играли?

— У меня нѣтъ никакой охоты играть.

— Нечего зарекаться. Я знаю, что вы давно не играли, слѣдовательно, у васъ должна быть счастливая рука.

— Прекрасно. Что же дальше?

— А дальше вотъ что. Англичанинъ еще здѣсь. Я замѣтилъ, что онъ очень сожалѣетъ о сѣдлахъ, а вы, кажется, очень сожалѣете о своей лошади. На вашемъ мѣстѣ, я бы поставилъ сѣдло противъ лошади.

— Но онъ не захочетъ играть на одно сѣдло.

— Такъ играйте на оба, чортъ возьми! Я вовсе не такой эгоистъ, какъ вы.

— А вы бы сдѣлали такъ? — спросилъ нерѣшительно д'Артаньянъ.

— Честное слово, сейчасъ же бы пошелъ и отыскалъ англичанина.

— Но дѣло въ томъ, что разъ лошади уже проиграны, то мнѣ очень хотѣлось бы сохранить сѣдла.

— Въ такомъ случаѣ, играйте на вашъ брильянтъ.

— О, на брильянтъ, ни за что, ни за что!

— Чортъ возьми! Я бы вамъ предложилъ играть на Планше, но только англичанинъ, пожалуй, не согласится.

— Нѣтъ, право, я предпочитаю лучше ничѣмъ не рисковать.

— Очень жаль, — холодно сказалъ Атосъ, — англичанинъ сотканъ изъ пистолей. Э, полноте! Попробуйте только одинъ разъ, вѣдь это не долго, одна минута.

— А если я проиграю?

— Вы выиграете.

— Но если я проиграю?

— Ну, что же! Вы отдадите сѣдла.

— Такъ и быть одинъ ударъ, — сказалъ д'Артаньянъ.

Атосъ отправился на поиски за англичаниномъ. Англичанинъ былъ въ конюшнѣ, онъ разглядывалъ сѣдла и съ завистью восхищался ими. Случай былъ самый подходящій. Атосъ предложилъ ему слѣдующія условія: два сѣдла противъ одной лошади, или противъ ста пистолей, на выборъ. Англичанинъ живо сообразилъ, что однѣ только сѣдла сами

по себѣ стоили триста пистолей, и, довольный своей сообразител[ь]-
стью, онъ, разумѣется, согласился.

Д'Артаньянъ дрожащей рукой бросилъ кости, выпало три о[чка];
блѣдность молодого гасконца испугала Атоса.

— Какой несчастный ударъ,—сказалъ онъ.—Ваши лошади бу[дутъ]
съ сѣдлами, сударь,—обратился онъ къ англичанину.

Англичанинъ, торжествующій, не потрудился даже перемѣшать [ко]-
сти, онъ бросалъ ихъ на столъ, не глядя, такъ былъ онъ увѣренъ [въ]
своей побѣдѣ. Д'Артаньянъ отвернулся, чтобъ скрыть свою досаду.

— Вотъ те на! — сказалъ Атосъ своимъ всегдашнимъ спокойн[ымъ]
голосомъ.—Довольно необыкновенный случай въ игрѣ въ кости, я [ви]-
дѣлъ это только четыре раза въ своей жизни: два очка!

Англичанинъ взглянулъ и обомлѣлъ отъ удивленія, д'Артань[янъ]
взглянулъ и обомлѣлъ отъ восторга.

— Да,—продолжалъ Атосъ,—только четыре раза: первый ра[зъ у]
г. Крэки, второй у себя, въ имѣніи, въ моемъ замкѣ... когда у [меня]
еще былъ замокъ; третій разъ у г. де-Тревилля и, наконецъ, чет[вер]-
тый—въ одномъ кабачкѣ, гдѣ я проигралъ сто луидоровъ и ужин[ъ].

— Итакъ, вы берете свою лошадь назадъ?—спросилъ англича[нинъ]
д'Артаньяна.

— Обязательно,—отвѣчалъ тотъ.

— И не дадите мнѣ отыграться?

— Вѣдь вы помните, что мы условились не отыгрываться?

— Это правда. Лошадь будетъ сейчасъ же передана вашему ла[кею].

— Одну минуту,—вмѣшался Атосъ,—съ вашего позволенія, [су]-
дарь, я скажу одно только слово моему другу.

— Говорите.

Атосъ отвелъ д'Артаньяна въ сторону.

— Ну,—сказалъ д'Артаньянъ,—чего еще хочешь ты отъ [меня],
искуситель. Ты, разумѣется, хочешь, чтобы я снова игралъ, не так[ъ ли]?

— Нѣтъ, я хочу, чтобы вы разсудили.

— Что?

— Вы хотите взять лошадь, не такъ ли?

— Конечно.

— Напрасно; я взялъ бы деньги. Вѣдь вы знаете, что ставкой [про]-
тивъ сѣделъ была лошадь или сто пистолей—на выборъ?

— Да.

— Я бы взялъ сто пистолей.

— Ну, а я—беру лошадь.

— И вы прогадаете, увѣряю васъ. Что мы станемъ дѣлать вд[воемъ]
съ одной лошадью, не могу же я сѣсть ей на крупъ, позади [васъ].
Точно также, я увѣренъ, не захотите вы и унизить меня, поѣха[въ р]я-
домъ со мной на своемъ великолѣпномъ боевомъ конѣ? Я бы, не ко[ле]-
блясь ни минуты, взялъ сто пистолей. Вѣдь намъ нужны деньги, чтобы
вернуться въ Парижъ.

— Я, все-таки, стою за лошадь, Атосъ.

— Напрасно, мой другъ, напрасно! Лошадь можетъ осту[пи]ться,
сломать себѣ ногу; можетъ случиться, что ваша лошадь поѣст[ъ] изъ
тѣхъ же яслей, гдѣ только что ѣла лошадь, зараженная сапомъ: вотъ
вамъ и лошадь, и сто пистолей погибли. Не забудьте, что хозяин[ъ]

кормить свою лошадь, тогда какъ пистоли, напротивъ, сами кормятъ хозяина.

— Но какимъ же образомъ мы возвратимся назадъ?

— На лошадяхъ нашихъ слугъ, чортъ подери! По нашему виду всякій сейчасъ же догадается, что мы люди не простые.

— Нечего сказать, хороши мы будемъ на нашихъ рысакахъ-клячахъ рядомъ съ Портосомъ и Арамисомъ, гарцующими на своихъ коняхъ!

— Арамисомъ! Портосомъ! — вскричалъ Атосъ со смѣхомъ.

— Что такое? — спросилъ д'Артаньянъ, не понимая причины такой веселости своего друга.

— Хорошо, хорошо, продолжайте, — сказалъ Атосъ.

— Итакъ, по вашему мнѣнію?..

— Лучше взять сто пистолей, д'Артаньянъ; съ этими деньгами мы отлично попируемъ до самаго конца мѣсяца; вѣдь мы порядкомъ потрудились, не мѣшало бы намъ и отдохнуть.

— Мнѣ отдыхать! О, нѣтъ, Атосъ! Я какъ только пріѣду въ Парижъ, сейчасъ же примусь за поиски моей бѣдной Констанціи.

— Такъ что же вы думаете, что лошадь скорѣе поможетъ вамъ отыскать ее, чѣмъ золото? Берите лучше деньги, мой другъ, берите деньги.

Послѣдній изъ доводовъ Атоса показался д'Артаньяну болѣе всѣхъ уважительнымъ. Къ тому же, настаивая слишкомъ долго на своемъ, онъ боялся показаться Атосу эгоистомъ. Итакъ, онъ сдался и взялъ сто пистолей, которые англичанинъ тутъ же и отсчиталъ ему.

— Вотъ те на! — сказалъ Атосъ своимъ всегдашнимъ спокойнымъ голосомъ. — Довольно необыкновенный случай въ игрѣ въ кости, я видѣлъ это только четыре раза въ своей жизни: два очка!

Затѣмъ, рѣшено было ѣхать немедленно. Подписали миръ, онъ обошелся, не считая старой лошади Атоса, еще въ шесть пистолей.

Д'Артаньянъ и Атосъ сѣли на лошадей Планше и Гримо, а слуги пошли пѣшкомъ, неся на головахъ своихъ сѣдла.

Какъ ни плохи были лошади нашихъ друзей, но они скоро опередили своихъ слугъ и пріѣхали въ Кревкеръ. Еще издали они увидѣли Арамиса, сидѣвшаго подъ своимъ окномъ и съ грустью глядѣвшаго, какъ „сестра Анна въ Синей-Бородѣ“ на пылившуюся дорогу.

— Эй, Арамисъ! Что вы тамъ дѣлаете? — закричали ему друзья.

— А, это вы, д'Артаньянъ, это вы, Атосъ? — сказалъ молодой человѣкъ. — Я думалъ о томъ, какъ скоро исчезаютъ всѣ блага на этомъ свѣтѣ, моя англійская лошадь, только что исчезнувшая въ облакахъ

пыли, послужила мнѣ живымъ примѣромъ непрочности всего земного. Сама жизнь наша заключается въ трехъ словахъ: Erat, est, fuit, (было, есть и будетъ).

— Что же, въ сущности, все это означаетъ?—спросилъ д'Артаньянъ.

— То, что я сейчасъ разыгралъ страшнаго дурака; шестьдесятъ луидоровъ за лошадь, которая, судя по ея бѣгу, можетъ дѣлать по пяти миль въ часъ!

Д'Артаньянъ и Атосъ покатились со смѣху.

— Милый д'Артаньянъ,—сказалъ Арамисъ,—не сердитесь очень на меня, прошу васъ, нужда все заставитъ сдѣлать. Къ тому же я первый и наказанъ за это, такъ какъ подлый барышникъ надулъ меня, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ луидоровъ. Ахъ, вы всѣ бережливѣе меня! Вы возвращаетесь на лошадяхъ вашихъ слугъ, вы, вѣрно, приказали вести вашихъ коней въ поводу, шагомъ, чтобы не измучить ихъ?

Въ эту самую минуту, фургонъ, уже нѣсколько времени тому назадъ какъ показавшійся по Амьенской дорогѣ, остановился у воротъ гостиницы, и изъ него вышли Гримо и Планше съ сѣдлами на головахъ. Встрѣтивъ по дорогѣ фургонъ, возвращающійся въ Парижъ порожнякомъ, они упросили фургонщика взять ихъ съ собой, обѣщавъ ему за свой провозъ обильное угощеніе.

— Что это такое? — спросилъ Арамисъ, въ недоумѣніи глядя на вновь прибывшихъ. — И ничего больше, какъ только сѣдла?

— Теперь вы понимаете? — спросилъ Атосъ.

— Друзья мои, вы поступили совершенно такъ же, какъ я. Я сохранилъ сѣдло, просто инстинктивно. Эй, Базенъ! Принеси-ка мое новое сѣдло и положи его рядомъ съ этими сѣдлами!

— А что вы сдѣлали съ вашими духовниками? — спросилъ д'Артаньянъ.

— На другой день я пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать, — отвѣчалъ Арамисъ,—кстати сказать, здѣсь чудное вино—за обѣдомъ я постарался напоить своихъ гостей, тогда священникъ запретилъ мнѣ снимать военный мундиръ, а іезуитъ сталъ просить меня, чтобы я помогъ ему поступить въ мушкетеры.

— Только безъ всякихъ диссертацій! — вскричалъ д'Артаньянъ. — Безъ диссертацій, прошу васъ! Долой диссертаціи! Я требую ихъ уничтоженія.

— Съ тѣхъ поръ,—продолжалъ Арамисъ,—я очень пріятно провожу время. Я началъ одну поэму въ одностопныхъ стихахъ; это довольно трудно, но вѣдь заслуга въ томъ и состоитъ, чтобы преодолѣвать всякія трудности. Тема прелестна, я прочту вамъ первую пѣснь, въ ней четыреста стиховъ.

— Знаете что, дорогой Арамисъ, — сказалъ д'Артаньянъ, ненавидѣвшій стихи почти такъ же, какъ и латынь,—я бы вамъ посовѣтовалъ къ трудностямъ присоединить еще и краткость, тогда, повѣрьте, ваша поэма выиграла бы еще на сто процентовъ.

— Въ ней воспѣваются, — продолжалъ Арамисъ, — самыя честныя страсти. Вотъ вы увидите! А теперь, друзья мои, мы значитъ возвращаемся въ Парижъ? Браво! я готовъ, и мы снова свидимся съ добрымъ Портосомъ? Тѣмъ лучше! Вы не повѣрите, какъ мнѣ подчасъ не-

доставало этого громаднаго дурня. Вотъ ужъ онъ, навѣрное, не продалъ бы свою лошадь, даже за королевство. А хотѣлось бы мнѣ его видѣть на новомъ конѣ. Я увѣренъ, что онъ будетъ возсѣдать на немъ, какъ „Великій Моголъ“.

Послѣ часовой остановки, когда лошади вполнѣ отдохнули, а Арамисъ расплатился съ хозяиномъ Кревкёрской гостиницы и посадилъ Базена въ фургонъ вмѣстѣ съ Гримо и Планше, все общество двинулось дальше въ путь, за Портосомъ.

Его застали уже вставшимъ съ постели и не такимъ блѣднымъ, какимъ видѣлъ его д'Артаньянъ въ свое первое посѣщеніе. Онъ сидѣлъ за столомъ, уставленнымъ въ такомъ изобиліи всякими яствами, отборными винами и превосходными фруктами, что можно было подумать, что обѣдъ приготовленъ не на одного, а на цѣлыхъ четырехъ человѣкъ.

— А, чортъ возьми!—радостно вскричалъ онъ, вставая на-

Фургонъ остановился у воротъ гостиницы, и изъ него вышли Гримо и Планше съ сѣдлами на головахъ.

встрѣчу друзьямъ. — Какъ кстати вы пріѣхали, господа. Я только что началъ ѣсть супъ, надѣюсь, вы отобѣдайте со мной!

— О, о, — проговорилъ д'Артаньянъ, — неужели это Мускетонъ выловилъ своимъ лассо всѣ эти бутылки, шпигованную телятину и говяжій филей?..

— Я подкрѣпляюсь, — сказалъ Портосъ, — я подкрѣпляюсь, мнѣ это необходи[illegible] в[illegible]становленія мо[illegible]хъ силъ. Ничто не ослабляетъ такъ

человѣка, какъ эти проклятые вывихи; у васъ были когда-нибудь вывихи, Атосъ?

— Никогда; разъ только, помню, въ одну изъ нашихъ стычекъ на улицѣ Керру, я получилъ ударъ шпагою и проболѣлъ послѣ этого такъ же, какъ вы, дней пятнадцать, или восемнадцать.

— Но вы, навѣрное, ждали къ обѣду гостей, дорогой Портосъ. Не для васъ же однихъ было столько наготовлено? — спросилъ Арамисъ.

— Нѣтъ, конечно, — отвѣчалъ тотъ. — Я пригласилъ сегодня кое-кого изъ сосѣдей дворянъ, но они прислали мнѣ сказать, что никакъ не могутъ притти. Вотъ вы ихъ теперь и замѣните. Право, я несказанно радъ такой замѣнѣ. Эй, Мускетонъ, стульевъ и еще столько же вина!

— А знаете, господа, что мы ѣдимъ, — спросилъ вдругъ Атосъ, среди минутно водворившейся тишины.

— Какъ что? — отвѣчалъ д'Артаньянъ. — Я ѣмъ въ настоящую минуту телятину, шпигованную баклажанами и мозгами.

— А я бараній филей, — сказалъ Портосъ.

— А я бѣлое мясо пулярдки, — сказалъ Арамисъ.

— Господа, вы всѣ ошибаетесь, — важно проговорилъ Атосъ, — вы ѣдите конину.

— Э, полноте! — вскричалъ д'Артаньянъ.

— Конину! — съ гримасой отвращенія процѣдилъ сквозь зубы Арамисъ.

Одинъ только Портосъ молчалъ.

— Да, конину. Не правда ли, Портосъ, вѣдь вы угощаете насъ кониной? И, можетъ-быть, даже съ чепракомъ и сѣдломъ?

— Нѣтъ, господа, сѣдло и вся упряжь остались у меня, — сказалъ Портосъ.

— Честное слово, мы, оказывается, всѣ стоимъ другъ друга, — воскликнулъ Арамисъ. — Можно подумать, что мы всѣ сговорились.

— Что же было дѣлать, — съ виноватой миной сталъ объяснять Портосъ. — Лошадь своей красотой конфузила моихъ посѣтителей, а я не хотѣлъ ихъ унижать.

— А ваша герцогиня все еще на водахъ, не правда ли? — спросилъ д'Артаньянъ.

— До сихъ поръ, — отвѣчалъ Портосъ. — Къ тому же, — продолжалъ онъ, — мнѣ показалось, что моя лошадь такъ понравилась губернатору здѣшней провинціи, одному изъ тѣхъ джентельменовъ, которыхъ я ждалъ къ себѣ на сегодняшій обѣдъ, что я подарилъ ее ему.

— Подарили! — вскричалъ д'Артаньянъ.

— Ахъ, Боже мой! Да, подарилъ! Именно подарилъ, — сказалъ Портосъ — потому что она, навѣрное, стоила полтораста луидоровъ, а этотъ скаредъ далъ мнѣ только восемьдесятъ.

— Безъ сѣдла? — спросилъ Арамисъ.

— Да, безъ сѣдла.

— Замѣтьте, господа, — проговорилъ Атосъ, — Портосъ продалъ свою лошадь выгоднѣе всѣхъ насъ.

Раздался общій хохотъ. Бѣдняга Портосъ былъ пораженъ, онъ не понималъ этого смѣха, но ему тотчасъ же объяснили причину его, и онъ, по своему обыкновенію, принялъ въ этомъ весельи самое шумное участіе.

Итакъ, значитъ, мы всѣ при деньгахъ? — сказалъ д'Артаньянъ.
— Только не я, — замѣтилъ Атосъ. — Я нашелъ испанское вино амиса настолько вкуснымъ, что приказалъ положить шестьдесятъ бутылокъ точно такого же вина въ фургонъ къ нашимъ слугамъ, а это, надо вамъ сказать, сильно порастрясло мои карманы.

— Ну, ну, — сказалъ Атосъ, обмѣниваясь улыбкой съ д'Артаньяномъ и Арамисомъ, — мы видимъ, что вы, какъ и слѣдуетъ быть доброму барину, отнеслись великодушно къ своему слугѣ.

— А я, представьте себѣ, — проговорилъ Арамисъ, — отдалъ все, ослѣдняго су въ церковь Мондидье и къ Амьенскимъ іезуитамъ. ...ч были нѣкоторыя обязательства, которыя я давно уже долженъ б... лнить, къ тому же мнѣ хотѣлось заказать и за себя, и з... ш. Я увѣренъ, что ...о послужитъ намъ всѣмъ къ бла...

— А мнѣ, какъ вы думаете, мой вывихъ ни во что не обошелся, — сказалъ Портосъ. — А рана Мускетона? Знаете ли вы, что я принужденъ былъ звать для него хирурга два раза въ день? Мошенникъ бралъ съ меня за каждый визитъ двойную плату подъ тѣмъ предлогомъ, что этому глупому Мускетону удалось получить пулю въ такое мѣсто, которое обыкновенно показывается однимъ только аптекарямъ. Я ужъ ему совѣтовалъ на будущее время не позволять себя ранить въ такія мѣста.

— Ну, ну, — сказалъ Атосъ, обмѣниваясь улыбкой съ д'Артаньяномъ и Арамисомъ, — мы видимъ, что вы, какъ и слѣдуетъ быть доброму барину, отнеслись великодушно къ своему слугѣ.

— Однимъ словомъ, — продолжалъ Портосъ, — когда я расплачусь со всѣми долгами въ этой гостиницѣ, у меня останется еще цѣлыхъ тридцать пистолей.

— А у меня десять, — прибавилъ Арамисъ.

— Однако, — замѣтилъ Атосъ, — да мы, оказывается, настоящіе Крезы. А у васъ сколько осталось, д'Артаньянъ?

— Изъ этой сотни пистолей? Во-первыхъ, я далъ изъ нихъ вамъ пятьдесятъ.

— Вы думаете?

— Ну, вотъ!

— Ахъ, да, правда, вспомнилъ.

— Потомъ я заплатилъ еще шесть хозяину.

— Что за скотина этотъ трактирщикъ! Къ чему вы ему дали эти шесть пистолей?

— Вы же мнѣ велѣли дать.

— Правда, я слишкомъ добръ. Однимъ словомъ, сколько же всего осталось?

— Двадцать пять пистолей, — отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— А у меня, — сказалъ Атосъ, высыпая нѣсколько мелкихъ монетъ изъ кармана, — у меня...

— У васъ — ничего.

— Да, правда, такая бездѣлица, что и считать не стоитъ.

— Теперь рѣшимъ, сколько же у насъ у всѣхъ вмѣстѣ?

— Портосъ?

— Тридцать экю.

— Арамисъ?

— Десять пистолей

— У васъ, д'Артаньянъ?

— Двадцать пять.

— Это будетъ всего? — спросилъ Атосъ.

— Четыреста семьдесятъ пять ливровъ! — отвѣчалъ д'Артаньянъ, считавшій какъ самъ Архимедъ.

— По пріѣздѣ въ Парижъ, у васъ останется еще четыреста, плюсъ ...ла, — сказалъ Портосъ.

— А наши эскадронныя лошади? — вспомнилъ Арамисъ.

— Ну что же! Изъ четырехъ лошадей нашихъ слугъ, мы обратимъ въ господскихъ и разыграемъ ихъ на узелки. Четырехсотъ ... ...тъ еще на полъ-лошади для одно... изъ не имѣвшихъ ... ...оскребушки изъ нашихъ карм... ...ъ мы вручимъ д...

таньяну, у него счастливая рука; пусть идетъ въ первый попавшійся игорный домъ и отыгрывается за всѣхъ насъ. Вотъ и все.

— Давайте же обѣдать, — сказалъ Портосъ, — а то все простынетъ.

Друзья, не безпокоясь болѣе о будущемъ, съ новымъ аппетитомъ принялись за прерванный обѣдъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, д'Артаньянъ нашелъ у себя письмо де-Тревилля, въ которомъ тотъ сообщалъ ему, что король оказалъ ему милость и изъявилъ свое согласіе на принятіе его въ мушкетеры.

Такъ какъ это было главной мечтой въ его жизни, исключая, конечно, желанія отыскать г-жу Бонасье, то онъ, весь сіяющій, побѣжалъ къ друзьямъ, чтобы съ ними, съ первыми, подѣлиться своей радостью. Онъ засталъ все маленькое общество на квартирѣ у Атоса, собравшееся на совѣтъ. Всѣ были печальны и чѣмъ-то страшно озабочены.

Г. де-Тревиль только что предупредилъ ихъ, что его величество принялъ твердое рѣшеніе объявить войну 1 мая, и что поэтому имъ необходимо было немедленно приготовиться къ походу и заняться своей экипировкой.

Четыре философа съ недоумѣніемъ поглядывали другъ на друга: де-Тревилль не шутилъ, когда дѣло касалось дисциплины.

— А во сколько, по-вашему, обойдется экипировка? — спросилъ д'Артаньянъ.

— О! и говорить не стоитъ! — отвѣчалъ Арамисъ. — Мы только что сдѣлали расчетъ, кладя на все со скупостью спартанцевъ. На каждаго приходится по тысячѣ пятьсотъ ливровъ.

— Четырежды пятнадцать будетъ шестьдесятъ, и того шесть тысячъ ливровъ, — сосчиталъ Атосъ.

— Мнѣ кажется, — замѣтилъ д'Артаньянъ, — что если положить на каждаго по тысячѣ ливровъ, правда, что я разсчитываю не какъ спартанецъ, а какъ прокуроръ...

Слово „прокуроръ" какъ будто осѣнило Портоса.

— Погодите, мнѣ пришла въ голову одна идея! — воскликнулъ онъ.

— Это все-таки больше, чѣмъ ничего, у меня такъ и намека нѣтъ ни на какую идею, — хладнокровно проговорилъ Атосъ. — А вотъ д'Артаньянъ, господа, такъ тотъ, кажется, отъ счастья поступить въ мушкетеры потерялъ разсудокъ! Тысячу ливровъ! Да мнѣ одному понадобится, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи!

— Четырежды два восемь, — сказалъ Арамисъ, — слѣдовательно на нашу экипировку намъ надо восемь тысячъ ливровъ. Правда, у насъ есть уже сѣдла...

— Больше, — сказалъ Атосъ, подождавъ, когда д'Артаньянъ, отправившійся благодарить де-Тревилля за его хлопоты, заперъ за собой дверь. — А чудный брильянтъ, сверкающій на пальцѣ нашего друга, вы забыли? Чортъ возьми! Д'Артаньянъ слишкомъ добрый товарищъ: неужели онъ захочетъ ставить своихъ друзей въ затруднительное положеніе, когда самъ носитъ на пальцѣ драгоцѣнность, съ помощью которой можно выкупить короля?

Глава XIV.

Охота за экипировкой.

Изъ всѣхъ четырехъ друзей болѣе другихъ былъ озабоченъ, конечно, д'Артаньянъ, хотя ему, какъ гвардейцу, гораздо легче было экипироваться, чѣмъ мушкетерамъ; но нашъ юноша-гасконецъ былъ, во-первыхъ очень разсчетливъ, даже скупъ, если хотите, а, во-вторыхъ—такъ гордъ, что своей гордостью превосходилъ даже самого Портоса.

Кромѣ того, наряду съ этой думой — во что бы то ни стало удовлетворить своему тщеславію,—д'Артаньяна мучила, въ данный моментъ, еще и другая забота, хотя и менѣе эгоистичная.

Изъ всѣхъ собранныхъ имъ свѣдѣній относительно г-жи Бонасье онъ не узналъ ничего новаго. Де-Тревилль говорилъ о ней королевѣ, но королева ничего не знала о судьбѣ своей камеристки, и, хотя она и обѣщала принять участіе въ розыскахъ ея, но это обѣщаніе было такъ неопредѣленно, что оно нисколько не успокоило д'Артаньяна.

Атосъ не выходилъ изъ своей комнаты, онъ рѣшилъ не дѣлать ни шагу для своей экипировки.

— Намъ остается пятнадцать дней, — говорилъ онъ друзьямъ,— ну, что же! Если въ эти пятнадцать дней я не найду ничего, или, скорѣе, ничто не найдетъ меня, я, конечно, не пущу себѣ пули въ лобъ, потому что я хорошій католикъ; а пойду и постараюсь затѣять ссору или съ четырьмя гвардейцами его высокопреосвященства, или съ четырьмя англичанами. Ужъ, навѣрное, кто-нибудь изъ нихъ да убьетъ меня; тогда всѣ скажутъ, что Атосъ умеръ за короля! Мнѣ же только этого и нужно; и долгъ будетъ исполненъ, и экипировки не понадобится.

Портосъ продолжалъ ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивши руки за спину и, покачивая головой, повторялъ:

— Надо привести въ исполненіе эту идею, надо непремѣнно!

Арамисъ, озабоченный и плохо завитой, не говорилъ ничего.

Можно судить послѣ этого, какое страшное отчаяніе водворилось въ ихъ маленькомъ обществѣ!

Съ своей стороны, и слуги, какъ кони Ипполита, вполнѣ раздѣляли печаль своихъ господъ.

Мускетонъ готовилъ запасы сухарей; Базенъ, всегда склонный къ набожности, теперь почти не выходилъ изъ церкви; Планше смотрѣлъ, какъ летаютъ мухи, а Гримо, котораго даже общая скорбь не могла заставить нарушить молчаніе, наложенное на него его бариномъ, вздыхалъ такъ тяжело, что, казалось, сами камни должны были смягчиться.

Трое друзей, кромѣ Атоса, поклявшагося, какъ мы уже сказали, не дѣлать ни шагу для своей экипировки, выходили изъ дому каждый день рано утромъ и возвращались назадъ только поздно вечеромъ. Они бродили по улицамъ и осматривали всѣ мостовыя и тротуары, ища, не обронилъ ли кто изъ пѣшеходовъ кошелька съ деньгами. Встрѣчаясь, они бросали другъ на друга полные отчаянія взоры, выражавшіе каждый разъ одинъ и тотъ же нѣмой вопросъ: „Нашелъ ли ты что-нибудь?"

Между тѣмъ, такъ какъ Портосу первому пришла какая-то идея, и онъ настойчиво держался за нее, то онъ первый и началъ дѣйствовать. Портосъ былъ человѣкъ рѣшительный. Однажды утромъ онъ отправился въ церковь Сенъ-Лё.

Д'Артаньянъ, видѣвшій это, почти инстинктивно пошелъ слѣдомъ за нимъ.

Передъ тѣмъ, какъ войти въ храмъ, Портосъ лихо закрутилъ усы, пригладилъ эспаньолку и пріосанился, что означало всегда съ его стороны самыя донъ-жуанскія намѣренія.

Такъ какъ д'Артаньянъ принималъ нѣкоторыя предосторожности, чтобы не выдать своего присутствія, то Портосъ былъ увѣренъ, что его никто не видитъ. Оба вошли въ церковь, Портосъ прислонился къ одной изъ колоннъ съ лѣвой стороны, д'Артаньянъ — съ правой.

Какъ разъ въ это время говорили проповѣдь, и церковь была полна народу. Портосъ воспользовался удобнымъ случаемъ и сталъ лорнировать дамъ. Благодаря тщательнымъ заботамъ Мускетона, внѣшность его нисколько не выдавала печальнаго состоянія его души и еще болѣе печальнаго состоянія его кармана.

Взоры Портоса, то останавливались украдкой на ней, то снова отлетали куда-то вдаль и блуждали въ пространствѣ.

Правда, его фетровая шляпа была довольно потерта, перо не такъ ярко, вышивки немного помяты, а кружева немного изорваны, но въ общемъ, въ полумракѣ, всѣ эти мелочи скрадывались, и Портосъ оставался попрежнему „великолѣпнымъ“ Портосомъ.

Д'Артаньянъ сразу замѣтилъ на скамейкѣ, ближайшей къ ихъ колоннѣ, особу, нѣсколько зрѣлой красоты, немного желтую, немного худую, но строгую и высокомѣрную въ своемъ черномъ уборѣ.

Взоры Портоса, то останавливались украдкою на ней, то снова отлетали куда-то вдаль и блуждали въ пространствѣ.

Дама, съ своей стороны, поминутно краснѣла и все чаще и чаще кидала на вѣтреннаго Портоса молніеносные взгляды, которыхъ тотъ,

казалось, и не замѣчалъ. Было ясно, что такое поведенiе „великолѣпнаго“ мушкетера задѣвало за живое даму въ черномъ уборѣ: она кусала себѣ губы чуть не до крови, почесывала кончикъ носа, теребила молитвенникъ и съ видомъ отчаянiя ёрзала на своемъ мѣстѣ.

Видя это, Портосъ снова закрутилъ усы, пригладилъ еще разъ свою эспаньолку и принялся дѣлать какiе-то многозначительные знаки сидѣвшей около клироса молодой и прекрасной дамѣ. Красавица эта была, безъ сомнѣнiя, какая-нибудь знатная особа, такъ какъ сзади нея стоялъ маленькiй негритенокъ, принесшiй красную бархатную подушку, на которую она опускалась во время обѣдни, и горничная, державшая въ рукахъ футляръ для ея молитвенника, украшенный гербомъ.

Дама въ черномъ уборѣ слѣдила за каждымъ движенiемъ Портоса и, разумѣется, сейчасъ же замѣтила, что взоры его остановились на красавицѣ съ бархатной подушкой, негритенкомъ и горничной.

Портосъ, тѣмъ временемъ, велъ очень осторожную и хитрую игру: онъ подмигивалъ глазами, прикладывалъ палецъ къ губамъ и посылалъ по направленiю къ клиросу убiйственныя улыбочки, дѣйствительно, убивавшiя отверженную имъ красавицу. Наконецъ, она не выдержала и во время mea culpa, ударивъ себя въ грудь, такъ громко вздохнула, что всѣ присутствующiе, даже дама, стоявшая на красной подушкѣ, обернулись въ ея сторону. Портосъ выдержалъ характеръ: онъ понялъ все, но сдѣлалъ видъ, что ничего не слышалъ.

Дама на красной подушкѣ произвела очень сильное впечатлѣнiе на всѣхъ, во-первыхъ, на даму въ черномъ уборѣ, потому что эта послѣдняя видѣла въ ней, дѣйствительно, опасную для себя соперницу, во-вторыхъ, на Портоса, нашедшаго ее гораздо красивѣе дамы въ черномъ уборѣ, и, наконецъ, на д'Артаньяна, признавшаго въ ней даму, видѣнную имъ въ Менгѣ, Кале и Дуврѣ, ту самую, которую его преслѣдователь, человѣкъ съ рубцомъ, называлъ миледи.

Д'Артаньянъ, не теряя изъ виду даму съ красной подушкой, продолжалъ слѣдить за продѣлками Портоса, чрезвычайно смѣшившими его. Онъ давно уже догадался, что дама въ черномъ уборѣ была старая прокурорша съ Медвѣжьей улицы. Очевидно, Портосъ хотѣлъ отмстить ей за то, что она такъ упорно отказывалась прiйти къ нему на помощь, когда онъ съ больной ногой и безъ гроша въ карманѣ лежалъ въ гостиницѣ, въ Шантильи.

Проповѣдь кончилась: прокурорша направилась къ кропильницѣ со святой водой; Портосъ опередилъ ее и вмѣсто одного пальца опустилъ въ чашу всю руку. Прокурорша просiяла, предполагая, что Портосъ старается такъ для нея. Но каково же было ея удивленiе и разочарованiе, когда „великолѣпный“ мушкетеръ въ какихъ-нибудь трехъ шагахъ отъ нея, вдругъ отвернулся и, устремивъ попрежнему свой пристальный взглядъ на даму съ красной подушкой, сталъ ждать ея приближенiя.

Когда прелестная незнакомка проходила мимо Портоса, Портосъ вынулъ изъ кропильницы свою мокрую руку; красавица слегка дотронулась до нея своей изящной ручкой, улыбнулась и, перекрестившись, вышла изъ церкви.

Это было уже слишкомъ для бѣдной прокурорши. Теперь она не сомнѣвалась больше, что между красавицей и Портосомъ завязался романъ.

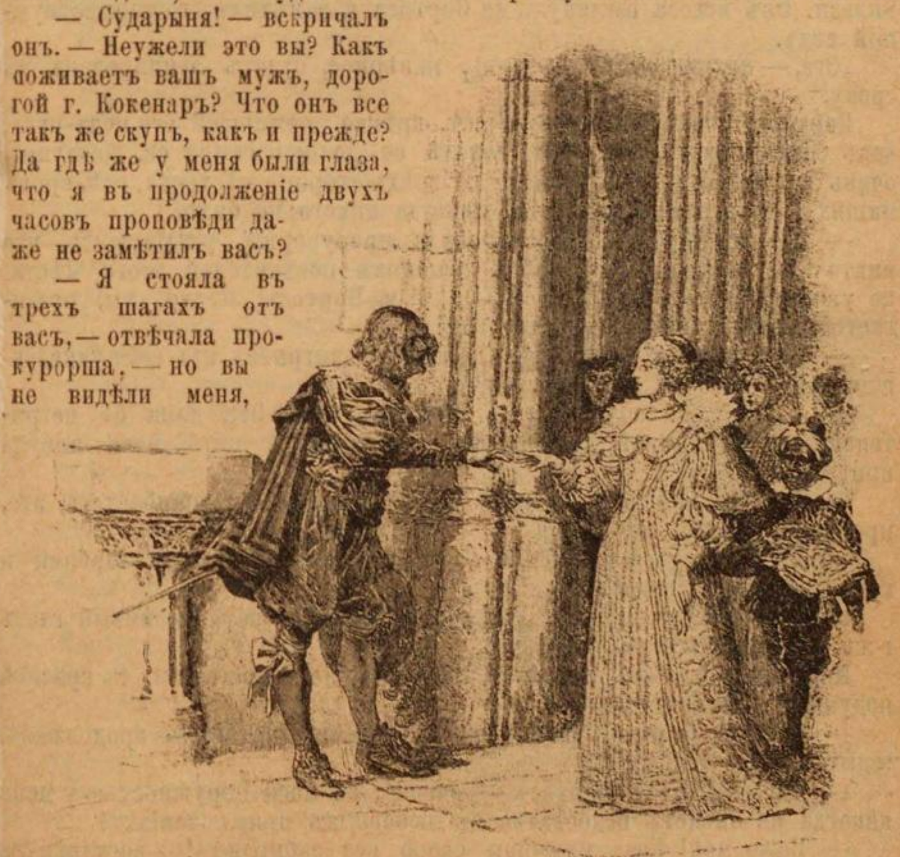
Если бы она была знатной дамой, она, навѣрное, упала бы въ обморокъ, но такъ какъ она была только прокуроршей, то она удовольствовалась тѣмъ, что сказала:

— А мнѣ, г. Портосъ, вы и не предлагаете святой воды?

Портосъ, при звукѣ этого голоса, оглянулся съ такимъ удивленнымъ видомъ, какъ будто только что проснулся послѣ столѣтняго сна.

— Сударыня! — вскричалъ онъ. — Неужели это вы? Какъ поживаетъ вашъ мужъ, дорогой г. Кокенаръ? Что онъ все такъ же скупъ, какъ и прежде? Да гдѣ же у меня были глаза, что я въ продолженіе двухъ часовъ проповѣди даже не замѣтилъ васъ?

— Я стояла въ трехъ шагахъ отъ васъ, — отвѣчала прокурорша, — но вы не видѣли меня,

Когда прелестная незнакомка проходила мимо Портоса, Портосъ вынулъ изъ кропильницы свою мокрую руку; красавица слегка дотронулась до нея своей изящной ручкой, улыбнулась и, перекрестившись, вышла изъ церкви.

потому что ваши взоры все время были устремлены на красавицу, которой вы только что подавали святую воду.

Портосъ сдѣлалъ видъ, что страшно смутился.

— Ахъ, — проговорилъ онъ, — вы замѣтили...

— Надо было быть слѣпой, чтобъ не замѣтить этого!

— Да, — небрежно отвѣчалъ Портосъ, — это одна герцогиня, одна изъ моихъ пріятельницъ; у нея ужасно ревнивый мужъ, такъ что намъ очень трудно съ ней встрѣчаться. Она предупредила меня, что придетъ сегодня ко мнѣ на свиданіе, и мы нарочно выбрали эту маленькую церковь въ этомъ глухомъ переулкѣ.

— Господинъ Портосъ, — сказала прокурорша, — не будете ли вы такъ любезны предложить мнѣ свою руку минутъ на пять? Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сударыня, — отвѣчалъ Портосъ, плутовски подмигивая самъ себѣ.

Въ эту минуту мимо нихъ проходилъ д'Артаньянъ, преслѣдовавшій милэди. Онъ искоса взглянулъ на Портоса и замѣтилъ его торжествующій видъ.

„Эге, — подумалъ онъ, — этотъ, навѣрное, будетъ экипированъ къ сроку!"

Портосъ, повинуясь прокурорщѣ, крѣпко державшей его подъ-руку, какъ барка повинуется рулю, довелъ ее до монастыря св. Маглуара, очень пустыннаго, огороженнаго со всѣхъ сторонъ мѣстечка, гдѣ, кромѣ нищихъ, да играющихъ дѣтей, никогда никого не было.

— Ахъ, г. Портосъ! — воскликнула прокурорша, увѣрившись, что никто изъ посторонних, кромѣ обычныхъ посѣтителей этого мѣста, не увидитъ и не услышитъ ее. — Ахъ! г. Портосъ! Итакъ, вы, оказывается, великій покоритель сердецъ!

— Я, сударыня? — отвѣчалъ Портосъ, разыгрывая изъ себя удивленнаго. — Изъ чего вы это заключаете?

— А всѣ ваши подмигиванія, а святая вода? Эта дама съ негритенкомъ и горничной должна быть, по меньшей мѣрѣ, какая-нибудь принцесса?

— О, Боже мой, нѣтъ, — отвѣчалъ Портосъ, — вы ошибаетесь, это, просто-на-просто, герцогиня.

— А скороходъ, ожидавшій ее у двери, а карета съ гербами и кучеромъ въ парадной ливреѣ?

Портосъ не видѣлъ ни скорохода ни кареты, зато ревнивый глазъ г-жи Кокенаръ все разсмотрѣлъ.

Портосъ пожалѣлъ, что съ перваго разу не назвалъ даму съ красной подушкой — принцессой.

— Ахъ, вы баловень всѣхъ красавицъ, г. Портосъ! — продолжала, вздыхая, прокурорша.

— Да, — отвѣчалъ Портосъ, — конечно, съ моей наружностью у меня никогда не бываетъ недостатка въ любовныхъ приключеніяхъ!

— Боже мой! Какъ мужчины скоро все забываютъ! — воскликнула прокурорша, возводя очи къ небу.

— Мнѣ кажется, не такъ скоро, какъ женщины, — сказалъ Портосъ, — да вотъ хоть взять въ примѣръ меня и васъ! Развѣ я не сдѣлался вашей жертвой, когда раненый, умирающій, очутился безъ хирургической помощи? Я, потомокъ знатнаго рода, довѣрившійся вашей дружбѣ, чуть было не умеръ, во-первыхъ, отъ ранъ, а затѣмъ отъ голода! Я валялся въ какой-то грязной гостиницѣ, въ Шантильи, а вы даже не удостоили ни разу отвѣтить на мои страстныя письма, посланныя вамъ!

— Но, г. Портосъ, — прошептала прокурорша, начиная чувствовать угрызеніе совѣсти.

— Я, пожертвовавшій для васъ баронессой фонъ-деръ...

— Я знаю.

— Графиней де...

— Господинъ Портосъ, будьте великодушны!

— Герцогиней...

— Господинъ Портосъ, не упрекайте меня!

— Вы правы, сударыня, я не буду продолжать.

— Во всемъ виноватъ мой мужъ, онъ не даетъ мнѣ денегъ.

— Г-жа Кокенаръ, — сказалъ Портосъ, — вспомните ваше первое письмо! Оно запечатлѣлось твердо въ моей памяти.

Прокурорша тяжело вздохнула.

— Но это опять-таки потому, что вы просили ужъ слишкомъ большую сумму...

— Г-жа Кокенаръ, я всегда оказывалъ вамъ предпочтенiе. Мнѣ стоило только написать герцогинѣ... Я не хочу называть ея имени, потому что компрометировать женщину не въ моихъ правилахъ, но я знаю, мнѣ стоило только написать, и она сейчасъ же прислала бы мнѣ полторы тысячи!

Прокурорша прослезилась.

— Господинъ Портосъ, — сказала она, — клянусь вамъ, что вы меня страшно наказали, и, если когда-нибудь въ будущемъ вы очутитесь снова въ такомъ положенiи, вамъ стоитъ только обратиться ко мнѣ.

— Полноте, сударыня! — отвѣчалъ Портосъ, какъ бы возмущенный ея словами. — Не будемъ, прошу васъ, говорить больше о деньгахъ! Это такъ унизительно!

— Полноте, сударыня! — отвѣчалъ Портосъ, какъ бы возмущенный ея словами. — Не будемъ, прошу васъ, говорить больше о деньгахъ! Это такъ унизительно.

— Значитъ, вы меня не любите, — проговорила медленно и грустно прокурорша.

Портосъ величественно молчалъ.

— Это вашъ отвѣтъ? Увы, я понимаю.

— Подумайте, какую обиду вы нанесли мнѣ, сударыня, она живетъ еще здѣсь, — проговорилъ Портосъ, ударяя себя въ грудь.

— Я заглажу ее; простите, мой дорогой Портосъ!

— И потомъ, что такое просилъ я у васъ? — продолжалъ Портосъ съ добродушнымъ видомъ, пожимая плечами. — Вѣдь только дать мнѣ взаемъ, больше ничего? Во всякомъ случаѣ, я не дуракъ, я понимаю, г-жа Кокенаръ, что вы не богаты, и что вашъ мужъ принужденъ изъ-за какихъ-нибудь нѣсколькихъ несчастныхъ экю прижимать своихъ бѣдныхъ должниковъ. О! если бы вы были графиня, маркиза или герцогиня, тогда другое дѣло, и я не простилъ бы васъ ни за что!

Прокурорша была задѣта за живое.

— Такъ знайте же, г. Портосъ,—вскричала она,—что мой сундукъ, хотя онъ и сундукъ только прокурорши, быть-можетъ, гораздо туже набитъ, чѣмъ сундуки всѣхъ вашихъ жеманныхъ красавицъ!

— Въ такомъ случаѣ, вы нанесли мнѣ двойную обиду,—сказалъ Портосъ, освобождая свою руку изъ-подъ руки прокурорши,—потому что, если вы богаты, г-жа Кокенаръ, то вашъ отказъ совсѣмъ непростителенъ!

— То-есть, я вовсе не такъ богата,—спохватилась прокурорша,—вы не поняли меня, у меня просто есть хорошія средства.

— Знаете, сударыня,—проговорилъ Портосъ,—не будемъ больше говорить объ этомъ. Вы разучились понимать меня, всякая симпатія между нами угасла.

— Неблагодарный!

— Ахъ! совѣтую вамъ еще жаловаться!

— Такъ идите же къ вашей прекрасной герцогинѣ! Я васъ больше не удерживаю.

— Ого! да она вовсе не такъ огорчена, какъ я думалъ!

— Послушайте, г. Портосъ, еще разъ, послѣдній: любите ли вы меня?

— Увы! сударыня,—грустнымъ голосомъ отвѣчалъ Портосъ,—когда мы отправимся на войну, гдѣ, предчувствіе говоритъ мнѣ, я буду убитъ...

— О! не говорите такихъ ужасныхъ вещей!—воскликнула прокурорша, разражаясь рыданіями.

— Предчувствіе меня никогда не обманывало,—продолжалъ Портосъ, еще печальнѣе.

— Скажите лучше, что у васъ опять новый романъ!

— Нѣтъ,—говорю вамъ откровенно.—Ничто новое меня теперь не занимаетъ. Я даже чувствую, что тутъ, въ глубинѣ моего сердца, что-то говоритъ въ вашу пользу. Но чрезъ пятнадцать дней, какъ вамъ извѣстно, или, можетъ-быть, даже и не извѣстно, начнется эта неизбѣжная война; я буду страшно занятъ своей экипировкой. Потомъ мнѣ надо еще съѣздить къ своей семьѣ въ Бретань, чтобы достать денегъ, необходимыхъ для моего отъѣзда.

Портосъ видѣлъ, что въ сердцѣ почтенной прокурорши происходила послѣдняя борьба между любовью и скупостью.

— А такъ какъ,—продолжалъ онъ,—герцогиня, которую вы видѣли въ церкви, имѣетъ помѣстья рядомъ съ моими, то мы и отправимся вмѣстѣ. Когда путешествуешь вдвоемъ, то, знаете, какъ-то не такъ бываетъ скучно, да и время не кажется такимъ долгимъ.

— Развѣ у васъ совсѣмъ нѣтъ въ Парижѣ друзей, г. Портосъ?—спросила прокурорша.

— Я думалъ, что я имѣю ихъ,—отвѣчалъ Портосъ, принимая попрежнему свой меланхолическій тонъ,—но я убѣдился теперь, что горько ошибался.

— У васъ есть друзья, г. Портосъ, есть!—воскликнула прокурорша въ какомъ-то порывѣ, вдругъ охватившемъ ее.—Приходите завтра ко мнѣ: вы сынъ моей тетки, слѣдовательно, мой двоюродный братъ; вы пріѣхали изъ Нуаона, изъ Пикардіи, у васъ въ Парижѣ нѣсколько процессовъ и ни одного знакомаго прокурора. Запомните вы все это?

— Конечно, сударыня.

— Приходите прямо къ обѣду.

— Прекрасно.

— Не уступайте ни въ чемъ моему мужу! Онъ страшно хитеръ, несмотря на свои семьдесятъ шесть лѣтъ.

— Семьдесятъ шесть лѣтъ! Чортъ возьми! Славный возрастъ!—проговорилъ Портосъ.

— Старый возрастъ, хотите вы сказать, г. Портосъ. Мой бѣдный старичокъ съ минуты на минуту можетъ оставить меня вдовой,—продолжала г-жа Кокенаръ, бросая многозначительный взглядъ на мушкетера.—Къ счастью, по нашему брачному контракту, все переходитъ къ тому, кто переживетъ.

— Все?—спросилъ Портосъ.

— Все.

— Я вижу, вы предусмотрительная женщина, моя дорогая г-жа Кокенаръ,—сказалъ Портосъ, нѣжно пожимая ея руку.

— Итакъ, мы помирились, мой милый Портосъ,—проговорила прокурорша, жантильничая.

— На всю жизнь,—въ томъ же тонѣ отвѣчалъ ей Портосъ.

— Такъ до свиданія, мой измѣнникъ!

— До свиданія, моя очаровательница!

— До завтра, мой ангелъ!

— До завтра, пламень моей жизни!

Глава XV.

Милэди.

Д'Артаньянъ послѣдовалъ за милэди, не будучи даже замѣченъ ею. Онъ видѣлъ, какъ она сѣла въ экипажъ и слышалъ, какъ она приказала своему кучеру ѣхать въ Сенъ-Жерменъ.

Было бы совершенно безполезно пытаться догонять пѣшкомъ ея карету, запряженную парой рослыхъ, мчавшихся крупной рысью лошадей.

Д'Артаньянъ рѣшилъ вернуться на улицу Феру. На улицѣ Сены онъ встрѣтилъ Планше, стоявшаго передъ маленькой кондитерской и любовавшагося выставленнымъ въ витринѣ аппетитнымъ куличомъ.

Д'Артаньянъ приказалъ ему отправиться въ конюшню де-Тревилля, разъ навсегда предоставившаго ему право пользоваться его лошадьми, осѣдлать двухъ изъ нихъ, одну для него, д'Артаньяна, другую для себя, Планше, и затѣмъ, явиться съ ними къ Атосу. Планше направился къ Голубятной улицѣ, а д'Артаньянъ къ улицѣ Феру.

Атосъ сидѣлъ дома и съ грустью доканчивалъ одну изъ бутылокъ знаменитаго испанскаго вина, привезеннаго имъ изъ Пикардіи. При видѣ дорогого гостя, онъ знакомъ приказалъ Гримо подать еще стаканъ и придвинуть мягкое кресло. Гримо безшумно повиновался. Усѣвшись поудобнѣе и принявъ отъ хозяина стаканъ съ чудной влагой, д'Артаньянъ сталъ разсказывать ему о томъ, что произошло въ церкви между Портосомъ и старой прокуроршей.

— Вотъ ужъ я могу быть спокоенъ, что женщины не примутъ на себя расходовъ по моей экипировкѣ,—замѣтилъ Атосъ.

— А, между тѣмъ, я увѣренъ, что при вашей красотѣ, любезности и знатности, мой дорогой Атосъ, не найдется ни принцессы ни королевы, способной устоять противъ вашихъ любовныхъ чаръ.

— Какъ этотъ д'Артаньянъ еще молодъ! — сказалъ Атосъ, пожимая плечами. И онъ сдѣлалъ знакъ Гримо принести вторую бутылку.

Въ эту минуту Планше скромно просунулъ голову въ полуотворенную дверь и доложилъ своему барину, что лошади поданы.

— Какія лошади? — спросилъ Атосъ.

— Де-Тревилля. Онъ одолжилъ мнѣ ихъ, чтобы прокатиться въ Сенъ-Жерменъ.

— А что вы будете дѣлать въ Сенъ-Жерменѣ?

Въ отвѣтъ д'Артаньянъ разсказалъ ему о своей встрѣчѣ въ церкви, о томъ, какъ онъ нашелъ, наконецъ, эту женщину и этого господина въ черномъ плащѣ и со шрамомъ на вискѣ, составлявшихъ для него вѣчную загадку.

— Вы просто влюблены въ эту особу, какъ были когда-то влюблены въ г-жу Бонасье, — сказалъ Атосъ, и, какъ бы сожалѣя о человѣческой слабости, онъ снова презрительно пожалъ плечами.

— Я, нисколько! — воскликнулъ д'Артаньянъ. — Мнѣ просто любопытно раскрыть эту тайну, окружающую ее. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что эта женщина, несмотря на то, что ни я ни она другъ друга совсѣмъ не знаемъ, имѣетъ какое-то особенное вліяніе на мою жизнь.

Горничная подошла къ нему и, принявъ его за Любена, подала ему маленькую записочку.

— Въ сущности, вы правы, — сказалъ Атосъ, — по-моему, разъ женщина потеряна, она не стоитъ, чтобъ ее искали. M-me Бонасье исчезла, тѣмъ хуже для нея, если она найдется.

— Нѣтъ, Атосъ, нѣтъ, вы ошибаетесь, — сказалъ д'Артаньянъ, — я люблю мою бѣдную Констанцію болѣе, чѣмъ когда-либо! Если бъ я только зналъ, куда ее увезли, я отправился бы за ней хоть на край свѣта и вырвалъ бы ее изъ рукъ злодѣевъ! Но... я не знаю гдѣ она,

всѣ мои поиски были безполезны. Что же дѣлать? Поневолѣ надо развлекаться.

— Такъ и развлекайтесь съ вашей милэди, если это васъ занимаетъ, дорогой другъ, отъ души желаю вамъ полнаго успѣха!

— Послушайте, Атосъ,—сказалъ д'Артаньянъ,—вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь взаперти, почти подъ арестомъ, садитесь на лошадь и поѣдемъ вмѣстѣ въ Сенъ-Жерменъ.

— Милый мой,—отвѣчалъ Атосъ,—я ѣзжу верхомъ только на собственныхъ лошадяхъ, когда же у меня ихъ нѣтъ—я хожу пѣшкомъ.

— Ну, а я,—сказалъ д'Артаньянъ, улыбаясь мизантропіи Атоса, которая, будь она выказана другимъ, навѣрное, оскорбила бы его,—я не такъ гордъ, какъ вы,—я ѣзжу на чемъ попадется. Итакъ, до свиданія мой дорогой Атосъ.

— До свиданія,—сказалъ мушкетеръ, дѣлая Гримо знакъ, чтобъ онъ откупорилъ только что принесенную бутылку вина.

Д'Артаньянъ и Планше сѣли на лошадей и отправились по дорогѣ въ Сенъ-Жерменъ.

Слова Атоса, сказанныя имъ относительно г-жи Бонасье, всю дорогу не выходили изъ головы молодого человѣка. Нельзя сказать, чтобы характеръ его отличался особенной чувствительностью, а, между тѣмъ, хорошенькая торговка произвела на него, дѣйствительно, глубокое впечатлѣніе; онъ былъ готовъ, какъ онъ говорилъ, итти искать ее хоть на край свѣта. Но вѣдь свѣтъ великъ и круглъ и имѣетъ много концовъ, а потому онъ и не зналъ, съ котораго конца начать ему свои поиски. Не благоразумнѣе ли было пока попытаться узнать, кто была эта милэди? Быть-можетъ, пускаясь на поиски за ней, онъ нападетъ на слѣдъ и Констанціи? Вѣдь милэди разговаривала съ господиномъ въ черномъ плащѣ, значитъ, она его знала, а д'Артаньянъ давно уже рѣшилъ въ своемъ умѣ, что г-жа Бонасье оба раза была похищена именно этимъ человѣкомъ.

Весь погруженный въ эти думы, молодой человѣкъ и не замѣтилъ, какъ они пріѣхали въ Сенъ-Жерменъ. Вотъ павильонъ, гдѣ, десять лѣтъ спустя, родился Людовикъ XIV, а вотъ и главная улица. Какъ тихо и пустынно на ней! Д'Артаньянъ внимательно глядѣлъ направо и налѣво, надѣясь встрѣтить гдѣ-нибудь прелестную англичанку, какъ вдругъ, въ первомъ этажѣ хорошенькаго маленькаго домика, ни одно окно котораго, по прежнему обычаю того времени, не выходило на улицу, на увитой цвѣтами террасѣ, ему мелькнуло знакомое лицо. Но только кто это, гдѣ видѣлъ онъ это лицо? Планше узналъ его первый.

— Ахъ, баринъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ д'Артаньяну,—неужели вы не узнаете этого ротозѣя, считающаго воронъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ,—хотя я увѣренъ, что вижу его уже не въ первый разъ.

— Да вѣдь это бѣдняга Любенъ, слуга графа де-Варда, помните того самого путешественника, котораго мѣсяцъ тому назадъ вы такъ ловко отдѣлали въ Кале, по дорогѣ къ дачѣ губернатора.

— Да, да, теперь я узнаю его! Ну, а онъ, какъ ты думаешь, узналъ тебя?

— Нѣтъ, мнѣ кажется, что онъ меня не помнитъ. Онъ былъ такъ напуганъ тогда.

— Такъ поди поговори съ нимъ, узнай, живъ ли остался его баринъ.

Планше соскочилъ съ лошади и направился прямо къ террасѣ. Любенъ, дѣйствительно, не узналъ его. Между слугами завязалась бесѣда самаго дружелюбнаго характера, а д'Артаньянъ тѣмъ временемъ повернулъ въ переулокъ, обогнулъ домъ и, вставъ позади живой изгороди изъ орѣшника, сталъ прислушиваться къ ихъ разговору. Не прошло и двухъ минутъ, какъ онъ услышалъ стукъ приближающейся кареты, а затѣмъ, какъ разъ противъ него, остановился и самъ экипажъ милэди. Ошибиться было невозможно—въ каретѣ сидѣла она сама.

Д'Артаньянъ пригнулся къ шеѣ лошади, чтобы, не будучи замѣченнымъ, имѣть возможность самому слѣдить за всѣмъ.

Милэди высунула свою прелестную бѣлокурую головку изъ-за занавѣски и стала что-то приказывать своей горничной.

Горничная, хорошенькая дѣвушка лѣтъ двадцати, двадцати двухъ, настоящая субретка знатной дамы, граціозно соскочила съ подножки кареты, гдѣ она сидѣла, по обычаю того времени, и быстро направилась къ террасѣ, увитой цвѣтами.

По странной случайности, какое-то приказаніе, отданное въ эту минуту изнутри дома, отозвало Любена въ комнату, и на террасѣ остался одинъ только Планше, съ недоумѣніемъ поглядывавшій по сторонамъ, куда могъ скрыться его баринъ.

Наконецъ, она не выдержала и ударила своего собесѣдника вѣеромъ съ такой силой, что эта миленькая принадлежность женскаго туалета разлетѣлась вдребезги.

Горничная подошла къ нему и, принявъ его за Любена, подала ему маленькую записочку.

— Вашему барину,—сказала она.

— Моему барину?—переспросилъ удивленный Планше.

— Да, очень нужное. Берите же скорѣе.

И съ этими словами она побѣжала къ каретѣ, уже успѣвшей въ это время поворотить назадъ, вскочила на подножку, и карета укатила.

Планше повертѣлъ записку въ рукахъ, затѣмъ, пріученный къ безпрекословному повиновенію, соскочилъ съ террасы въ садъ, вышелъ въ переулокъ и шагахъ въ двадцати отъ себя увидѣлъ д'Артаньяна, который все видѣлъ и уже самъ шелъ къ нему навстрѣчу.

— Велѣно передать вамъ, баринъ, — сказалъ Планше, подавая записку молодому человѣку.

— Мнѣ? — спросилъ д'Артаньянъ. — Ты увѣренъ въ этомъ?

— Ну, вотъ! Что же тутъ не быть увѣреннымъ? Горничная ясно сказала: „Твоему барину". У меня одинъ только баринъ — вы; такъ что... А красивенькая дѣвчоночка, ей Богу, это субретка!

Д'Артаньянъ открылъ письмо и прочелъ:

„Особа, интересующаяся вами болѣе, чѣмъ она можетъ это высказать, хотѣла бы знать, когда вы будете въ состояніи гулять по лѣсу. Завтра, въ гостиницѣ Шампъ-дю-Дра-д'Оръ, лакей въ черной съ краснымъ ливреѣ будетъ ожидать вашего отвѣта".

— Ого! — подумалъ д'Артаньянъ, — какое нетерпѣніе! Кажется, мы оба съ милэди интересуемся здоровьемъ одной и той же особы. Прекрасно! Планше, ну какъ же поживаетъ добрѣйшій г. де-Вардъ? Такъ, значитъ, онъ не умеръ?

— Нѣтъ, сударь, онъ чувствуетъ себя настолько хорошо, насколько хорошо можетъ чувствовать себя человѣкъ съ четырьмя ранами въ тѣлѣ, вѣдь вы, не въ обиду будь вамъ сказано, четыре раза съѣздили по немъ. Онъ еще очень слабъ, крови изъ него, говорятъ, вытекло пропасть. Какъ я и думалъ, Любенъ не узналъ меня и отъ начала до конца разсказалъ мнѣ все наше приключеніе.

— Отлично, Планше, ты король лакеевъ. Теперь садись на лошадь и догонимъ карету!

Это было не трудно; минутъ черезъ пять на поворотѣ дороги показалась карета, рядомъ съ ней у самой дверцы ея стоялъ какой-то богато-одѣтый всадникъ. Онъ разговаривалъ съ милэди, и разговоръ ихъ былъ такъ оживленъ, что никто, кромѣ хорошенькой субретки, не замѣтилъ, какъ д'Артаньянъ подъѣхалъ къ экипажу и остановился по другую сторону его.

Разговоръ происходилъ на англійскомъ языкѣ, совершенно непонятномъ для д'Артаньяна, но по тону разговаривающихъ молодой человѣкъ понялъ, что прекрасная англичанка на что-то страшно гнѣвалась. Глаза ея метали молніи, тонкія брови нервно сдвигались, наконецъ, она не выдержала и ударила своего собесѣдника вѣеромъ съ такой силой, что эта маленькая принадлежность женскаго туалета разлетѣлась вдребезги. Блестящій всадникъ расхохотался, а бѣдная милэди окончательно вышла изъ себя.

Д'Артаньянъ счелъ эту минуту удобной для себя, чтобы вмѣшаться въ ихъ разговоръ. Онъ подъѣхалъ ближе и, почтительно раскланявшись, проговорилъ:

— Сударыня, позвольте мнѣ предложить вамъ свои услуги? Мнѣ показалось, что этотъ господинъ разсердилъ васъ. Скажите только слово, и я жестоко накажу его за эту дерзость!

При первыхъ звукахъ его голоса, милэди повернула къ нему свою головку и, съ удивленіемъ взглянувъ на молодого человѣка, отвѣчала на чистомъ французскомъ языкѣ.

— О, сударь, я съ большимъ бы удовольствіемъ отдала себя подъ ваше покровительство, если бы только лицо, разсердившее меня, не приходилось мнѣ братомъ!

— Ахъ, въ такомъ случаѣ, извините меня,—сказалъ д'Артаньянъ,— я, право, не зналъ этого, сударыня.

— Чего ради вмѣшивается сюда этотъ скворецъ, — вскричалъ, наклоняясь къ дверцѣ кареты блистательный всадникъ. — Почему не ѣдетъ онъ своей дорогой?

— Сами вы скворецъ, — отвѣчалъ д'Артаньянъ, нагибаясь, въ свою очередь, къ окну кареты со своей стороны. — Я не ѣду потому, что хочу остаться здѣсь.

Всадникъ сказалъ нѣсколько словъ по-англійски своей сестрѣ.

— Я говорю съ вами по-французски, —вскричалъ д'Артаньянъ,— будьте любезны отвѣчать мнѣ на томъ же языкѣ! Вы приходитесь братомъ этой дамѣ, пусть будетъ такъ, но, по счастью, мнѣ вы не братъ!

Д'Артаньянъ схватилъ его лошадь подъ уздцы и остановилъ ее.

Можно было подумать, что миледи, пугливая, какъ и всѣ женщины, поспѣшитъ вмѣшаться въ этотъ непріятный инцидентъ и не дастъ ихъ ссорѣ зайти слишкомъ далеко; но, совершенно напротивъ, она откинулась въ глубину кареты и хладнокровно закричала кучеру:

— Поѣзжай въ отель!

Хорошенькая субретка бросила полный безпокойства взглядъ на д'Артаньяна, красивая наружность котораго произвела, повидимому, на нее сильное впечатлѣніе, карета умчалась, и противники очутились лицомъ къ лицу, никакая преграда не раздѣляла ихъ болѣе.

Въ первую минуту всадникъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая послѣдовать за каретой, но д'Артаньянъ, разгнѣванный, сразу узнавъ въ немъ англичанина, выигравшаго въ Амьенѣ у Атоса лошадь и чуть было не выигравшаго у него перстень, схватилъ его лошадь подъ уздцы и остановилъ ее.

— Эй вы, скворецъ! — закричалъ онъ. — Вы кажется забыли, что мы съ вами немножко поссорились?

— А-а! — сказалъ англичанинъ, — это вы, почтенный! Очевидно, вы постоянно играете, если не въ ту, такъ въ другую игру?

— Да. И вы мнѣ напомнили, что мнѣ нужно еще у васъ отыграться. Посмотримъ, такъ ли же ловко владѣете вы шпагой, какъ и костями, или нѣтъ?

— Вы видите, что со мной нѣтъ шпаги, — сказалъ англичанинъ, — или вы хотите разыграть храбреца передъ безоружнымъ?

— Надѣюсь, что она есть у васъ дома, — возразилъ д'Артаньянъ. — Во всякомъ случаѣ, у меня ихъ двѣ, если желаете, я могу одолжить вамъ одну изъ нихъ.

Портосъ выхватилъ шпагу изъ ноженъ и съ азартомъ принялся парировать противъ стѣны.

— Ненужно, — отвѣчалъ англичанинъ, — у меня достаточно у самого оружія всякаго сорта.

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, выберите шпагу подлиннѣе и приходите показать ее мнѣ сегодня вечеромъ.

— Куда прикажете?

— За Люксембургомъ, тамъ есть прелестное мѣсто для подобнаго рода прогулокъ.

— Хорошо, я приду.

— Въ которомъ часу?

— Въ шесть.

— Кстати, у васъ, навѣрное, найдется одинъ, или два товарища?

— Цѣлыхъ трое, всѣ они почтутъ за честь принять участіе въ моемъ дѣлѣ.

— Трое? Восхитительно! Какое совпаденіе!—сказалъ д'Артаньянъ.— И у меня трое.

— Теперь, кто вы такой?—спросилъ англичанинъ.

— Я д'Артаньянъ, гасконскій дворянинъ, служу въ гвардіи, въ ротѣ г. Дезессара. А вы?

— Я—лордъ Винтеръ, баронъ Шеффильдъ.

— Итакъ, я вашъ покорный слуга, господинъ баронъ,—сказалъ д'Артаньянъ,—не знаю какъ дальше: у васъ такія имена, что трудно ихъ запомнить.

И, пришпоривъ свою лошадь, онъ галопомъ помчался по дорогѣ въ Парижъ.

Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, молодой человѣкъ первымъ дѣломъ отправился къ Атосу.

Атосъ лежалъ на большомъ диванѣ и ждалъ, чтобы экипировочныя деньги сами явились къ нему.

Д'Артаньянъ подробно разсказалъ своему другу обо всемъ случившемся, умолчавъ лишь о запискѣ къ г. де-Варду. Атосъ пришелъ въ восторгъ, узнавъ, что ему предстоитъ драться противъ англичанина. Мы уже говорили, что это была его мечта.

Немедленно послали за Портосомъ и Арамисомъ и, когда тѣ явились, важная новость была сообщена и имъ.

Портосъ выхватилъ шпагу изъ ноженъ и съ азартомъ принялся парировать противъ стѣны. Арамисъ, все еще трудившійся надъ своей поэмой, заперся въ кабинетѣ Атоса и попросилъ, чтобы его больше не тревожили до самой дуэли.

Атосъ приказалъ Гримо принести вина, а д'Артаньянъ усѣлся въ кресло и сталъ обдумывать одинъ небольшой планъ, исполненіе котораго мы увидимъ впослѣдствіи, но который, судя по задорной улыбкѣ, озарявшей временами его юное лицо, сулилъ ему, навѣрное, какое-нибудь новое, интересное приключеніе.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.